

ТАТЬЯНА СОЛОДКОВА

ПТИЦЕФЕРМА

18+

Татьяна Солодкова

Птицеферма

«Автор»

2026

Солодкова Т.

Птицеферма / Т. Солодкова — «Автор», 2026

У неё больше нет имени. Теперь она — Гагара из лагеря Птиц. У неё больше нет прошлого — ее память отняли. У неё больше нет друзей — здесь, на планете-тюрьме, каждый сам за себя, а слабый — мертвец. Но в лагерь присылают нового заключённого, и жизнь Гагары меняется. Она точно знает, что он не тот, за кого себя выдает, и понимает: они связаны. В их прошлом — общие тайны. Но есть ли у них общее будущее?..***Относится к циклу "Вселенная Морган" только местом действия.***Внимание: содержит сцены насилия и жестокости (без детализации и смакования. Внимание: есть упоминание наркотиков.

© Солодкова Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	62
Глава 11	68
Глава 12	73
Глава 13	79
Глава 14	84
Глава 15	91
Глава 16	99
Глава 17	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Татьяна Солодкова

Птицеферма

Пролог

Из переписки

Эмбер. Привет. Спишь?

Ник. Сплю. (Смайлик, упавший на спину и раскинувший руки в стороны, высунув язык набок.)

Эмбер. Очень смешно.

Ник. Смешно.

Ник. Но ты права, не очень.

Ник. Ты как?

Ник. Эй, Янтарная.

Ник. Прием.

Ник. Предупреждаю, я сейчас запаникую и начну тебе звонить.

Ник. Я нервный, ты в курсе.

Ник. Янтарная, считаю до пяти, а если ты не отвечаешь, то звоню и бужу твою соседку.

Ник. Пя-а-а-а-а-ать...

Ник. Четыре...

Ник. Три...

Эмбер. Ты сдурел? Я попить отходила.

Ник. О, жива! (Смайлики — танцующие мартышки.)

Эмбер. Балбес. (Смайл, крутящий пальцем у виска.)

Ник. Так чего будила?

Эмбер. А ты правда спал?

Ник. Вопрос к делу не относится. Я тебя слушаю.

Эмбер. Ничего такого.

Ник. С ума с вами, женщинами, сойдешь. (Смайлик, стреляющий себе в голову.)

Ник. Волнуешься?

Эмбер. Немного.

Ник. Ага, и поэтому ты будишь меня среди ночи, чтобы поболтать. (Смайлик с табличкой «Не верю!»)

Эмбер. Ты не спал!

Ник. Просто у меня чуткий сон.

Эмбер. Зануда.

Ник. Каюсь.

Ник. Виновен.

Ник. Так что ты хотела?

Ник. Серьезно.

Эмбер. Волнуюсь.

Ник. Без паники. Все подготовлено и проверено миллион раз.

Эмбер. А кто вчера устроил Старику скандал и доказывал, что это должен быть он, а не я?

Ник. Я просто тебе позавидовал.

Эмбер. Или испугался.

Ник. Ну точно — что вся слава пройдет мимо меня.

Эмбер. Спасибо.

Ник. За что?

Ник. Я еще вроде как ничего не сделал.

Эмбер. Подбодрил.

Ник. Всегда готов.

Эмбер. Спокойной ночи.

Ник. Погоди.

Эмбер. Я тут. Джилл храпит. Вряд ли я сумею сегодня заснуть.

Ник. Из-за Джилл. Ну-ну.

Ник. Слушай.

Эмбер. Вся внимание.

Ник. Я уже серьезно.

Эмбер. Да-а-а?

Ник. Да.

Ник. Я лично проверял все отчеты. Разговаривал с нашим человеком ТАМ.

Ник. Все на мази, нужные люди получили обговоренные суммы и даже чуть больше.

Ник. Ты получишь дозу препарата втрое меньше обычного.

Ник. Вспомнишь все через несколько дней.

Ник. Тот мамой клянется, что осечек не будет.

Эмбер. Ник.

Ник. Что?

Эмбер. Я тоже читала отчеты, плюс Старик провел инструктаж. Все будет.

Ник. Тогда ложись спать.

Эмбер. Только если ты заберешь от меня Джилл.

Ник. Нет уж.

Ник. Она не в моем вкусе.

Ник. А ты, если хочешь, приезжай.

Эмбер. Мы это уже проходили. Отстань. Шутка устарела.

Ник. Никогда не поздно попытать удачу.

Эмбер. Ты в полете.

Ник. Я в курсе.

Ник. Так что иди спать.

Эмбер. Уговорил. Ухожу.

Ник. До завтра.

Эмбер. Завтра мы уже не пересечемся. Я вылетаю на рассвете.

Ник. В смысле?

Ник. Планы поменялись?

Ник. Почему я не в курсе?

Эмбер. Да, сегодня вечером внесли коррективы. Спокойной ночи.

Ник. Ты так шутишь, да?

Ник. Янтарная?

Ник. Глупая шутка.

Ник. Эмбер?

Ник. Ты еще там?

Ник. Черт!

Ник. Я выезжаю к тебе.

Последние семь сообщений не прочитаны.

* * *

Комната металлическая. Из металла вокруг все: пол, стены, потолок, стол и даже стул, прохладу которого чувствую сквозь тонкую ткань штанов. Наручники на моих запястьях — тоже металлические, как и скоба на поверхности стола, к которой их кто-то пристегнул. Кто? Когда? В голове туман, плотно покрывающий все то, что было до момента «здесь и сейчас».

Некоторое время рассматриваю наручники, затем опускаю взгляд на себя: на мне серая пижама. Это ведь пижама, правда? Широкие штаны и удлиненная футболка; ткань тонкая. Зябко повожу плечами, отчего гремит цепочка, соединяющая браслеты на моих руках со скобой стола. Звук отдается в висках тупой болью, хочется потереть лоб, но не дотянуться. Тут же начинается чесаться нос. Дергаю цепочку наручников с силой, но ничего не происходит. Снова этот звон.

Приходится встать и наклониться к самой столешнице — только так есть возможность достать пальцами до лица. Мм, блаженство... С облегчением прикрываю глаза, а когда распахиваю — вокруг темно. От неожиданности падаю обратно на стул, его острые края больно впиваются в бедра. Звенит цепочка.

Освещение не возвращается, зато глухая до этого стена передо мной оживает, превращаясь в экран. Вернее, в первое мгновение думаю, что это экран, но нет, передо мной кое-что поинтереснее — зеркало.

Жадно вглядываюсь в прикованную к столу молодую женщину в серой одежде. Худощавая, прямой нос, тонкие губы, светлые волосы до плеч, спутанные.

Дергаю плечом, и женщина в зеркале повторяет мое движение. Значит, все-таки не галлюцинация, это я. Я... такая? Не помню. Опять хочется потереть лоб или почесать нос — видимо, нервное, — но на сей раз сию не шевелюсь.

— Добрый день, — приветствует меня мужской голос.

Вскидываю голову, верчу ею по сторонам, но так и не нахожу взглядом динамик, поэтому решаю смотреть прямо перед собой: если зеркало — все же экран, то, очевидно, мой невидимый собеседник прячется за ним.

Понимаю, что губы пересохли.

— Да пошел ты, — разлепляю их и произношу нечто, чего сама от себя не ожидаю. Вежливое «Здравствуйте» или агрессивно-нервное «Кто вы и где я?!» были бы в данной ситуации уместнее. Но мне не хочется кричать и требовать, мне хочется... да, именно послать подальше своих мучителей.

Теряюсь, опускаю взгляд, рассматриваю руки. У меня тонкая кость, белая кожа с синими прожилками вен. На правом предплечье синяк.

Однако голос за зеркалом не трогает моя реакция. Пожалуй, меня сама она удивила и смутила больше.

— Как вас зовут? — спрашивает он все с тем же равнодушием, что и поздоровался ранее.

Снова открываю рот и... закрываю. В голове туман. Все, что было до этого момента, — белый лист.

— Как вас зовут? — повторяет голос. Он совершенно точно принадлежит мужчине. Но живому ли? Не робот ли играет со мной в игры?

Чувствую раздражение. Опять возникает желание огрызнуться, но сдерживаюсь.

— Как вас зовут? — спрашивают меня в третий раз.

Да он издевается!

— Я не знаю! — выкрикиваю. Хочу зло, а выходит беспомощно и жалко.

Сердце гулко колотится в груди. Я правда не знаю, ни кто я, ни как меня зовут, ни как здесь оказалась. Я даже эту женщину в зеркале вижу впервые. И вообще, она мне не нравится. Вон какая у нее сейчас гримаса на лице. Это... я?

Однако, кажется, кто его знает кто удовлетворен.

— Что последнее вы помните?

Ответ «Ни черта!» его устроит? Спокойно, спокойно... Выдыхаю. Напрягаюсь и действительно пытаюсь вспомнить хоть что-то. Но помню лишь эту камеру.

— Ничего, — выдыхаю, читая ужас на лице женщины в зеркале. Теперь она нравится мне еще меньше — выглядит совсем жалко.

— Сколько будет пять умножить на восемь?

— Сорок, — отвечаю на автомате.

— Столица Нового Рима?

— Ромеро.

— В каком веке человек совершил первый полет в космос?

На этот вопрос женщина в отражении не отвечает и хмурится. Кажется, начинаю к ней привыкать.

Упрямо сжимаю губы и не собираюсь больше отвечать на вопросы из программы младших классов. Я помню ответы на все, могу даже назвать год, в который Колумб открыл Америку. И мне хочется выть и биться в своих оковах от осознания того факта, что история Старой Земли мне известна лучше, чем собственная биография.

Я — ничто. Я — белый лист...

Глава 1

Два года спустя

Лето в этом году выдалось жарким, что удивительно, как говорят старожилы. Верю им на слово, потому что мне довелось застать лишь прошлое — ветреное и влажное. Зато тем летом отлично росли овощи. Этим же почва сохнет и трескается, а посевы приходится регулярно поливать и молиться, чтобы урожай удался. Впрочем, молиться — сильное преувеличение. Вряд ли Бог заглядывает на Пандору.

— Гагара, ты идешь?! — кричит мне Сова, закончившая свою часть работы, гремит пустым ведром.

— Догоню! — откликаюсь и делаю знак, чтобы возвращалась без меня.

Та пожимает плечами и уходит. Я не нравлюсь Сове. Она говорит, что я еще не смирилась, а такие только вносят смуту в привычный уклад жизни.

Выливаю с помощью кривого металлического ковши остатки воды из своего ведра на чахлую ботву моркови — на урожай которой все еще надеюсь — и бреду к лагерю. Куда медленнее уже скрывшейся из вида Совы — тяну время. Мне некуда спешить и не к кому торопиться.

Вечереет. Солнце уже не печет как сумасшедшее, но все равно жарко и душно.

Срываю косынку с волос и вытираю вспотевшее лицо.

Прошлым летом было легче: от холода можно скрыться под теплой кофтой. От жары не спрячешься. На мне лишь тонкий сарафан на бретелях (сама перешила старое платье), но пот струится по телу, будто меня искупали. Не знаю, как Сова ходит в такую погоду в наглухо застегнутой рубашке с воротником-стойкой. Я бы уже задохнулась. А она говорит, мой сарафан — призыв к разврату...

Пусть говорит — Сова уже немолода, ей положено учить «молодежь» жизни.

Подхожу к поселению. Помыться бы, но до реки идти далеко, а скоро нужно готовить ужин (моя смена) — не искупаешься.

Ничего, вот все уснут — и тогда в моем распоряжении будет целая ночь.

— Гагара у нас законодательница мод? — врывается в плавный ход моих мыслей чужой голос. — Мне нравится твое новое платье. — Чиж сидит на крыльце и с важным видом стругает какую-то ветку. Не прерывается даже для того, чтобы пробежать по моей фигуре сальным взглядом. — Конфетка.

Сомнительный комплимент — на такой жаре конфеты ассоциируются у меня с чем-то гадким и липким.

— Дать поносить? — огрызаюсь.

Прохожу по самому краю ступеней, чтобы не приближаться к Чижу — с этого станется, может начать распускать руки.

— Я не ношу бабские шмотки, — хохочет Чиж, не вняв угрозе в моем голосе. — Я их снимаю!

Снимает — не поспоришь. Снимает со всех, кто позволяет ему это сделать. А это доброе большинство Птицефермы. Чиж красив: темные выющиеся волосы, синие глаза. И имеет совершенно несносный характер: с мужчинами сцепляется, тренируя кулаки, женщин воспринимает как тела для развлечений. Но многим местным девчонкам нравится — Чиж популярен.

Мне не нравится в нем решительно ничего. И видимо, именно это подстегивает его ко мне интерес.

Говорят, лет десять назад на Птицеферме творился полный беспредел — все брали все и всех, кого хотели. Насиловали и убивали друг друга, женщины так вообще жили недолго. А те, кто выживал, лучше бы умерли.

А потом появился Филин. Сколотил банду из тех, кто разделял его идеи, и навел порядок. Отладил режим работы на рудниках, ввел дежурства на огороде и на кухне, запретил открытое насилие.

Говорят, первое время вешал недовольных по трое в день. А потом улеглось, устаканилось.

Говорят... По их словам, я попала на Птицеферму в хорошие времена, на все готовое, и должна радоваться. Сам Филин считает меня неблагодарной, потому что я все равно не испытываю радости, как ни пытайся ее в меня вбить.

Сломанные ребра срослись, а я все равно не рада...

— Чи-и-и-иж! — Из барака выбегает Кайра, пара Чижа.

Без пары на Птицеферме нельзя — так повелел Филин. После запрета на сексуальные домогательства окрыленные свободой женщины полностью перекрыли доступ к своим телам, и ущемленные мужчины чуть было не устроили бунт. Волнения Филин пресек и нашел нехитрый выход: каждой женщине — по постоянному партнеру, тем, кому женщины не хватило, можно «арендовать» тех, кто состоит в паре. Разумеется, по взаимному согласию. Потому что мы не Цветы или Камни — на Птицеферме царят законы цивилизованного общества. Не согласна — пойдешь по кругу, а затем на ветку ближайшего дерева с петлей на шее. Все просто и доходчиво: кости срастаются, а желание спорить отпадает. У меня отпало.

Кайра мчится к своему мужчине с каким-то делом, а меня замечает только в последний момент. Успеваю увернуться — затоптала бы.

— А, это ты? — Девушка презрительно кривит фиолетовые губы. Свекольный сок вместо помады, сажа вместо краски для бровей, кусок ткани под грудью, чтобы ее максимально приподнять, — вместо бюстгальтера. В этом вся Кайра — самая красивая женщина Птицефермы, по мнению большинства. — Опять к моему мужику лезешь?! — И самая ревнивая. Сколько волос она выдрала у тех, кто неосторожно засматривался на Чижа в ее присутствии...

Чижу нравится, он и сейчас довольно похихикивает у меня за спиной. Надеется на драку. Женские разборки — его любимый вид развлечения, особенно когда они случаются из-за него.

— Пройти дай, — прошу, крепче сжимая дужку ведра в своей ладони.

Именно прошу.

Мы с Кайрой дрались дважды — не из-за Чижа. Вернее, она из-за Чижа. А я — потому, что, когда на меня замахиваются, бью в ответ.

В первый раз Филин пожурил обеих и простил. Во второй — признал меня зачинщицей и вынес приговор. Мягкий по понятиям Птицефермы — розги. На спине остались шрамы, до сих пор иногда ноют на плохую погоду.

— Пройти дай, — повторяю, так как Кайра не двигается с места. Если ударит, тоже ударю не задумываясь, какие бы последствия меня ни ждали. Но если можно избежать драки — постараюсь.

Теперь я умнее. Филин прав: все поддаются дрессировке. Рано или поздно.

— А если не дам, то что? — Пухлые свекольные губы презрительно кривятся.

Вскидываю голову, встречаясь с Кайрой взглядом. На ее лице написаны вызов и решимость, а в глубине зеленых глаз — страх. Я вижу его, чувствую. Кайра задевает меня потому, что уверена: я не рискну вызвать гнев Филина вновь. Но она не забыла то, что в тот раз я не сломала ей руку лишь потому, что нас вовремя растащили. И сделаю это вновь, пусть я и легче ее килограмм на пятнадцать, — играючи, в два движения.

Ничего не говорю, только смотрю. Пристально, предупреждающе.

Кайра отводит взгляд и отступает на шаг в сторону — я худая, мне хватит.

— Сиськи прикрой! — несется уже вслед. — Еще раз увижу тебя в этом платье!..

Не слушаю, хлопаю дверью, обрубая от себя поток брани Кайры, летящий мне в спину под аккомпанемент одобрительного смеха Чижа — вот уж два сапога пара.

Пальцы свело от злости так, что побелели костяшки — с трудом сдержалась.
Еле разжимаю ладонь, чтобы поставить ведро.

* * *

В тесной комнатухе — никого. Выдыхаю с облегчением: минуты одиночества бесценны.

Бросаю взгляд на раскиданные на полу вещи — Пингвин снова побросал грязную одежду и ушел по своим делам.

Поднимать сил нет — все жара, я совсем выбилась из сил. А еще ужин... Поэтому решаю провести короткий перерыв с пользой — падаю навзничь на кровать и просто лежу, глядя в потолок. В углу серый пластик потрескался и отошел — если пойдет дождь, то зальет. Надо чинить.

Прикрываю глаза и думаю о том, что на крышу придется лезть самой.

Чиж на днях залатал участок над своей комнатухой. По доброте душевной мне никто не поможет, а Филина просить отправить кого-нибудь — бесполезно. Для Главы это слишком мелко, скажет, чтобы разбирались сами. Чиж возьмется с удовольствием, но потребует оплату натурой. Ворон — откажет. Зяблик — пообещает, но не сделает... А Пингвин все равно не станет — сошлется на усталость. Или на головную боль, или на желудочную колику — судя по количеству известных ему болезней, в прошлой жизни мой сожитель явно был связан с медициной.

Тяжелые шаги, хлопок двери.

— О, уже готова! — довольно присвистывает вошедший Пингвин.

Порываюсь подняться, но не успеваю — на меня наваливается тяжелое тело, потное, пыльное после целого дня на руднике. Как всегда: переоделся, но не помылся.

Пытаюсь столкнуть его с себя, но тут же получаю ощутимый тычок под ребра.

— Не рыпайся, дурная, — пыхтит куда-то мне в область шеи, задирает сарафан до самого живота, пристраивается.

Закрываю глаза и... не рыпаюсь. Это правила игры, законы Птицефермы — отказывать своему мужчине нельзя. И все, что могу, — закрыть глаза и представить, что я не я, или я, но не здесь, или здесь, но не с ним.

Закусываю губу так, что чувствую привкус крови. Терплю, только сжимаю пальцами край покрывала.

Просто перетерпеть... Пара минут...

— У-ух! Хорошо! — Кровать натужно скрипит, и с меня исчезает тяжесть чужого тела. Моя единственная удача состоит в том, что Пингвин — скорострел.

Так и лежу, кусая губы, снова смотрю в потолок.

Мне нечего сказать этому человеку, не в чем обвинить — он действует строго в рамках правил Птицефермы. Пингвин — хороший работник, и в качестве награды ему «подарили» меня. Поэтому он в своем праве.

— Тетерев убился, — буднично сообщает Пингвин. Судя по шуршанию ткани, натягивает штаны. Не поворачиваю головы. — Вот мы пораньше и свернулись. — Никак не реагирую. — Мы с мужиками — к реке. — Не отвечаю. — Ну, я пошел... А, чуть не забыл! Футболку еще постирай. — Швыряет на пол и выходит.

Хлопок двери.

Удаляющиеся шаги.

Тишина.

Прикрываю глаза и сотрясаюсь от беззвучных рыданий. Кусаю кулак, надеясь, что боль отрезвит и поможет взять себя в руки.

Слезы — пустое. Рыдать по себе — бессмысленно. Это Пандора, тут нет невиновных, мы все заслужили свой маленький тесный ад и будем вариться в нем, пока не сдохнем. Ад, в котором я существую почти два года.

Тогда, два года назад, я открыла глаза в странной комнате без окон и вдруг поняла, что не помню о себе ровным счетом ничего. На меня смотрели чужие глаза с чужого лица. А это оказалось зеркало...

Кто я такая, мне сказали позже — преступница, осужденная на пожизненное заключение на Пандоре, планете-тюрьме. Отсюда нет выхода. Это конечная точка моего маршрута.

У меня больше нет прошлого, меня лишили имени. Теперь я — Гагара, часть лагеря «Птицы». Я — никто.

«За мелкие нарушения на Пандору не попадают. А убийц и прочих права выбора лишают. И поделом. Раньше надо было думать», — сказал мне конвоир, последний не из «птичьего» сообщества, с кем я говорила.

Раньше... Только такого понятия, как «раньше», ни для кого из нас нет — все, что было до Пандоры, стерто.

Встаю и бреду к тазу с водой, предусмотрительно оставленному мною с утра на подоконнике — за день вода прогрелась на солнце. Ее немного, но, чтобы перебить запах Пингвина мылом, хватит.

Вытираюсь. Некоторое время думаю, не переодеться ли, но в итоге так этого и не делаю — нужно спешить на кухню.

* * *

Бреду в темноте, практически на ощупь.

Не стала зажигать свечи, чтобы не разбудить Пингвина, а вслепую не сумела найти в комнате фонарь. Поэтому иду — медленно, осторожно раздвигая кусты и стараясь не свалиться в яму и не покалечиться. С медициной у нас неважно: специалистов нет, из медикаментов — только самое необходимое и в ограниченных количествах.

Сова разве что умеет грамотно делать перевязки и зашивать раны кривой иглой. Сама она уверена, что в прошлой жизни была врачом.

Скорее бы прийти.

Ночь, а по-прежнему душно — ни ветерка. Кажется, уже слышу шум реки.

Еле дождалась окончания ужина и всеобщего отбывтия ко сну. Ощущение — что вышедший за день пот вот-вот разъест кожу до мяса.

Другие женщины ходили искупаться в то время, когда мы с Совой готовили ужин. Видела, как за ними увязался Чиж — наверняка подглядывать. Филин смотрит на это сквозь пальцы. «Подглядывать, но не трогать — не преступление», — это цитата.

Поэтому в ночном купании есть несомненный плюс — все спят.

В итоге, пока добираюсь до реки, обдираю о сухие ветки обе руки и подворачиваю ногу — лодыжка горит огнем.

Добредаю до воды, несколько раз оборачиваюсь, чтобы убедиться, что за мной от поселения не увязался «хвост», и только после этого сбрасываю сарафан и вхожу в реку.

Вода такая холодная, что сводит зубы; притупляет боль в подвернутой ноге.

Захожу глубже, настолько, что касаюсь каменистого дна только кончиками пальцев, отталкиваю ногами — плыву.

Надо мной — сияющие звезды, подо мной — темная манящая глубина.

Красиво.

А что, если вот так взять закрыть глаза и не сопротивляться? Вдохнуть ледяную жидкость полными легкими? Перестать барахтаться и пойти ко дну?

С этими мыслями позволяю себе уйти с головой под воду, но тут же вынырываю. Трясу головой, разбрасывая брызги.

Нет.

Однажды я схохну на этой богом забытой планете.

Но не сегодня.

Не по собственной воле.

Не так.

Глава 2

Пандору случайно открыли лет пятьдесят назад — так говорят.

Вдали от населенных человечеством планет, в неисследованной части космоса, некоторое время она использовалась то ли наркоторговцами, то ли контрабандистами. Потом их нелегальный бизнес разоблачили, участников арестовали, а планету «закрыли».

«Закрыли» официально, но это не помешало охотникам за удачей посещать ее нелегально. Пошли слухи, что от бывших хозяев на Пандоре осталось много ценного, и каждый, кто не ленился отправиться в дальнее путешествие, стал испытывать судьбу в надежде пожить тем, что плохо лежит.

Сперва власти смотрели на шумиху вокруг Пандоры сквозь пальцы — все по-настоящему ценное они уже успели прибрать к рукам сами. Планету грабили. Рушили постройки, оставшиеся от первооткрывателей, вывозили все, что оказалось забытым и никому ненужным: технику, мебель и даже посуду.

Пандора превратилась в планету-призрак: обесточенные здания с пустыми глазницами выбитых окон и с покосившимися дверьми — бараки, внутри которых поселились мрак и сырость, оборванные провода на месте вырванных с корнем бытовых приборов, разбитые санузлы с вечным запахом застоялой воды из-за давно нефункционирующей канализации.

Говорят, здесь даже снимали настоящий фильм ужасов. Но «живописный» антураж фильм не спас, и он провалился в прокате.

А еще лет через двадцать кто-то из авантюристов, не перестающих пытаться найти на Пандоре то, до чего не добрались предшественники, все-таки преуспел — на планете обнаружили залежи железной руды.

На этот раз планету на самом деле «закрыли» от случайных визитеров. Стали завозить оборудование, копать шахты, строить временное жилье для рабочих.

Но удаленность Пандоры сыграла свою роковую роль: транспорт, топливо, техника для рудников, заработная плата рабочим, для которых к тому же требовалось создать достойные условия жизни, — все это стало источником колоссальных затрат. И добыча руды на Пандоре была признана нерентабельной и изначально провальной затеей.

Однако на тот момент шахты были почти готовы — укреплены, но еще не снабжены электроникой. И тогда-то кому-то в голову пришло, что ситуацию еще можно спасти — если использовать бесплатный труд, не тратить средства на восстановление барачных, а планету контролировать лишь из космоса.

Так Пандора стала планетой-тюрьмой.

На краю Вселенной.

Тюрьма для самых отпетых преступников, смертную казнь которым заменили пожизненным пребыванием... здесь.

А чтобы у заключенных не возникло соблазна бежать, было принято решение стирать им память. «Облагораживающий» труд и жизнь с чистого листа — чем не рекламный слоган?

Законопроект — приняли. Авторы проекта — наградили. Планета-тюрьма начала функционировать.

Говорят, поначалу тут были надсмотрщики и даже медицинский персонал. Но после череды убийств и тех и других новыми обитателями планеты все свободное население вывезли, а заключенных оставили предоставленными самим себе.

Говорят... «Говорят» — потому что у этой информации нет достоверного источника. Эта история передается из уст в уста и с каждым разом обрастает все новыми подробностями: кто-то нашел старые записи, кому-то достался словоохотливый конвоир.

Я собирала сведения по крупичкам, расспрашивала, узнавала подробности, сопоставляла разные версии. В первые полгода здесь эта информация казалась мне важной. Тогда мне еще не верилось, что я тут навсегда.

С Пандоры невозможно сбежать. Грузовые катера прилетают за добытой рудой без четкого графика, а при погрузке стреляют на поражение, если кто-то подойдет ближе, чем следует. Пытаться пробраться на катер Тюремщиков — неплохой способ самоубийства, однако вовсе не путь к спасению.

Но мы все заслужили свою жизнь здесь. Серийные убийцы, насильники, террористы, педофилы — по словам моего конвоира, другие сюда не попадают, и Пандора — место, где мы можем хотя бы частично искупить свои грехи. Работать и раскаиваться в содеянном до конца своих дней.

Правда, сложно испытывать чувство вины за то, чего ты не помнишь. Почему тем, кто все это придумал, не пришло это в голову?

Я часто думаю, кем была там, в прошлой жизни. До сих пор. Кем были Пингвин, Сова, Кайра... Полагаю, я могла быть убийцей или террористкой, что в принципе одно и то же. Иногда меня накрывает от ощущения неправильности, несправедливости происходящего настолько, что, мне кажется, будь у меня бомба, взорвала бы тут все и всех.

Не на пустом же месте рождаются такие мысли? Но в то же время меня не радует вид смерти и крови, и это выпадает из нарисованной воображением картины, пазл не складывается.

Тетерева хоронят на местном кладбище. Вместо надгробия — крупный камень с выбитым на нем резцом именем, ненастоящим — птичьим. Никто не знал, как звали Тетерева на самом деле и кем он был, даже он сам.

Стою позади и вновь и вновь гоняю в голове мысли о Пандоре и обо всем, что мне о ней известно. Кем бы я ни была, у меня определенно есть склонность к сбору и анализу информации. И я до сих пор пытаюсь получить ответы, хотя и понимаю, что они ничего не изменят.

Филин подходит к свежей могиле и заводит речь о том, что мы потеряли друга и будем скорбеть о нем, о том, что Птицеферма — наш дом, а мы в ней — семья, и потеря каждого ее члена невозполнима.

Морщусь и отворачиваюсь, пока оратор не заметил выражение моего лица. Он всегда внимателен к настроению зрителей, а мне не нужны проблемы.

Другие слушают внимательно, или делают вид, что слушают. Чиж, например, с очень серьезным видом и взглядом, устремленным на Главу, мнет ладонью ягодицу Кайры. Та млеет и придвигается ближе. Сова все сильнее опирается на клюку — устала стоять. Пингвин чешет живот. Чайка ковыряет землю носком ботинка, время от времени вскидывая голову, чтобы Глава увидел, что у него есть внимательные слушатели.

— Тетерев был верным другом, хорошим работником...

Громкий голос Филина летит над нашими головами, а сам он прохаживается взад-вперед перед свежей могилой, руки с переплетенными пальцами — перед грудью. Филин словно лектор перед аудиторией студентов-лоботрясов — непонятно, неинтересно, но присутствовать надо, да и лектору наплевать.

Филин еще молод, но любит изображать из себя умудренного жизнью старца. Впрочем, возможно, его поведение закономерно — ему лет сорок пять, а до пятидесяти тут обычно не доживают. Старше Филина на Птицеферме только Сова, остальные, как говорит Глава, — молодежь, и нас еще учить и учить. Что он и делает. Раз за разом. Кнутом и... кнутом — розгами и виселицей.

Филина боятся и уважают, слушают и слушаются. Он — Глава, он навел порядок в лагере, в свое время он лучше всех работал на руднике и теперь имеет полное право не делать ничего, кроме как раздавать приказы и выносить приговоры... Так принято считать — велено. Те, кто

не согласен, живут здесь недолго. Оспаривать решение Главы не положено, задавать вопросы — опасно.

Поэтому-то все стоят на жаре под палящим солнцем и слушают никому ненужную речь о заслугах человека, до которого никому из нас не было дела и при его жизни, в том числе и самому Филину.

Тетерев был крупным мрачным мужчиной, мало разговаривал, работал много. Мы жили с ним бок о бок в одном лагере почти два года, а мне нечего о нем вспомнить. Не думаю, что за это время мы перекинулись с ним хотя бы парой фраз. Друзей у Тетерева не было. Женщины — тоже: он не просил, а никто не изъявлял желания. Даже Кайра, которая «облагодетельствовала» почти все местное население мужского пола.

Если бы меня спросили, кем был Тетерев в прошлой жизни, я бы, пожалуй, ответила: киллером. Равнодушным мастером своего дела — таким я его видела. Но это лишь мои наблюдения, не имеющие под собой никакой доказательной базы. Мое мнение никому не нужно, и так лучше. «Он был хорошим работником» — не самая плохая эпитафия.

Филин все говорит, но я больше не вслушиваюсь. Поднимаю голову и смотрю в небо, которое начинают застилать темные облака — резкая смена погоды на Пандоре не редкость.

Неужели собирается дождь? Не могу припомнить, когда он был в последний раз.

Глава тоже поднимает глаза.

— Даже погода скорбит вместе с нами, — изрекает многозначительно.

Филин умеет говорить, этого у него не отнимешь.

Поднимается ветер. Ежусь и обнимаю голые плечи руками. Изрезав платье с длинными рукавами и превратив его в открытый сарафан, я оставила себе лишь одно на смену. Если дожди затянутся, мне не поздоровится.

Кайра ойкает и ловит руками взлетевшую к лицу широкую юбку. Чиж хохочет и помогает. Стоящий рядом Зяблик с удовольствием рассматривает открывшуюся картину.

— Мы на похоронах! — прикрикивает Филин. — Чиж!

— А чего я-то? — продолжает ржать тот, но под тяжелым взглядом Главы резко замолкает, будто обрубил провода, отталкивает от себя Кайру. — Держи юбку, дура!

Та и правда держит — двумя руками — и обиженно отворачивается от сожителя. Но для Филина устремляет глаза в землю.

— Кто-нибудь хочет высказаться и почтить память нашего друга? — вопрошает Глава, перестав испепелять Чижа взглядом.

В ответ — молчание.

— Тогда...

Но окончить свою мысль Филин не успевает, потому как в небе появляется огромная тень — приближается и все больше увеличивается в размере.

Тюремщики, как мы их называем, никогда не прилетают в одно и то же время. Вычислить, когда ждать их визит, или хотя бы примерный цикл посещений невозможно. Поэтому руда всегда ждет на месте погрузки, а мы узнаем о прибытии только по факту.

— Летят! — ахает рядом Чайка. — Ворон, нам нужно одеяло! — толкает в бок своего мужчину.

Верно, вещи давно не привозили. В прошлый раз была поставка синтетического мяса и круп, значит, теперь можно надеяться на одежду и спальные принадлежности.

Вообще Тюремщики не балуют нас поставками — привозят редко и минимум. И всегда отдельными партиями: в один раз — еду, которую мы не можем вырастить сами, в другой — вещи. Медикаменты, подозреваю, — когда вспомнят. Или, может, такое впечатление создается потому, что все постоянно болеют и лекарства заканчиваются в первую очередь. В отличие от Чайки не жажду нового одеяла, но от болеутоляющих я бы не отказалась, так, про запас — учусь быть бережливой.

Но даже если медикаменты придут, они тут же осядут под замком в комнате Совы и будут выдаваться в строго ограниченном количестве и лишь по мере необходимости, определяемой пожилой женщиной лично или непосредственно Главой.

— Идем! — резко командует Филин, мгновенно забыв об усопшем, и первым устремляется к месту посадки катера Тюремщиков.

Все опрометью бросаются за ним.

Не спешу и не рвусь в первых рядах. Да, распределение «подарков» обычно происходит прямо на месте: по заслугам, по симпатиям, по самым жалостливым глазам. Но я не фаворитка Филина и просить не люблю (все-то со мной не так, как говорит Кайра). Да мне ничего и не нужно — на лето есть платье и сарафан, на осень — юбка и брюки, даже кофта есть. А до зимы далеко — не загадываю. Если доживу, что-нибудь придумаю.

На кладбище остаемся только я и Сова. У нее больная нога, и ей не угнаться за молодежью. Впрочем, лекарства ей отдадут и так.

Однако Тетерев не был мне близок, чтобы задерживаться у его могилы. Поэтому двигаюсь в ту же сторону, что и остальные. Сова тоже, но оступается, оседает на больную ногу.

— Давай помогу, — вовремя подхватываю женщину под локоть и не даю ее лицу встретиться с глиняной поверхностью планеты.

Сова переставляет клюку, восстанавливает равновесие и тут же сбрасывает мою руку. Смотрит зло, будто это я подставила ей подножку.

— Иди отсюда, — произносит сухо и отворачивается. Не хочет, чтобы у ее слабости были свидетели.

Слабость на Птицеферме не поощряется. Лично слышала как-то разговор Кайры и Чайки о том, что Филин уже давно «пустил бы старуху в расход», если бы она не умела варить самогон и зашивать раны. Мол, как найдется замена, Сову тут же «спишут». Учитывая то, что пожилых людей среди нас нет, охотно верю.

Поэтому помощь не навязываю и отступаю.

Уверена, Сова, хромя поплетется следом только тогда, когда скроюсь из вида.

Не оборачиваюсь.

* * *

Место обычной посадки катера Тюремщиков располагается на возвышенности. Это практично: сверху хороший обзор, и удобно стрелять вниз, если кто-то на свой страх и риск решит попытать удачу и приблизиться.

Но здесь все научены горьким опытом — столпились у подножия холма и ждут. Филин — в первых рядах. За ним — Ибис и Ворон, его главные помощники. Остальные — за их широкими спинами.

Пингвин пробрался вперед, притопывает от нетерпения. Наверное, тоже хочет одеяло. Или новую рубашку. В отличие от меня у него не меньше пяти комплектов одежды на каждый сезон. Пингвин — хороший работник, и Глава его поощряет.

Останавливаюсь позади всех и не высываюсь, любуюсь катером. Все это время катер Тюремщиков — главное, что привлекает меня во время их визитов. Сегодня это серебристый остроносый красавец. Не знаю, откуда у меня такая тяга к летательным аппаратам, но душу бы продала за то, чтобы посидеть в кабине пилота.

Возле катера суетятся люди в черной форме и в шлемах — так всегда, мы не видим их лиц. Работает «погрузчик». Ящики с рудой поднимаются силовым полем в воздух и исчезают в грузовом отсеке катера. Один за другим, один за другим.

А на спуске с холма стоит человек с игольником, дуло направлено на нас. Он один, но много стрелков тут и не требуется: Тюремщик достаточно далеко, чтобы успеть среагировать прежде, чем кто-то из обитателей Птицефермы успеет приблизиться; если кто кинет камень

— не долетит. Игольник, правда, тоже недалеко бьет, но ведь Тюремщики не стреляют, если не нарываться. Кто же станет убивать рабочую силу без надобности?

Задерживаюсь взглядом на угольно-черном стволе. Я не знаю, как меня зовут, зато мне известно, что дальнобойность этого оружия составляет три метра, за один выстрел игольник выпускает три сотни игл, а если установить режим «очередь», делает четыре выстрела в секунду, перезаряд батареи требуется после пятисот выстрелов, блок питания — снизу и справа, открывается нажатием и давлением в сторону...

В этот момент в рядах заключенных происходит шевеление, все начинают шептаться и с любопытством вытягивают шеи, и я отрываюсь от мыслей об оружии.

А посмотреть и правда есть на что — у нас новенький.

* * *

В последние годы новенькие на Птицеферме появляются все реже. Вряд ли преступников в мире стало меньше, поэтому бытует мнение, что Птицеферма и так переполнена, а новичков отправляют в три другие лагеря: к Цветам, Рыбам или Камням.

После меня на Птицеферму еще не привозили никого. И я вытягиваю шею, чтобы рассмотреть вновь прибывшего с не меньшим любопытством, чем другие. О своей высадке мало что помню — слишком волновалась.

Как и меня в свое время, новичка выводят из шлюза с мешком на голове и со скованными руками. Затем наручники снимают, а мешок сдергивают. По рядам проходит вздох разочарования: далеко, но и отсюда видно, что новичок — мужчина. Была бы женщина, местные «холостяки» уже бы довольно потирали руки и спорили, кому она достанется. Мужчина же вызывает гораздо меньше интереса — гомосексуальные отношения Филином строго воспрещаются.

Но я не ишу себе новый сексуальный объект, поэтому мне по-прежнему интересно.

«Новобранца» грубо толкают в спину, так что он пробегает первые ступени, чтобы не распластаться по трапу, и лишь потом начинает спускаться нормально.

Высокий, худощавый, молодой. Волосы светлые, чуть в рыжину, всклокоченные после мешка, длинные, не до плеч, но длиннее, чем у всех присутствующих здесь мужчин, — можно спокойно заправлять за уши и при большом желании даже собрать в хвост.

На незнакомце — серая футболка и брюки из той же ткани, точь-в-точь как та тюремная роба, в которой я когда-то пришла в себя в комнате для допросов. Босиком, ботинки в руках.

Тюремщик что-то ему говорит. Тот спокойно кивает, затем садится на нижнюю ступень трапа, обувается и только после этого направляется вниз с холма — к нам. Не бежит, не топчется на месте — просто идет. Вообще ведет себя совершенно спокойно.

Помню, я, как дура, оборачивалась на катер, на котором меня привезли, едва ли не после каждого шага. А этот молодец — крепкие нервы.

Погрузка же тем временем окончена. Из катера спускают два квадратных пластиковых контейнера, вываливают их содержимое прямо на землю. После чего все Тюремщики, спускавшиеся вниз, поднимаются по трапу. Последним уходит тот, что держал нас на мушке. Трап вытягивается, ревет двигатели.

Катер взмывает в небо так стремительно, что я отвлекаюсь от разглядывания новичка и провожаю летательный аппарат восхищенным взглядом, пока он не пропадает из виду в серых облаках.

Зато остальным не до катера и не до «новобранца», они как по команде срываются с места и мчатся на холм, чтобы поскорее рассмотреть «дары» Тюремщиков.

— Одеяло! Одеяло! — кричит Чайка Ворону, вырвавшемуся вперед.

Это у нас вместо соревнований: кто прибегает первым, имеет право взять себе то, что хочет (кроме медикаментов, разумеется).

Не трогаюсь с места. Стою, обняв себя руками, и все еще смотрю в хмурое небо. Ветер развевает подол моего сарафана и волосы, то и дело бросая их мне в лицо. Но я не шевелюсь, не опускаю глаз. Хочу продлить мгновение — ощущение восторга, полета, мощи, силы, скорости. Кем бы я ни была, я любила летать.

А новенький тем временем направляется прямо ко мне. Верно: к кому еще ему идти, если все убежали?

Он правда высокий, выше меня на ладонь. Правильные черты лица, глаза голубые, а ресницы и брови, несмотря на светлые волосы, темные. Кожа ровная, не обветренная, как у местных, без шрамов.

Я засматриваюсь. У меня возникает странное желание дотронуться до его лица: оно настолько не отсюда, что его хочется потрогать, чтобы убедиться, что это не мираж. Даже рука приподнимается.

И лишь в этот момент понимаю, что все так и есть: передо мной человек с другой планеты. Пару недель на Пандоре — и он перестанет отличаться от остальных.

Новичок останавливается буквально в шаге от меня. Тоже смотрит внимательно. Будто чего-то ждет. Чего? Приветственную речь позже прочтет ему Филин.

Прихожу в себя, сжимаю глупую руку в кулак и отшатываюсь — подошел слишком близко. Новенький не двигается, лишь поджимает губы. Видимо, решил, что я испугалась. Но это не страх, это привычка.

— Меня зовут Гагара, — представляюсь только потому, что молчание затягивается, а пристальный взгляд незнакомца начинает нервировать.

— Пересмешник, — отвечает и протягивает в ответ ладонь — поздороваться. У него приятный голос, не противно звонкий, как у Филина, и не грубый бас, как у Пингвина. — С некоторых пор, — добавляет, будто это и так не ясно.

Рука Пересмешника все еще в воздухе.

Качаю головой.

— Здесь так не принято, — говорю.

После чего разворачиваюсь и направляюсь к Птицеферме.

Скоро начнется дождь, а у меня дыра в потолке.

Глава 3

Кайра без стука врывается в мою комнату, когда я переодеваюсь.

— Эй, убогая... — начинает и обрывается.

Стою спиной к двери и как раз натягиваю на себя платье с длинными рукавами и глухим горлом — ветер на улице штормовой, и если я продрогла в низине, то на крыше в сарафане окончательно замерзну.

Торопливо одергиваю подол и оборачиваюсь. Не сразу понимаю, что так удивило Кайру и почему теперь она смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Потом доходит: шрамы. Моя спина весьма живописно исполосована вдоль и поперек.

— Чего тебе? — спрашиваю грубо.

Девушка встряхивается, будто только сейчас вспоминает, зачем пришла.

— Филин объявил сегодняшний день выходным. Вечером будет пир. Сова велела позвать тебя на кухню для подмоги, — объявляет скороговоркой.

Ясно. Крыша подождет. Ослушаюсь Главу — получу еще парочку «узор» на своей шкуре.

— Поняла, — отзываюсь. Значит, придется лезть на крышу в темноте. Дождь все еще не пошел, так что, может, пронесет — успею.

А Кайра все еще топчется в дверях, кусает свекольные губы.

— Убогая... — начинает привычно. — Гагара, — вдруг исправляется, и я удивленно приподнимаю брови, — это с того раза? Ну, спина. — А на лице откровенный испуг.

Кажется, до нее только сейчас доходит, что в тот раз она могла оказаться на моем месте. Просто ей повезло и Филин признал виновной меня.

— Передай Сове, что буду через несколько минут, — говорю, игнорируя вопрос и давая понять, что отвечать на него не намерена.

— Убогая, — комментирует мое поведение Кайра. — Так тебе и надо! — И хлопает дверью.

В коридоре слышатся ее быстрые удаляющиеся шаги.

* * *

Возимся на кухне до вечера. Если Филин велел организовать пиршество, то стол должен ломиться.

На кухню согнали половину женского состава Птицефермы — не протолкнуться. Но и уйти нельзя — Сова бдит. Именно ей Глава поручил руководить процессом, и теперь она восседает на высоком табурете в углу и внимательно наблюдает за деятельностью каждой.

Кайре повезло снова: ее Сова отправила из кухни вон, несмотря на то что та сама порывалась участвовать. А меня, Олушу, Чайку, Рисовку и Майну оставила. И отнюдь не на добровольной основе.

Ненавижу готовить. Хотя опытным путем и выяснилось, что умею. Чего не скажешь о Кайре — дни ее дежурства, как правило, заканчиваются несварением желудка для большинства местных жителей. В моем случае — голоданием. Мне хватило одного раза, чтобы больше никогда не есть того, что приготовила Кайра.

Так что Сова поступила мудро, выдворив девушку из кухни прежде, чем она успела что-нибудь пересолить или поджечь.

На улице завывает ветер, засохшее дерево под стеной барака настойчиво бьет в стекло кривыми ветвями — начинается буря. То и дело оборачиваюсь, наблюдая за тем, как за окнами бушует стихия. С крышей нужно что-то думать, но никто не выпустит меня из кухни, пока

не закончим. Да и потом — не присутствовать на «пиру» нельзя, Филин воспримет это как неуважение.

— Сова, а в честь чего застолье, Глава сказал? — спрашивает вдруг Чайка. Чайка — болтунья. Пять минут молчания — для нее уже страшная пытка. — Отмечаем новоселье Пересмешника или поминаем Тетерева?

Или празднуем то, что Филин и его подручные пополнили свои шкафы.

Сегодня и правда привезли постельные принадлежности. Пингвин гордо принес в нашу комнату новое одеяло и подушку и в порыве щедрости даже разрешил мне забрать его старые — раньше у меня было лишь шитое заплатками покрывало.

— Праздники нужны для поднятия духа. — Сова пожимает костлявыми плечами. — Так что не все ли равно? Работай, не болтай.

Чайка недовольно закатывает глаза, толкает Олушу локтем в бок.

— Слыхала? Все-то ей до лампочки. — И понизив голос: — Старая ведьма.

Олуша осторожно кивает, не понять, согласна или побаивается спорить. Олуша всегда очень осторожна и предпочитает держаться в тени. Маленькая, тоненькая, издалека ее можно спутать с ребенком. Вот и ведет себя соответствующе — понимает, что такие розги, как те, которые оставили росчерк на моей спине, ее бы убили. Первое время я даже думала, что Олуша немая.

Сова покашливает в кулак. Намекает, что слышала оскорбление? Но Сова тоже осторожна — сурова, а конфликтов старается избегать. Хотя, может, в данном случае понимает, что у Чайки язык как помело, и не воспринимает ее слова всерьез.

На самом деле, зря. Я давно заметила, что Чайка не любит Сову и при каждом удобном случае пытается обсудить ее за спиной, пока та не слышит. А Чайка — пара Ворона, правой руки Главы, так что...

— А ты чего встала?! — прикрикивает на меня Сова. — Лишь бы лентяйничать!

Нет, не думаю, что пожилая женщина не осознает, какую опасность может представлять Чайка, поющая по ночам в уши Ворону. Вот и срывает злость на мне. Кричать на меня не опасно — мое мнение последнее, чье станет слушать Глава.

Не отвечаю и принимаюсь за работу.

Жаль, что до возвращения остальных с добычей удалось только найти молоток и гвозди. Была бы порасторопнее, успела бы и на крышу слазить...

* * *

Так много еды у нас бывает нечасто. Никто не знает, когда и что привезут Тюремщики, поэтому запасы провизии расходуются бережно. Только время от времени Филин вдруг объявляет, что пришло время праздника, и все радуются и благодарят Главу за послабление. А Сова достает свой самогон, который варит каким-то мистическим способом из сахарной свеклы для таких особых случаев и держит рецепт в строжайшем секрете.

Застолье, выпивка, танцы и неперменный атрибут подобных посиделок — мордобой.

Не думаю, что сегодня все пойдет по другому сценарию, поэтому единственное, чего хочу, это сбежать, слазить на крышу, а потом где-нибудь пересидеть, пока Пингвин не уснет. Всегда стараюсь улизнуть, когда Пингвин пьян. Обычно тот напивается настолько, что наутро и не помнит, была ли я в комнате, когда он засыпал.

Столовая нам досталась от первых поселенцев. Тех самых, которые были или контрабандистами, или наркоторговцами (от кого-то даже слышала версию про рабовладельцев). Огромное помещение с длинными столами, прикрученными к полу и, видимо, не показавшимися никому достаточно ценными, чтобы откручивать их и пытаться перевозить, стойка вроде барной, отгораживающая общий зал от кухни, в которой также остались несколько столов и шкафы. Жаль, что канализация давно прогнила и не функционирует, краны на месте, но водо-

провод не работает — носим воду из реки. Благо зимы здесь не слишком суровы, и она не замерзает настолько, чтобы не хватило сил пробить лед камнем.

Говорят, после открытия на Пандоре тюрьмы в одну из первых поставок сюда завезли посуду. Люди брали подносы и выстраивались в очередь, получали свою порцию и сами несли ее к месту за столом. Но дешевые пластиковые подносы быстро пришли в негодность, а новых в следующих поставках не было. Поэтому теперь все садятся на свои места и ждут, а дежурные по кухне сами разносят пищу.

Олушу и Рисовку, наших тихонь, Сова пожалела и отпустила, сама тоже ушла, чтобы сесть за стол — как обычно, в самом конце, поближе к выходу, — а меня с Майной и Чайкой поставила на раздачу: каждой по столу. Как назло, мне достался стол Филина.

С трудом дотаскиваю тяжелую горячую кастрюлю из кухни и водружаю ее на подставку на краю стола. Наполняя тарелки, прошу передавать. В помещении стоит гул, кто-то уже неторопливо постукивает ложками.

Действую привычно, мои движения отточены месяцами практики: взять, налить, подать, взять, налить, подать... Я давно не делаю ничего лишнего, не проливаю ни капли, не обжигаюсь и ничего не роняю. В такие моменты кажусь себе роботом.

Взять, налить, подать. Следующий... Но сегодня что-то идет не так — чувствую на себе взгляд. Вскидываю глаза — новенький. Он сидит совсем близко, через два человека, неподалеку от Филина, который красочно расписывает ему все прелести Птицефермы, уверяя, что с прилетом на Пандору жизнь не кончается, да, будет сложно, но вместе мы справимся, и так далее и тому подобное. Пересмешник вроде бы слушает, но при этом смотрит только на меня. Пристально, но не так, как любит посматривать в мою сторону Чиж — раздевая глазами. Этот глядит в лицо, или вернее, разглядывает.

Резко отбиваю его взгляд своим. Не могу же я велеть ему не пялиться — вслух, у всех на глазах? Мне не нравится это повышенное внимание.

Пересмешник отводит взгляд. Так-то лучше.

Заканчиваю, остается последняя тарелка — моя. Ищу свободное место и нахожу единственное — рядом с новеньким, напротив Филина. Как некстати.

К этому времени застолье уже в разгаре, из-за бури на улице окна закрыты, и по помещению плывет удушающий запах алкоголя.

Беру свою тарелку и прохожу к столу, переступаю через лавку, сажусь. Справа от меня — Олуша. Это хорошо, она не станет болтать, а вот то, что Филин напротив, плохо — не получится улизнуть незамеченной.

Пересмешник вежливо подвигается на скамье, освобождая мне больше места. Я благодарна ему за этот жест, но мужчина все равно слишком близко — чувствую запах шампуня от его волос. Забытый аромат цивилизации. Новенький еще не был на руднике, не пропитался пылью, не смывал пот и грязь дешевым, неприятно пахнущим мылом.

Отодвигаюсь от него как можно дальше. Не могу, не хочу думать о том далеком мире, в котором никому из нас больше нет места, — так только хуже. Иногда меня все еще морально ломает, но я искренне стараюсь — пытаюсь жить здесь и сейчас и не думать, не мечтать о большем.

При слове «мечтать» перед мысленным взором почему-то снова предстает блестящий катер Тюремщиков, красивый, свободный... Не про нашу честь, как любит говорить Чайка.

Хмурюсь и принимаюсь за еду. Пытаюсь оторваться мыслями от несбыточного и вернуться к насущному — мне нужно сбежать и забраться на крышу, иначе к утру в нашей комнате будет озеро.

Снова чувствую на себе взгляд.

— У тебя все нормально? — спрашивают над ухом.

Вздрагиваю и поднимаю глаза. Пересмешник. Смотрит открыто, даже участливо. Вот что значит первый день на Пандоре.

— У меня все хорошо, — отвечаю сухо.

В его стакане самогон, но запаха алкоголя почему-то не чувствую. Только аромат шампуня.

* * *

Ужин перерастает в веселье.

Рисовка садится поближе к центру помещения и затягивает песню — у девушки красивый голос. Чиж и Кайра пускаются в пляс, вскоре к ним присоединяются другие.

Все чаще поглядываю на дверь. Сейчас? Филин сидит вполоборота, в одной руке — стакан с самогом, любит танцами. Не заметит ли моего отсутствия?

— Иди, я его займу.

— Что? — Мне кажется, я ослышалась. Поворачиваю голову.

Пересмешник смотрит на меня прямо и по-прежнему трезвыми глазами.

— Ну, ты так часто смотришь на выход, — поясняет. На губах легкая улыбка.

Это странно и непривычно. Мне хочется спросить, зачем ему это нужно и что он за это попросит — на Птицеферме редко кто-то что-то делает для другого просто так. Но потом решаю, что бы ни двигало Пересмешником, моментом нужно пользоваться: если управлюсь быстро, скажу, что разболелся живот и провела время в туалете.

Поэтому просто киваю и встаю.

* * *

Быстро в свою комнату. Взять молоток, засыпать в карманы платья гвозди, кусок пластика для «заплатки» — под мышку, в свободную руку — фонарь.

На крышу есть люк, в потолке, прямо из коридора. Лестница из металлических скоб. Когда-то на люке был электронный замок, теперь — шпингалет.

Зажимаю фонарик в зубах, сбрасываю неудобные ботинки — в них только убиться, — и босиком взбираюсь по лестнице. Дергаю шпингалет. Не поддается. Видимо, Чиж, который недавно чинил крышу над своей комнатой, задвинул его слишком сильно.

Матерюсь минут десять и уже почти выбиваюсь из сил, когда наконец справляюсь с задачей. Что ж, вернуться быстро не получится.

Люк открывается и тут же вырывается из моих пальцев, с грохотом врезаясь в поверхность крыши — ветер страшный. Несколько минут стою на верхней ступени, прислушиваясь, но никто не бежит, чтобы проверить, откуда шум. Все заняты песнями, танцами и выпивкой — хорошо.

Выглядываю. Дождя еще нет, так, легкая морось. Но на крыше уже скользко и мокро. Она поката, неудобная и опасная.

Выдыхаю, как перед прыжком в холодную воду, и выбираюсь наружу.

Так, главное не смотреть вниз. От выхода на крышу до нашей спальни всего ничего, должно получиться.

Передвигаюсь по водостоку на краю крыши приставными шагами, животом прижимаюсь к мокрой холодной черепице. Платье мгновенно впитывает влагу. Ноги дрожат. Волосы я благоразумно стянула в тугой пучок на затылке, а вот подол платья развевается на ветру, бьет по икрам, путается между ног. Завязать бы его на поясе... Но для этого нужно положить молоток, а если уроню его, вся эта вылазка окажется напрасной. Поэтому не рискую.

Почти ползком добираюсь до нужного места. Вот она, дыра насквозь. Приложить кусок и прибить — задача, с которой справится и ребенок. Ровно и красиво мне не надо, главное — крепко.

Однако изначальный прогноз всегда излишне оптимистичен, и моя возня затягивается не меньше чем на полчаса. Или это субъективно и на самом деле прошло не так много времени? Ветер воет, дождь усиливается. Я уже мокрая насквозь.

В какой-то момент молоток таки вырывается из скользких от воды пальцев и летит вниз. Пытаюсь поймать, даже, кажется, успеваю коснуться его рукояти, но тут поскальзываюсь сама.

Короткий полет и удар.

Темнота.

Глава 4

Короткий полет и удар, выбивший воздух из легких.
Вспышка боли, на мгновение парализовавшая все тело, слезы из глаз.
Потом — темнота. Но не спасительная, приносящая забытие — другая.
Нет, это не темнота, это черный фон.

...Эй, Янтарная...
Прием...

Буквы. Белые на черном. Вспыхивают красным, а затем ложатся ровными белыми строками — печатный текст.

...Предупреждаю, я сейчас запаникую и начну тебе звонить...
Я нервный, ты в курсе...

Звонить? На Птицеферме нет техники, нельзя никому звонить...
На все том же черном фоне мигает курсор и выходит системная надпись: «Собеседник печатает Вам сообщение».

Звонок, сообщение... Нет, это не здесь, не отсюда. Но как же сложно понять и вспомнить — откуда, когда.

...Янтарная, считаю до пяти, а если ты не отвечаешь, то звоню и бужу твою соседку...
«Собеседник печатает Вам сообщение», «Собеседник... печатает...»

...Пя-а-а-а-а-ать...
Четыре...
Три...

Не понимаю. Хочу понять.
Все мое сознание тянется, рвется к невидимому счетоводу. Тяжело и больно, словно продаешься через кисель, с кандалами на ногах и в железном обруче, сдавившем голову. Каждый шаг — боль. Впереди — ничто, лишь черный экран.

...Ты сдурел? Я попить отходила.
О, жива!
Балбес...

Балбес... На это слово что-то отзывается внутри. Из зоны солнечного сплетения поднимается волна непонятных мне, но очень сильных чувств. Нет, не волна — лавина. И я понимаю: «балбес» не ругательство и не оскорбление. В этом слове — нежность, улыбка и запах хвои.

Почему хвои?!

Напрягаюсь, пытаюсь пробиться через заслон из черного киселя. И тут же получаю отдачу: вспышка боли оглушительная, дезориентирующая, разрывающая голову надвое.

Черный экран идет трещинами, из которых льется ослепляющий свет, бьет по глазам. Кусочки «мозаики» расходятся, расплываются, на миг повисают в воздухе — и осыпаются с шелестом, будто кто-то швырнул на пол кипу бумаг.

...Моя ладонь в чьей-то руке. Рука мужская, пальцы длинные, тонкие, но все равно крупнее моих. Аккуратные, коротко стриженные ногти. Свежий ожог на безымянном пальце и мизинце с внутренней стороны ладони.

Нет, это не Он держит меня за руку, а я Его. Верчу пораненную кисть, рассматриваю.

— Я всегда говорила, что ты балбес, — произношу со вздохом. Не слышу свой голос, но точно знаю, что это говорю я. Слова просто появляются в голове — как мысли. — А если бы руку оторвало?

— Брось, Янтарная. Всего лишь ожог...

А это не моя, чужая реплика. В ней — тепло и беззлобная насмешка. Однако сжимаю губы в прямую линию — злюсь?

— ...Не делай такое лицо, я живее всех живых.

Не злюсь — испугалась.

— Попробовал бы умереть, — фыркаю, пряча истинные чувства. Чего-то боюсь.

— Я же говорил, что ты меня любишь, — беззаботно смеется собеседник в ответ.

Не вижу его лица, не слышу голоса. Перед глазами лишь обожженная ладонь. Все еще бережно держу ее, касаясь тыльной стороны кончиками пальцев, чтобы не причинить новой боли.

— Не льсти себе, — огрызаюсь. — Пошли, герой, тебя нужно сдать медикам.

— Насовсем?

— На опыты!

В ответ снова смех. Сначала приятный, а затем обрастающий эхом и превращающийся в гром, сотрясающий все мое тело...

Вспышка света.

Картинка разбивается вдребезги и разлетается на куски, бьет обломками по лицу.

Пытаюсь отвернуться, защитить глаза. Вывожу вперед руки, но острые осколки проходят сквозь них и больно впиваются в кожу, а мои руки хватают лишь пустоту.

Падаю. Снова и снова.

Падаю.

* * *

Прихожу в себя от холода.

Я в воде. Лежу на спине, вытянув руки по швам, а по мне течет вода. Она повсюду: снизу мое тело омывает целый ручей, сверху впивается ледяными иглами дождь. На моем лице горячие слезы и холодные капли, но слезы быстро остывают и смешиваются с дождем, стекают струями по щекам, забивают рот и нос. Трудно дышать.

Судорожно хватаю ртом воздух, как будто только что вынырнула с глубины. Пытаюсь рывком подняться и сесть, но вместо этого получается лишь перекатиться на живот да успеть подставить руки, чтобы не упасть лицом в холодную жижу.

Поднимаюсь с трудом. Тело одеревенело, не слушается.

Наконец удается встать на четвереньки. Дождь продолжает лить, застилает глаза. Провожу рукой по лицу, убирая воду, а затем оставляю ладонь козырьком у лба. Вокруг темно, но из окон барака льется мягкий свет. Внутри строения мелькают тени, слышны громкие голоса, смех, чья-то заунывная песня, несоответствующая взрыву на миг заглупившего ее хохота.

Часов у меня нет, но, судя по тому, что праздник еще в разгаре, а солнечные батареи не разрядились и лампы светят по-прежнему ярко, прошло не так много времени. Хотя по ощущениям — целая вечность.

Отплевываюсь от неприятной на вкус воды и заставляю себя подняться на ноги. Сгибаю и разгибаю руки — тоже целы. Боли нет, во всяком случае острой. Только в голове стоит звон.

...Янтарная...

Словно шепот, шелест в голове.

В этот момент спазм сводит желудок, и я успеваю разве что шагнуть на непослушных ногах к ближайшему кусту и согнуться под ним пополам. Меня выворачивает. Потом еще и еще.

Перед глазами все плывет, и какая-то часть меня, еще способная соображать, отдает себе отчет в том, что, видимо, я заполучила сотрясение мозга после падения. Другая часть меня мечтает лечь, здесь, под холодным дождем, и сдохнуть.

— Эй, кто там допился? — доносится до меня чей-то голос. Из-за головной боли и шума дождя не сразу могу его идентифицировать.

Вскидываю глаза, одновременно вытирая губы тыльной стороной ладони: ко мне пьяной походкой направляется Чиж, на ходу застегивая ширинку. Вода течет по его лицу и почему-то обнаженному торсу, но это соседа ничуть не смущает. Он вообще выглядит как довольный кот, обожравшийся сливком.

— Какая встреча! — раскрывает объятия. — Кажется... ик... я поторопился надевать штаны. — И шагает ко мне, вытягивая губы в трубочку.

Выворачиваюсь и с силой бью его в плечо, отталкивая, но меня все равно успевает обдать запахом перегара.

Чиж, не удержав равновесие, садится прямо в лужу.

Бегу к крыльцу — откуда только силы взялись? Холодная жижа хлупает под ногами, икры обдаёт ледяными брызгами.

— Убью суку! — орет Чиж мне вслед, силясь подняться и оседая вновь.

Оборачиваюсь только уже на верхней ступени крыльца. Но вид барахтающегося в грязи человека не вызывает у меня сочувствия.

— Убью и трахну! — продолжает угрожать тот.

Скрываюсь в бараке. Захлопнувшаяся дверь отсекает от меня поток ругательств и обещаний.

— Нет, сначала трахну! Потом убь...

Опускаю засов на двери — пусть охладится. Рано или поздно кто-нибудь услышит его вопли и впустит внутрь. Или тоже пойдет по нужде и откроет дверь.

* * *

Фонарик остался валяться где-то в грязи на месте моего падения, ботинки — у люка. Так что бреду на ощупь по темным коридорам босиком и, должно быть, оставляя живописные следы на полу.

Вваливаюсь в свою комнату и стекаю спиной по двери. Остаюсь на полу, уткнувшись лицом в колени, обтянутые мокрым насквозь подолом платья.

Меня запоздало начинает трясти, но не от того, что я чуть не разбилась, а от того, что увидела после.

Это ведь не галлюцинация, правда? Это воспоминания? Янтарная — это я?

Что это? Прозвище? Фамилия, имя или производное от них?

Но, как ни напрягаюсь, в голове только серый туман да привязавшийся запах хвои. На Пандоре нет хвойных деревьев. Здесь вообще почти нет деревьев, а те, что есть, кривые, рассохшиеся, с мелкими листочками.

Нет, этот запах не отсюда. Как и Янтарная.

Откидываю голову на дверь и сижу с закрытыми глазами, силясь восстановить тяжелое дыхание.

В какой-то момент мне чудится, что сквозь прикрытые веки проникает свет. Яркий, не такой, как от фонаря с солнечной батареей.

Резко распахиваю глаза, но вокруг темно. Только запах влаги, витающий в помещении, да шум дождя за распахнутым настежь окном. Показалось...

Заставляю себя подняться и дойти до стола, на котором стоит лампа, такая же, как и все здесь, — на солнечной батарее. Забудешь зарядить — пиши пропало. А зарядишь — расходуешь бережно на случай, если солнечных дней долго не будет.

Щелкаю клавишей, и комната озаряется тусклым оранжевым светом. Осматриваюсь: по стене под трещиной в потолке стекает тонкая струйка воды, образуя небольшую лужицу на полу. Из разлома в пластике появляются новые капли, медленно набухают, а потом срываются вниз.

Некоторое время стою и как замороженная смотрю на танец капель. Потом отмираю, беру на столе чашку и ставлю на пол под течь, рядом бросаю тряпку. Все-таки я почти успела заделать дыру. Если бы не полезла, сейчас комната уже превратилась бы в бассейн.

Мне бы вернуться в столовую, чтобы показаться Филину на глаза и избежать проблем в дальнейшем. Но у меня абсолютно нет на это моральных сил.

Кое-как смываю с себя грязь водой, оставшейся в тазу после утреннего умывания. С волосами ничего не поделаешь, поэтому лишь расчесываю пальцами, чтобы убедиться, что в них не осталось комков грязи или веток, а затем снова закручиваю в тугую шишку на затылке. Зеркала нет, так что только надеюсь, что смыла с себя все потеки грязи, оставшиеся после купания в луже. Потом переодеваюсь в свой открытый сарафан — прохладно, но не хочу в темноте доставать зимние вещи со дна шкафа.

Нужно забрать ботинки и закрыть крышку люка, ведущего на крышу.

Подхватываю со стола лампу и выхожу в коридор. Тут теплее, чем в комнате с открытым окном, но душно, и, несмотря на удаленность от столовой, воздух пропитан алкогольными парами. Сегодня Филин расщедрился не на шутку — обычно подобные мероприятия прекращаются гораздо раньше, чтобы не истратить весь самогон за один вечер. Похоже, в ближайшие дни Сова будет освобождена от стирки, готовки и работы на огороде ради восполнения запасов спиртного.

...Янтарная...

Снова этот шепот в голове. Или шелест?

Меня шатает, голова кружится. Приходится привалиться плечом к прохладной стене и переводить дыхание.

Кто ты, Янтарная? Вернее, кем ты была? Потому что в том, что Янтарной называли меня, я не сомневаюсь.

Снова пытаюсь вспомнить, но только сильнее начинает болеть голова. Прижимаю ладонь тыльной стороной ко лбу.

Нет, это определенно работает не так: только напрягаешься, как шепот, наоборот, исчезает, а перед глазами все плывет, зато стоит отвлечься, как голос в моей голове снова оживает.

...Никогда не поздно попытать удачу...

Ты в полете...

А теперь не понимаю, голоса ли это или снова переписка. Шелест-шепот в голове. Но при этом тепло где-то под грудью — некоторые считают, что именно там обретается душа, — человек, который называл меня Янтарной в видении, много для меня значил. Друг, брат, муж?

Но память снова закрыта. Только если раньше она представлялась мне девственно чистым белым листом, то теперь — непроходимым болотом, окутанным серым туманом.

Наконец нахожу в себе силы оторваться от стены и продолжить путь. Не рухнуть бы...

Заворачиваю за угол и улавливаю какой-то странный звук — не то стон, не то писк. Прислушиваюсь: похоже на писк. Мыши? Сколько живу на Пандоре, не видела здесь животных. Из живности у нас какое-то время были только тараканы, но и те приехали с одной из поставок.

Уже собираюсь идти дальше, решив, что это все-таки мышь, как та вдруг громко сморкается — совершенно точно по-человечески. А затем вновь возвращается писк. Однако теперь я понимаю, что это не писк, а жалобный плач.

Мало ли на Птицеферме причин, чтобы плакать? Думаю, у каждого найдется с десяток. И лезть в них... Мы все здесь вынужденные пленники — не друзья. Поэтому разумнее было бы пройти мимо...

Но я уже оказалась не в том месте и не в то время и уйти не могу. Полагаю, коридор у люка уже и так затопило водой, хуже за несколько минут не станет. И я заворачиваю в прилегающий коридор, откуда доносится плач.

Этот коридор заканчивается тупиком. Раньше тут было окно, но его давно выбили, а затем залатали двумя кусками пластика, прибив их к раме крест-накрест. А подоконник остался. На этом подоконнике и сидит тот, кого я сперва приняла за мышь. Кто-то очень маленький, сжавшийся в комок, обнявший тощие колени руками и спрятавший в них лицо.

— Олуша?

Можно было бы ошибиться, но на Птицеферме таких габаритов больше нет ни у кого.

Девушка испуганно вздрагивает, вскидывает заплаканное лицо.

— Кто здесь? — Как всегда, тихо, тоненьким голосом, который и правда похож на мышиный писк.

Верно, у меня лампа в вытянутой руке — Олуше слепит глаза и она не может меня рассмотреть.

Приглушаю свет еще сильнее, поставив на минимум, и подхожу ближе.

— Это я.

— Гагара, — вздыхает девушка и отворачивается. Обнимает тощие плечи. — Уходи. Я сказала бы так же.

Поэтому спрашиваю прямо, без лишних предисловий:

— Помощь нужна?

Лишние разговоры — это по части Чайки и Кайры. А мне бы не вмешиваться. Только, когда услышала плач, я уже вмешалась.

— Мне никто не поможет. — Горько, с надрывом, обреченно. А потом новый поток слез.

Я не психотерапевт, а соседний коридор заливает через люк дождь, и, кажется, у меня все же сотрясение. Иначе почему меня все еще подташнивает, а перед глазами плывет полупрозрачное нечто, напоминающее микроорганизмы под стеклом микроскопа?

Так что разворачиваюсь, чтобы уйти. Однако не успеваю.

— Филин отдал меня Момоту! — догоняет меня то ли крик, то ли стон.

Оборачиваюсь.

— Серьезно? С чего вдруг?

Олуша уже больше года, с тех пор как в шахте погиб ее прошлый сожитель, живет с Куликом. Кулик — спокойный беззлобный парень, они неплохо ладят. А Момот...

Момот — крупный (даже очень крупный) сорокалетний мужик, которому крохотная Олуша годится в дочери как по возрасту, так и по внешнему виду. Раньше он в паре с Тетере-

вом приводил в исполнение приговоры Филина. Только если Тетерев делал все равнодушно и по приказу, то Момот — с наслаждением и особым смаком. Момот — садист и не считает нужным этого скрывать. Местные женщины его тоже избегают, а те, кто имел с ним дело, говорят, что в постели он не менее жесток, чем в повседневной жизни.

Олуша всхлипывает.

— Они устроили соревнование. Боролись на руках. Момот победил Кулика, и Филин сказал, что в награду я теперь принадлежу ему. А такие хилые, как Кулик, должны больше стараться. — Выпаливает все это на одном дыхании. Как только не задыхается?

Поджимаю губы.

Ничего удивительного. Женщин на Птицеферме значительно меньше. Те, что находятся в парах, все равно обласкивают своим вниманием одиноких мужчин, и это всячески поощряется Главой, хотя и носит все же добровольный, а не обязательный характер. Тем не менее время от времени кто-нибудь из «холостяков» начинает качать права и тыкать в кого-нибудь пальцем и вопрошая: «А чем он лучше меня?» И тогда Филин устраивает соревнования. Обычно это кулачный бой. А сегодня, значит, армрестлинг.

Бред — Кулик вдвое легче и тоньше Момота. Устраивать такое противоборство даже не смешно.

— Он вывихнул ему руку, — в подтверждение моих мрачных мыслей плачет Олуша.

Выходит, девушка не только боится Момота, но и равнодушна к Кулику.

Но слово Филина на Птицеферме — закон. Со смертью Тетерева Момот — теперь главный палач. Глава его ценит и решил поощрить. Неудивительно.

И да, Олуша права: ей никто не поможет. Решения Филина обжалованию не подлежат.

— Сочувствую. — Это все, что могу сказать.

— Я боюсь... — И Олуша начинает рыдать навзрыд.

Мы не подруги. Вообще разве что парой фраз обмолвились за все это время. И я правда всерьез считала девушку немой в первые полгода своего пребывания здесь. Но сейчас мне ее искренне жаль. И помочь не могу. Ничем.

— Что бы... А что бы ты сделала на моем месте? — Олуша вдруг вскидывает на меня опухшие от слез и лихорадочно блестящие в полумраке глаза. — Что бы сделала?

Пингвин не Момот. Он не отличается особой жестокостью. Да и жестокостью в принципе. Если не сопротивляться. Но разве я хотела с ним жить? Разве хочу? Не я ли давлюсь глупыми слезами и бегу мыться каждый раз после того, как он меня касается?

— Я и на своем месте ничего не сделала, — отвечаю.

Глава 5

Пингвин так и не приходит ночевать, и я в кои-то веки ложусь спать в кровати. Обычно предпочитаю спать на полу — отдельно.

Но сегодня мягкая кровать, по сравнению с половым пластиком, не способствует крепкому сну. Всю ночь ворочаюсь с боку на бок. Меня преследуют сны — странные сны.

Сначала все почти безобидно: мне снится рыжеволосая девушка, мы с ней гуляем по какому-то зеленому городу, смеемся, едим мороженое. Я даже откуда-то знаю ее имя — Джилл. И Джилл — моя подруга, смешная и открытая. Мне хорошо в ее обществе.

Сон легкий и приятный, я почти расслабляюсь, когда ему на смену приходит другой.

...Я голая. Но нахожусь не в ванной, и не в спальне, и даже не в постели с мужчиной. Я на улице, в толпе таких же голых людей.

Шум, гомон голосов. Головы прохожих, повернутые в нашу сторону. Мальчик с огромными голубыми глазами показывает на нас пальцем и тянет мать за руку...

А я не стесняюсь своей наготы. Мне весело, мне легко. И вместо того, чтобы спрятаться или прикрыться, запрыгиваю на крышу припаркованного у обочины флайера и что-то кричу, размахивая руками.

Другие обнаженные люди подбадривают меня снизу. Среди них все та же Джилл, с которой мы ели мороженое в прошлом сне. Но она другая, совсем юная, с острыми выпирающими ключицами и яркими веснушками на носу. Она тоже без одежды — лишь зеленые лоскутки в области сосков и между ног.

Опускаю взгляд на себя и понимаю, что такие же прикрывающие кусочки приклеены и к моему телу, но они настолько невесомы, что совершенно их не чувствую.

А потом кто-то стаскивает меня с крыши транспортного средства. Вижу руку в черной перчатке и пальцы, как гвозди вбивающиеся в мою кожу на запястье и оставляющие красные отметины.

Бег, погоня, прерывистое дыхание. Босые ноги, изрезанные осколками битого стекла.

И следующая картинка: одна из дверей, мимо которых я бегу, открывается, и мое запястье снова обхватывают чужие пальцы. Но они другие, не те, что в перчатках, эти теплые, держат крепко, но не больно, затаскивают внутрь.

Хлопает дверь, и я оказываюсь практически прижата к парню в светлой футболке. Не вижу лица — он слишком близко, и мой взгляд почему-то устремлен ему в шею.

— Придурок, руки убрал! — шиплю и вырываюсь.

Но эта эмоция лишь напоказ. Мне не страшно, и я не злюсь — мне весело и хочется хохотать.

Отступаю и вскидываю глаза на молодого человека, гостьей которого внезапно оказалась. У него красивое тело, и я почти успеваю взглянуть в его лицо, как картинка осыпается мириадами серебряных звезд...

Кто-то истошно кричит, и я подскакиваю на кровати.

Сердце колотится как сумасшедшее. Крики, голые люди... Мне требуется не меньше минуты, чтобы понять, где обрывается сон и начинается реальность.

А потом крик повторяется, и уже не вызывает сомнений: я на Птицеферме, лагере заключенных на планете-тюрьме Пандоре, и здесь только что случилось что-то плохое.

* * *

Мне бы полежать в тишине, с закрытыми глазами и прокрутить в голове сон-воспоминание, все взвесить и обдумать. Но нельзя.

Вскакиваю с кровати, второпях натягиваю на себя сарафан, скручиваю волосы на затылке и ныряю в ботинки. Мчусь на улицу.

Голова еще немного кружится после вчерашнего падения, но не так сильно — я ожидала худшего.

Однако думаю сейчас не о себе. Сердце сжимается от дурного предчувствия — так не кричат из-за ерунды. Случилось что-то по-настоящему страшное.

Из комнат в коридор вываливают другие жители Птицефермы.

— Что случилось? Горим? — Из-за одной из дверей выглядывает Чайка и хватается за запястье как первую попавшуюся.

...Пальцы в черных перчатках на моей коже...

Другие, теплые, затаскивающие меня в помещение и спасающие от преследования...

Трясу головой, пытаюсь выбить из нее видения прошедшей ночи — не сейчас, не время. В ответ на резкое движение голова отзывается тупой болью.

— Не знаю, — выдыхаю. — Я тоже только что услышала.

— Тьфу ты! — ругается Чайка и выпускает мою руку с таким видом, будто потрогала нечто отвратительное.

Мы с Чайкой не слишком-то ладим. Она подруга Кайры, с которой мы враждуем с самого первого дня моего пребывания здесь. Если бы не жажда информации, Чайка со мной не заговорила бы. А я, пожалуй, и не ответила бы. Но сейчас мы все напуганы.

Горим... Судя по крику, очень похоже — если кто-то горит заживо.

В толпе других выбегаю на улицу. Большинство уже здесь: столпились у зарослей кустов на углу барака, как раз там, где меня вчера тошнило.

Кто-то нашел мои молоток и фонарик?

Но от этого же так не кричат...

Жители Птицефермы стоят плотно, образуя полукруги несколькими рядами. Те, кто подошел недавно, вытягивают шеи, пытаются рассмотреть, что же там, в центре первого полукруга, делятся предположениями:

— Что там?

— Не видать.

— Помер кто, что ли...

— Ну точно, лежит.

— Кто? Кто?

— Да не видно же.

Останавливаюсь позади всех и тоже ничего не вижу, только слышу версии.

Кто-то погиб?

Моментально вспоминаю о том, что Пингвин не пришел ночевать в комнату. А если это он? С ним что-то случилось?

В моем сердце тут же вспыхивает надежда на то, что так оно и есть, и я до боли прикусываю губу от отвращения к самой себе.

В отличие от меня Чайку задний ряд не устраивает, и она пытается пробиться вперед. Прочищает себе дорогу локтями, получает тычок в бок от Зяблика. Покрывает его трехэтажным матом.

А в следующий миг Зяблик уже сам отскакивает в сторону, пропуская — потому что Чайку догоняет ее сожигатель, Ворон, правая рука Главы.

— Да я что... я случайно, — бубнит Зяблик.

Но Ворон лишь одаривает его тяжелым взглядом и протискивается в образовавшийся узкий проход. Чайка кидается за ним с видом императрицы, которой только что обеспечили эскорт.

Не теряя времени, пользуюсь моментом и проскальзываю за ними.

Краем глаза замечаю в толпе Пингвина — живехонек. Хмурит брови, губы поджаты — ему-то, с высоты его роста, прекрасно видно, что происходит впереди.

А через пару секунд становится видно и мне.

Филин уже здесь, в ближнем круге. Стоит, подперев кулаком подбородок, и смотрит на землю. Вид у него потрепанный: волосы спутаны, помятое от недосыпа лицо — неудивительно, учитывая то, сколько он вчера должен был выпить.

Но интересует меня не Глава, а тот, кто лежит перед ним. Возле кого на коленях стоит Кайра. Девушка запустила обе руки себе в волосы и раскачивается из стороны в сторону, тем самым перекрывая обзор, и я вижу лишь ноги в темных штанах.

Неужели я вчера ушла, заперев дверь, а он захлебнулся, так как был пьян?..

Кайра снова испускает протяжный вой. Именно вой — как раненое животное.

Филин морщится, но позволяет кричать и дальше. Сострадает или думает, что такой сиреной созвать людей будет проще и быстрее?

— Пустите наконец! — слышу бурчание за спиной и торопливо отступаю, пропуская Сову, одной рукой опирающуюся на клюку, а второй — расталкивающую зевак.

Верно, Сова хоть что-то понимает в медицинской помощи. Только не думаю, что она понадобится — над живыми так не воют. Да и Филин не дурак: не стоял бы спокойно, если бы лежащий на земле был еще жив. Глава безжалостно казнит осужденных (правда, им же), но просто так никого не обрекает на смерть.

— Не ори, дура! — рывкает Сова, и Кайра осекается на середине ноты. — Отойди, глупая.

Девушка слушается. Но не встает, а, все так же на коленях, делает два приставных шага в сторону и остается там.

Теперь обзор открыт. Несмотря на то что я уже поняла, кого увижу на земле, того, в каком виде будет Чиж, не ожидала. Он в одних штанах и с голым торсом, то есть одет так же, как вчера, когда мы столкнулись на этом самом месте. Лежит на животе, голова повернута набок. Глаза удивленно распахнуты, рот приоткрыт. А из его затылка торчит... мой молоток. Носок молотка пробил череп, и головка вошла внутрь до самого клина.

Судорожно сглатываю. В том, что молоток мой, не сомневаюсь ни на миг — вот он, след от красной краски на рукояти.

Сова, кряхтя, опускается рядом с телом. Щупает пульс, морщится.

— Готов, — сообщает сухо то, что видно и так. Опирается на клюку, выпрямляется и отступает. — Можно убирать.

— Как убирать?! — взвизгивает Кайра. — Куда?! Нужно расследование! Нужно... — А потом сгибается, закрывает лицо ладонями и рыдает, громко, с подвыванием.

А ведь мне вчера показалось, что я видела луч фонаря, мелькнувший за окном. Как раз через несколько минут после того, как я оставила Чижа на улице. Но свет был слишком ярким для фонаря на солнечной батарее. А этого не может быть, других источников освещения на Птицеферме нет.

Люди продолжают переговариваться, Кайра — выть. Но все мгновенно смолкают, стоит Филину сойти с места. Тот ничего не говорит, только выходит вперед, загородив собой от остальных тело Чижа. Всего пара шагов, а все жители Птицефермы замолкают и смотрят на своего Главу, затаив дыхание.

Филин не спешит, оглядывает собравшихся, хмурится.

Мне кажется, он сам не знает, что сказать, кого обвинить, поэтому тянет время. Пытается определить преступника по бегаящим глазкам. Самонадеянно, учитывая, что все здесь — преступники. Даже хромая Сова. Даже кроткая маленькая Олуша.

Наконец глава разлепляет тонкие губы:

— Кто-нибудь хочет признаться? — Ответом ему служит молчание. — Кто-нибудь хочет дать показания?

Я могла бы. Сказать, что это я потеряла на улице молоток, когда свалилась с крыши. Что видела яркий свет за окном.

Но кто мне поверит? Мое слово против мертвого тела, которое уже не заговорит. Как доказать, что, когда я уходила, Чиж был жив?

Ответ: никто и никак. Поэтому молчу вместе с другими. Может, пронесет?

Не пронесло.

— Да это же она! — Кайра вскакивает на ноги с ловкостью газели и едва ли не упирает обвиняющий перст мне в грудь. — Она всегда его ненавидела и завидовала мне! Я своими глазами видела, как она ушла с праздника в самом начале. А потом не вернулась. Поджидала его тут, готовилась!

За кустом, под проливным дождем? Кайра считает меня больной?

Если бы мне вздумалось убить Чижа, да еще и без попыток спрятать тело и улики, то можно было бы попросту сделать вид, что я готова с ним переспать, а когда он бы отвлекся, спокойно и без шума перерезать горло. Да мало ли способов убить человека, который живет в соседней комнате, без необходимости поджидать его в кустах? Ночью. В ливень.

Обвинение, основанное лишь на том, что меня не было на празднике, кажется мне настолько нелепым, что даже не беспокоюсь. Пока не выяснится, что кто-то видел меня с молотком, опасности нет.

Тем не менее взгляд-прицел Филина перемещается на меня. И он не предвещает ничего хорошего.

— Серьезно? — срывается с моих губ.

Больше я ничего спросить не успеваю, потому как Глава бьет наотмашь. По лицу. Так резко и с такой силой, что падаю на колени в лужу. Прямо под ноги Филину.

...Туман. Холодно и влажно. Под ногами чавкает грязевая жижа. Где-то вдали воеет сирена, лают собаки.

Оступаю, падаю плашмя — животом прямо в разбитую тяжелыми ботинками грязь. И понимаю: подняться не смогу, сил нет.

— Что?! Сдулась?! — Вижу лишь армейские ботинки на толстой подошве и серые брючины. — Встать, стажер! Если ты сейчас не встанешь, завтра же поедешь к мамочке печь пироги!

Приподнимаюсь на руках и тут же падаю обратно — руки дрожат. Снова пытаюсь и получаю пощечину, болезненную, хлесткую.

И рык над головой:

— Встать! Стажер!

И я и вправду встаю.

— Да пошел ты, — огрызаюсь.

Бегу...

— Говори! Это ты убила Чижа?! — как и тогда, грохочет рык над моей головой.

И я, как тогда, поднимаюсь. Вытираю кровь с разбитой губы тыльной стороной ладони. Только «пошел ты» произношу лишь мысленно — сейчас не тренировочный бой, и меня не исключат, отправив «к мамочке печь пироги», а порешат на полном серьезе.

— Не я, — отвечаю.

Стараюсь не смотреть в глаза Главе. Уже знаю, он это не любит и воспринимает не иначе как вызов.

— Говори, где ты была вчера, когда ушла с праздника, — велит Филин. Но больше не бьет.

А мне очень хочется его ударить. Ребром ладони в кадык. Или в промежность — коленом снизу, чтобы согнулся вдвое, а затем добавить все тем же коленом, но в переносицу...

Чинила крышу — правдивый и, казалось бы, безопасный ответ. Но он потерял свою безопасность, когда мой молоток оказался в черепе Чижа.

Еще я разговаривала с Олушей. Долше чем следовало. И не следовало вообще. Как раз в то время, когда убийца подобрал мой молоток...

Олуша здесь, тоже в первом ряду. Вернее, была. Потому что, стоит мне посмотреть в ее сторону, она пятится и прячется за спиной Кулика.

Вот как.

Ясно.

— У меня болела голова. Я лежала в комнате, — вру, так как моя правда никому здесь не нужна.

Люди жаждут возмездия, казни виновного. И задача Главы — дать его им. А отдать того, кого ему не жалко, — меньшее из зол. Кому нужны настоящие расследования, когда можно быстро и эффектно утолить жажду мести?

Пару минут Филин раздумывает над моими словами, потом кивает кому-то над моей головой.

— Пошли. — Большая крепкая ладонь подхватывает меня под локоть и тащит к барaku. Люди расступаются.

Поворачиваю голову: Ибис, второй помощник Главы. У Ворона еще бывает свое мнение, а у этого точка зрения всегда одна — филиновская.

Ибис увлекает меня к барaku; еле поспеваю. Остальные тянутся за нами длинной вереницей.

Вижу Олушу, которая намеренно отстает от процессии, пытаясь затеряться в толпе. Она боится, что я расскажу о нашем с ней разговоре, призову ее в свидетели, а значит, привлеку к ней внимание.

Отвожу глаза — если бы Олуша хотела высказаться в мою защиту, она бы это сделала.

А еще я замечаю новичка, Пересмешника. Он не бежит с остальными, а стоит чуть в стороне. Но тоже смотрит на меня. Серьезным, тяжелым взглядом. Однако его немой посыл мне непонятен — не прочесть.

Должно быть, Пересмешник тоже уверен, что это я убила Чижа. Ведь я уходила из столовой на его глазах. И он видел, что я собиралась уйти и искала удобный момент — значит, что-то планировала.

* * *

— Вот! — Ибис выпускает мою уже покрасневшую от его мертвой хватки руку лишь в нашей с Пингвином комнате, и то только для того, чтобы схватить со стула грязное после вчерашнего падения платье. — Вот она! Улика!

Естественно, у меня не было времени постирать одежду, и я повесила платье на спинку стула, чтобы немного просохло и не сгнило до стирки.

В комнате тесно. Душно, несмотря на открытое окно. Еще никогда в этом помещении не собиралось столько народу. Все желающие даже не поместились — остались в коридоре, но поблизости в надежде ничего не пропустить.

Филин забирает у Ибиса платье. Берет за плечи, расправляет и держит перед собой на вытянутых руках. Платье сплошь в грязевых разводах. С первого взгляда видно, что его не просто носили под дождем — в нем валялись в луже.

Что ж, отличная версия: сначала мы с Чижом боролись, а потом я зарубила его молотком.

Нет, рубят топором. А молотком стучат. Застучала? Тоже нет: стучат бойком, а не носком...

Понимаю, что у меня начинается истерика. Еле сдерживаю рвущийся наружу неконтролируемый смех. Меня же порешили. Уже порешили. Что бы я ни сказала, какие бы аргументы в свою защиту ни привела, все уже решено. Меня уже, считай, нет.

А я могла бы сказать так много. Что мне не хватило бы силы ударить мужчину так сильно, чтобы молоток вошел настолько глубоко. Могла бы обратить внимание остальных, что я ниже Чижа и не смогла бы нанести удар сверху вниз, а по положению орудия убийства очевидно, что так и было и били его не лежащего.

Но что бы я ни пыталась донести до этих людей, приговор мне уже вынесен — вижу по глазам Главы.

Чижа убил кто-то высокий. Выше его. Мужчина. Филин не дурак, он не может этого не понимать. Однако мужчины — ценные работники на руднике. Главе выгодно закрыть на это глаза и отдать на растерзание меня.

Поэтому — оправдываться? Перебьется.

— Да пошел ты, — наконец произношу то, что давно мечтала.

В ответ получаю удар по лицу. И это не пощечина. Это самый настоящий хук правой.

Успеваю лишь чуть отклонить голову, чтобы не выбил зубы. В голове звенит.

А потом вспышка.

Еще одна.

...Я бью какого-то мужчину. Он крупнее меня, хотя и некрупный для мужчины. И мой единственный шанс — внезапность.

Мужчина отшатывается. Переступает с ноги на ногу, и это его ошибка. Подсекаю. Падает. Но быстро ориентируется — перехватывает мою ногу, занесенную для удара, и дергает на себя.

Тоже падаю, перекатываюсь. Уклоняюсь от кулака, летящего мне в лицо.

Противник пытается забраться на меня сверху, понимая, что его преимущество — вес.

Бью лбом в переносицу.

— С-су-ука!

На меня фонтаном хлещет кровь из разбитого носа...

— Поднимайте ее. — Картинка перед моими глазами рассыпается битыми стеклами, и только теперь понимаю, что я на полу. — Заприте пока. Сначала похороны — потом казнь. Завтра.

Завтра. У меня есть еще целый день, чтобы пожить, — как щедро.

— Да пошел ты, — с удовольствием повторяю разбитыми губами.

После чего Ибис снова подхватывает меня под локоть и волочет за собой.

Глава 6

На каждое действие есть противодействие. А каждый поступок влечет за собой последствия.

Я могла сразу же после падения с крыши попытаться найти молоток и унести его с собой. Могла не убегать от Чижа. Могла не запирасть за собой дверь. Могла не идти закрывать люк, а переодеться и вернуться в столовую, чтобы разделить праздник со всеми и непременно попасться на глаза Главе. Я могла...

Могла поступить по-другому в каждом из перечисленных случаев, но сделала так, а не иначе. И оказалась... здесь.

Камерами временного заключения на Птицеферме служат подвальные складские помещения — попросту говоря, кладовки. Маленькие, тесные, без окон.

В одну из таких «мышинных нор» и приволакивает меня Ибис, а затем без лишних слов швыряет на пол. Запирает дверь и оставляет в полной темноте. В духоте, без еды и воды.

А я, вместо того чтобы биться в истерике, колотить кулаками в дверь и пытаться оправдаться, усаживаюсь на пол, обхватываю руками колени, откидываю голову на стену и... улыбаюсь. Я так давно хотела послать Филина с его выдуманной, изуродованной моралью подальше, что это принесло настоящее наслаждение.

И пусть радоваться мне недолго, это того стоило.

* * *

Эйфория проходит через несколько часов пребывания в импровизированном подземелье. Приходит осознание: завтра я умру.

Страшно. Немного. Не слишком.

Нет, если бы был хоть какой-то шанс выкрутиться, я бы попробовала. Но Кайра выкрикнула мое имя, а Филин схватился за него, как бульдог за брошенную палку — впился зубами и не отпустит. Плевал он как на прерванную жизнь Чижа, так и на мою. Главе нужно замять конфликт, быстро и грамотно. Что может быть проще — жертва отомщена, преступник повешен.

Пожалуй, выйдет неплохой повод для очередного праздника.

Жаль только Сова не успела сварить новую порцию самогона.

* * *

В темноте ощущение времени теряется. Тем более в тишине.

Про меня словно забыли, похоронили заживо в пластиковой коробке. Пластик... На Пандоре почти все из пластика. Серого, безликого. Как и наши жизни.

...Янтарная...

Лишь шепот в голове не оставляет меня в одиночестве.

Сжимаю зубы от бессилия. Кто ты, обращающийся ко мне так? И кем была я?

Юная забастовщица, нарушительница спокойствия, стажер какого-то военного подразделения...

С силой тру виски, пытаюсь вспомнить еще хоть что-то, но в голове снова непроглядный серый туман-кисель. Серый, как чертов пластик.

Пожалуй, смириться со своей скорой смертью проще, чем с тем, что я так и не узнаю правды.

* * *

Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем в коридоре впервые слышатся шаги. Медленные, шаркающие, сопровождаемые постукиванием. Тук-тук, тук-тук... Клюка.

Не пытаюсь встать и даже не меняю позы. Какой смысл? Зачем бы Сова ни пришла, но точно не для того, чтобы меня выпустить. За мной прислали бы Ибиса или Момота — того, кто сильнее и не позволит сбежать.

Поэтому сижу и лишь поворачиваю голову туда, где, по моему мнению (если я окончательно не потеряла ориентацию в пространстве), находится дверь.

Она действительно там, потому что, к своему удивлению, вижу свет фонаря снаружи. Оказывается, между дверью и полом есть щель сантиметра в три, но из-за того, что в коридоре тоже было темно, я ее не заметила.

Приглушенный свет, пляшущая тень, шаркающие шаги.

А потом звук льющейся воды.

И я уже не могу усидеть на месте. Сглатываю вязкую слюну и полуприседом смещаюсь к двери.

Еще никогда в жизни я не была так рада видеть Сову. Она ведь пришла не для того, чтобы переливать воду из одной тары в другую перед моей дверью, просто чтобы помучить меня, правда? Неплохая получилась бы пытка...

Недодумываю мысль, потому что внезапно меня снова накрывает. Да так, что с размаха врезаюсь спиной в стену, а потом сползаю по ней на пол. Будто меня кто-то швырнул.

Вспышка. Белая, слепящая.

Еще одна.

...Стекаю по стене. Ощущение — что все мои кости превратились в желе. Или разбиты вдребезги — я еще не определилась. Боль адская.

— Вставай, — раздается сверху насмешливый голос. Но поднять голову я не в силах — слишком больно. — Что, — снова насмешка, — теперь ты не такая смелая?

— Да пошел ты, — шиплю через сжатые зубы.

— Не-е-эт, — противно растягивает слова говорящий. Подходит ближе. В моей зоне видимости черные начищенные ботинки. Кажется, я даже могу рассмотреть в них свое отражение. — Теперь-то мы поговорим.

Затем следует серия ударов: по лицу, в живот — кулаком, ногой в блестящем ботинке — в колено.

Больно, но я только крепче сжимаю зубы.

— Будешь говорить?!

— П-шел ты, — шепчу на грани потери сознания и сплевываю кровь. Попадаю на себя же. Черт...

Тяжелый кулак замахивается вновь, но очередного удара не следует. Дверь с грохотом распаивается.

— Скорее! Они здесь! Окружают! — кричит высокий молодой голос. Не понимаю, мальчишеский или женский.

Тот, кто меня избивал, выдает целую серию ругательств. А в следующий миг из коридора доносятся звуки выстрелов.

— В окно! Быстрей! — Опять этот звонкий голос.

Топот бегущих ног, звон бьющегося стекла, снова выстрелы. На этот раз с улицы.

Прикрываю глаза и выпускаю вздох облегчения. Значит, я не зря тянула время — успели.

Новые шаги, быстрые, но легкие. Не поднимаю век, мне кажется, эти шаги я узнаю где угодно.

— Янтарная! — Человек приближается. До меня доносится звук соприкосновения чего-то металлического с полом, должно быть оружия. — Эй, Эм, ты меня слышишь?

Но у меня нет сил даже открыть глаза. Да и куда мне торопиться? Остальное доделают без меня.

— Эм, ты со мной? — Меня касаются руки, теплые, бережные. Те самые, которые однажды уже спасли меня — затащили в свой дом, когда я по малолетству участвовала в демонстрации.

Не знаю, откуда мне это известно, но ни на миг не сомневаюсь, что это тот самый человек: парень в светлой футболке, мужчина с ожогом на ладони...

Он аккуратно касается моего подбородка, поворачивает голову из стороны в сторону; не сопротивляюсь. Затем касается ребер. С шумом выпускаю из легких воздух.

— Ясно, — делает какой-то вывод мой спаситель. И уже не мне, а в сторону выхода: — Эй, где там медики?!

— Дорнана подстрелили! Все там!

— Черт.

Судя по звуку шагов, кричащий из коридора появляется в дверях.

— Живая? — спрашивает. Тяжело дышит, как после быстрого бега.

— Жить будет. — Тот, кто сидит на корточках возле меня и все еще сжимает мою руку, отвечает таким тоном, будто это не он только что звал ко мне медперсонал.

— Тогда пошли, — торопит второй. — Здание еще не проверили. Вдруг заминировано. Валим.

Валим, валим, валим...

Это слово эхом отдается в висках. Мне хочется свалить прямо сейчас — в небытие.

— Эй, так не пойдет. — Тот, что держит меня за руку, трясет за плечо. — Не отключайся. А потом силой заставляет подняться. Тут же оседаю на поврежденное колено.

— Ник! Вы там уснули?! — кричат из коридора.

Ник — мое сознание цепляется за это имя, рвется к нему. Хочу увидеть, хочу понять. Но та я, из прошлого, так и не открывает глаз. И я не вижу — только чувствую.

— Идем уже! — откликается тот, кого называли Ником, и подхватывает меня на руки.

— Я тебе не принцесса, — бормочу для порядка, а сама с наслаждением располагаю голову на его плече.

— Дура ты, а не принцесса, — получаю в ответ. — Не рыпнулась бы без прикрытия, мне не пришлось бы тебя таскать.

— Не рыпнулась бы, — передразниваю сонно, в его руках так тепло, — нас бы всех порешили. Это была ловушка.

— Поняли уже, — отвечает с досадой. — Все равно дура с замашками камикадзе.

— Пусть лучше будет принцесса. А ты мой рыцарь.

Хмыкает над ухом, чувствую его дыхание на своих волосах.

— Скорее уж конь...

— Эй, Гагара, ты живая? Что там у тебя? — спрашивает из-за двери скрипучий голос Совы, возвращая меня в реальность. — Гагара? — И кажется, пытается дозваться не в первый раз.

Тру ушибленный затылок и поднимаюсь.

В голове звон. Но если бы я была уверена, что после очередного удара мне «покажут» еще одну картинку из прошлого, то не задумываясь приложила бы еще раз.

Ник... Это видение было особенно ценным — теперь я знаю имя.

— Гагара? — В голосе Совы смесь раздражения и беспокойства.

— Я здесь, — выдыхаю. Но мыслями все еще далеко.

Кто я, черт возьми?!

— Бери тогда. — Из-под двери появляется тарелка.

Она такая плоская, что воды в ней совсем мало. Но посуда выше в щель не пролезла бы. Жажда всепоглощающая, невыносимая. Видения подождут. Хватаю тарелку, трясущимися руками подношу к лицу и жадно выпиваю тот глоток, который в ней уместился. Мало. Возвращаю тару обратно.

Процедура продолжается. Сова наливает, подсовывает; я пью.

— Хватит, — после пятой «передачи» объявляет гостя. — Тебе там еще ночь сидеть. А на двор-то не выйдешь.

Ночь. Значит, сейчас только вечер.

Долго. Или быстро? Уже не понимаю и не знаю, что лучше. Тут очень душно, голова кружится. Не было бы видение не первым, подумала бы, что у меня начались галлюцинации от нехватки воздуха.

Впрочем, моя несчастная голова слишком часто сталкивается с чем-то твердым за последние сутки. Поэтому не факт, что причина в духоте.

— Спасибо, — бормочу.

Сова хкекает и на благодарность не отвечает. Стукает переставляемая клюка, шуршит одежда, доносится болезненный выдох. Моя гостя садится на пол?

На несколько минут повисает молчание. Жду, когда Сова заговорит сама. Это ведь она пришла ко мне, а не я к ней.

— Я знаю, что не ты убила Чижа, — наконец вознаграждается мое ожидание — женщина заговаривает.

Невесело усмехаюсь. Ну надо же: Сова на моей стороне. Сова, вечно недовольная мною и ни разу не позволяющая пройти мимо без колкого замечания в мой адрес.

— Кто-нибудь может стать твоим алиби? — продолжает женщина, когда мое ответное молчание затягивается. — Сказать, что был с тобой вчера ночью?

Олуша.

Но если бы девушка хотела вступить за меня, у нее была масса времени на то, чтобы решиться. А самой упоминать ее имя, насильно призывать в свидетели — так только хуже. Олуша испугается еще больше и может наговорить того, что лишь продлит агонию.

— Не думаю, — качаю головой, хотя Сова и не может меня видеть.

Тоже сажусь на пол и опираюсь спиной о дверь. Должно быть, собеседница сейчас отзеркаливает мою позу с другой стороны.

— Пингвин напился и провалялся полвечера под столом, — продолжает Сова развивать тему. — Он мог бы соврать, что был с тобой. Филин его не видел.

— Но не стал, — произношу утвердительно.

Это же Пингвин. Главы он боится как огня и никогда ему не врет и не перечит. В общем-то как и большинство жителей Птицефермы.

— Не стал, — подтверждает Сова то, что не было вопросом. — Он уже ходил к Филину с прошением отдать ему освободившуюся Кайру.

Свято место пусто не бывает. Кажется, так говорят? Быстро сработано.

— Чижа хоть успели похоронить? — спрашиваю сухо.

В горле ком. Никогда не думала, что мне будет жаль своего похотливого соседа.

— Успели. Пару часов назад.

Пара часов. Верно — самое время «посвататься» к его женщине.

— Не отвлекайся, у меня мало времени, — недовольно шикает на меня собеседница.

Ну наконец-то. Так проще, так привычнее — когда Сова разговаривает со мной слишком по-доброму, это будто и не Сова вовсе.

— Больше никого нет, — говорю уверенно.

Это пустой разговор. Филин давно точит на меня зуб, и избавиться от нежеланного обитателя Птицефермы таким образом — наилучший способ.

— Ладно, я подумаю, — скрипит Сова. Затем стучит клюкой, поднимаясь.

У меня с языка чуть было не срывается вопрос, почему тогда она сама не станет моим алиби, раз уж ей так безразлична моя участь, но вовремя осекаюсь — уж она-то наверняка была весь вечер на глазах у Главы.

— За тобой придут утром, — сообщает Сова вместо прощания.

— Я не спешу, — заверяю. Сдохнуть я всегда успею.

Незваная посетительница уходит, и я снова остаюсь в одиночестве.

Однако все не так, как было до ее визита. У меня есть имя. А учитывая то, что я видела прежде, то целых два имени: Ник и Джилл.

Хотя нет, не два, а три. Был еще некто, кого ранили в перестрелке, — Дорнан. Но на это имя у моего подсознания нет никакой ответной реакции.

У меня по-прежнему слишком мало ответов.

До этого была драка. Теперь перестрелка. Что это? Какая-то военная операция? Служба безопасности, полиция? Кто? И за что я оказалась здесь?

Может быть, тот тип в ботинках и с тяжелыми кулаками и был представителем закона, а мы...

Но только сильнее начинает гудеть голова. Нет, не вижу. Снова стена, которую одним желанием не пробить.

А еще Ник в видении назвал меня Эм.

Эм и Янтарная...

И вдруг меня осеняет: английский, один из древних языков Земли, уроки которого обязательны в средней школе. Английский, ну конечно же!

По-английски «янтарь» — это «эмбер».

Эм...

Господи... Запускаю руки в волосы. Я поняла, я наконец поняла.

Меня звали Эмбер.

В той, в прошлой жизни меня звали Эмбер!

Глава 7

Должно быть, засыпаю от духоты. Сажу, гоняю в голове мысли о том, что вспомнила, надеюсь, что память снова приоткроет мне двери и покажет что-то еще. Но тщетно.

— Эмбер, Эмбер, меня звали Эмбер, — бормочу себе под нос придушенным шепотом.

Эта мысль не вызывает сомнений. Кусочек пазла точно становится на место, занимает свою нишу и дает ощущение правильности. И, как ни странно, свободы. Здесь, в темной тесной «коробке» впервые за два года я чувствую себя свободной.

А потом словно проваливаюсь в колодезь, где нет ничего, кроме темноты.

Прихожу в себя от звука, который издает ключ, проворачиваемый в ржавом замке.

Тру лицо ладонями и пытаюсь встать. От спанья в неудобной позе ноги затекли, и мне удается принять вертикальное положение не с первой попытки. В голове звон, словно я много выпила накануне, или будто меня били; а меня и били, и я много падала. Это хорошо, что обладатель ключа так долго возится с замком — у меня есть время прийти в себя.

Сейчас дверь откроется, и меня потащат на виселицу. Свяжут руки и накинут петлю на шею. И я буду стоять на кривом трехногом табурете под веткой дерева и слушать обличительную речь Филина. А потом Глава лично вытолкнет табурет из-под моих ног.

Стойте, я еще не...

Чувствую укол страха. Вчера, когда я знала, что впереди еще целая ночь, не было так страшно.

Вот только поздно бояться.

На пороге появляется Момот с фонарем в руках. Тот светит тускло, как и все местные фонари, но по отвыкшим от света глазам бьет словно яркий прожектор.

Инстинктивно делаю шаг назад, прикрывая глаза ладонью, но мою руку тут же отдергивают от лица — Момот вцепляется в нее мертвой хваткой и дергает на себя. Едва не падаю, а он перехватывает руку, сжимая, как железными тисками, повыше локтя, и волочет меня к выходу. Все молча, будто ему велели передвинуть мебель.

Сцепляю зубы и не пытаюсь сопротивляться — все равно тщетно. А если меня доставят на казнь с выбитыми зубами, это только повеселит Филина.

Момот быстро шагает впереди, подсвечивая себе под ноги фонариком, я же еле поспеваю за ним по темным коридорам. Один раз спотыкаюсь и падаю, но он не останавливается, не ослабляет хватку — тащит за собой по полу. Шиплю от боли и кое-как поднимаюсь на ноги. Момот даже не оборачивается. Он словно машина — записана программа: «Привести куда велено», — и все остальное его не волнует. Чертов садист.

На лестнице приходится совсем тяжело: Момот шагает через две ступеньки, уже бегу, но стараюсь не отставать. От меня уже мало что зависит, но на собственную казнь я намерена прийти своими ногами — пусть считают это моей последней волей.

* * *

Дневной свет бьет по глазам.

Солнце уже высоко, по небу плывут редкие облака — безветрие. Глина под ногами снова сухая и потрескавшаяся — один день, а следов недавнего дождя как не бывало.

Боль в руке, сдавленной Момотом, невыносимая, поэтому и пялюсь то в небо, то под ноги, чтобы отвлечься. Не выходит.

Конвоир сволакивает меня с крыльца, тащит вперед, не ослабляя хватку. А впереди... Нас уже ждут.

Жители Птицефермы образовали собой живой круг во дворе. Когда мы приближаемся, они расступаются, пропуская, и я вижу Главу. Филин стоит в центре круга, заложив руки за

спину, широко расставив ноги и приподняв подбородок — эдакий агрессивный вариант позы «вольно». Этот человек пришел сюда карать, и ему очень нравится его роль.

Впрочем, как и Момоту. Которому, как оказалось, тоже не чужда театральность: он с силой вталкивает меня в центр круга и отступает к остальным, а я падаю в прямом смысле к ногам Главы.

Кожа на моей руке пульсирует и наливается синевой, а приток крови вызывает новую порцию боли. Морщусь и поднимаюсь на ноги. Накрываю ладонью одной руки больное место на второй.

Смотрю в серую глину под ногами. Не хочу видеть Филина, не испытываю желания рассматривать собравшихся. И так знаю, что увижу на их лицах: у большинства — равнодушие, у других — облегчение от того, что это не они стоят сейчас в круге. Полагаю, у одного-двух на лицах все же будет написана жалость. Но ее я не хочу видеть больше всего.

Молчание гробовое, тишина почти полная. Мне даже кажется, что слышу дыхание стоящих вокруг людей.

Поэтому вздрагиваю от неожиданности, когда Филин вдруг громко хлопает в ладоши за моей спиной.

— Что ж, раз все в сборе, начинаем! — объявляет и подходит ближе. Не оборачиваюсь. — Гагара, тебе есть что сказать нам касательно того, что произошло вчера? — Тяжелая ладонь ложится на мое обнаженное из-за тонких бретелей сарафана плечо.

Прикосновение шершавой горячей руки настолько неприятно, что меня едва не передергивает.

Он хочет слез, оправданий, мольбы.

— Я уже все сказала, — отвечаю мрачно и коротко.

Пошел он.

— Лгать нехорошо. — Непроизвольно дергаюсь, потому что последнее слово Филин ласково произносит мне на ухо. Чувствую спиной жар его тела — теперь он стоит слишком близко. — За ложь ты будешь наказана.

Еле пересиливаю себя, чтобы остаться на месте. Играть в догонялки и бегать от Главы — глупо: из круга меня все равно не выпустят.

— Сначала за ложь, потом за убийство? — спрашиваю сухо. Чувствую, как трескаются от жажды губы, во рту появляется металлический привкус крови.

— Обвинение в убийстве снято. И если бы ты вчера честно рассказала, где и с кем была, его бы вообще не последовало.

Это шутка?

Резко оборачиваюсь к Главе, вынуждая его убрать ладонь с моего плеча и даже отступить. У него серьезное лицо, а в глазах — досада. Он был бы рад повесить меня сегодня, однако что-то произошло и помешало его планам.

Неужели Олуша решилась?

Ищу ее взглядом, но не нахожу. Видимо, спряталась за спинами остальных. Не ожидала, что она осмелится, если струсила вчера...

— ...Пересмешник рассказал нам правду. — Голос Филина холодным ветром врывается в поток моих мыслей, и я лишь каким-то чудом успеваю прикусить язык, прежде чем с него сорвалось бы удивленное: «Кто?!» — Твое желание скрыть от Пингвина то, что ты проводишь время с кем-то другим, похвально. Но законами Птицефермы это не возбраняется. Ни к чему жертвы... Пересмешник, подойди, — заговаривает Глава громче. — Повтори перед всеми то, что сказал мне.

Наверное, я слишком долго просидела в душной комнате, без еды и воды, потому как соображаю очень медленно. В голове полнейший вакуум. В каком-то коматозе смотрю на выхо-

дящего в круг новенького и почему-то думаю о том, что не зря подозревала — длины его волос хватит, чтобы собрать их в короткий хвост; именно это он сегодня и сделал.

Пялюсь на Пересмешника во все глаза, но он достаивает меня лишь беглым взглядом, поворачивается к зрителям.

— Вчера вечером я признался Главе, что мы с Гагарой ушли с праздника вместе, — врет с самым невозмутимым видом. Затем, усмехаясь, разводит руками. — Пингвин, без обид. Гагара — горячая штучка, я не удержался.

Тупо моргаю. Может, я брежу?

Мой сожитель, стоящий прямехонько напротив, выпучивает глаза.

— Чего-о-о? Да она бревно!

Нет, если это и бред, то крайне реалистичный — узнаю Пингвина: ему говорят, что спали с его женщиной, пока он отвернулся, а он возмущен только тем, что ее называли горячей.

— Может, просто рубанок надо смазать, — комментирует выпад Пингвина Чайка.

По рядам проходит волна хохота, окончательно убеждая меня в том, что я не сплю и все происходит на самом деле.

Но зачем Пересмешнику меня прикрывать? Неужели он не понимает, что если правда откроется, то висеть ему со мной на соседнем дереве?

Сова пообещала подумать над моим алиби. Что, если это она попросила его об одолжении?..

И только тут до меня доходит — как холодной водой обдаёт: значит, после того как я ушла, новичок тоже ускользнул из столовой. И алиби у него тоже нет...

— Гагара, ты подтверждаешь? — Филин опять обращается ко мне.

По глазам вижу: надеется, что я совсем безнадежна и сейчас заявлю, что слова Пересмешника — ложь.

— Подтверждаю.

Глава чуть смежает веки — недоволен, однако оснований для казни больше нет. Не сомневаюсь, причины найдутся в скором будущем — я теперь для него как кость в горле.

Тем не менее Филин кивает.

— В таком случае обвинения в убийстве сняты.

Поднимается шум, все начинают переговариваться, делиться мнением.

— Как сняты?! — громко взвизгивает Кайра, перекрикивая остальных. — А Чиж?! Кто тогда убил Чижа?!

Хороший вопрос. И мой главный подозреваемый только что спас меня от виселицы.

Филин властно поднимает руку, призывая к тишине.

— Мы проведем расследование, — обещает твердо, когда гомон смолкает.

Кайре хватает ума смолчать и не перечить решению Главы. Но ее полный ненависти взгляд устремлен на меня. Похоже, в отличие от Филина она на полном серьезе верит, что это была я.

— Что касается наказания за ложь, — продолжает Глава. — Гагара, ты своей ложью ввела нас всех в заблуждение и помешала расследованию смерти Чижа по свежим следам. За это... — Мужчина делает вид, что задумался, но не сомневаюсь: он все придумал заранее. — Розги. Пять ударов. — Втягиваю в себя воздух через крепко сжатые зубы — розги, опять. — Момот исполнит.

Снова шушуканье вокруг. Все знают Момота и его любовь к наказаниям. Но мне грех жаловаться: между виселицей и розгами выбор очевиден.

Покорно склоняю голову, и не думая спорить.

— Забери ее пока, — слышу голос Главы и не успеваю сообразить, к кому он обращается, как чужие пальцы накрывают мое запястье. В отличие от хватки Момота — почти невесомо.

Пересмешник увлекает меня за собой в круг; не сопротивляюсь. А потом он едва ли не с силой разворачивает меня и обнимает со спины, по-хозяйски разместив руки под моей грудью. Дергаюсь.

— Стой, — приказ на грани слышимости.

Приходится послушаться. Сердце гулко бьется в груди, прямо под ладонью Пересмешника. Должно быть, он чувствует. Заставляю себя расслабиться и откидываюсь спиной ему на грудь. Полагаю, со стороны мы действительно смотримся как любовники. На самом деле у меня ноги дрожат и почти не держат, и я взваливаю на своего неожиданного спасителя половину моего веса.

— А у меня еще одно объявление, — тем временем заявляет Филин, обращая внимание зрителей на себя и отвлекая любопытные взгляды от нас с Пересмешником. Выдыхаю с облегчением. — Вчера Пингвин обратился ко мне с просьбой позволить ему жить с Кайрой. — Девушка вспыхивает смущенным румянцем — расценивает как комплимент. — Я был готов согласиться. Но тогда я был уверен, что Гагара виновна. — Взгляд-выстрел в мою сторону; пытаюсь выглядеть как можно более расслабленной в объятиях почти незнакомого мне человека. — Теперь все изменилось...

— А чего это Пингвину Кайру?! — раздается с задних рядов. Не могу понять кто. Зяблик?

Кажется, Кайра тоже не поняла — вертит головой, но жутко довольна популярностью. Бедняга Чиж.

— Об этом я и говорю, — охотно соглашается Глава. И у меня даже создается впечатление, что тот выкрик был приказным. — У нас много холостяков. Позавчера мы выяснили, что Кулик слаб и не заслуживает женщины, и я задумался, что, возможно, он такой не один. И принял решение: ровно через неделю состоятся состязания. Все пары будут разбиты. Победители смогут выбрать себе женщину по своему желанию. Согласны?

В моем сознании этот вопрос противоречит ранее сказанному «принял решение». А «холостяки» нестройным хором с энтузиазмом кричат о своей согласии. «Парные» хмурятся, но не возражают. Кто же станет отказываться от состязаний?

— Гагара... — Да чтоб его. Заставляю себя выпрямиться, Пересмешник убирает руки. — Несмотря на твою ложь, я тоже допустил ошибку...

Напрягаюсь: это что-то новенькое.

— ...поэтому эту неделю я разрешаю тебе жить одной. Останешься ли ты дальше с Пингином или нет, решит испытание.

— Не останется, — ворчит упомянутый, но так, чтобы слышали те, кто стоит рядом, а не Глава.

Еще бы, Пингвин твердо решил заполучить Кайру, и будет за нее биться. Зачем ему теперь я?

Знал бы он, какое это облегчение.

— Благодарю, Филин, — покорно опускаю глаза.

Благодарю тебя за то, что у меня будет неделя, чтобы залечить раны от розг и только потом предоставить свое тело тому, кого ты выберешь.

* * *

Момот — любитель пороть наказанных. Причинять боль доставляет ему истинное наслаждение, и он не считает нужным это скрывать. У него даже лицо преображается: появляется улыбка и загораются глаза.

В прошлый раз меня порол Тетерев. И это было... легче. Ударов мне тогда причиталось больше, но после тех десяти я смогла поползти до комнаты сама. После этих пяти... На самом деле я отрубаюсь после трех.

Прихожу в себя от того, что кто-то брызгает мне на лицо водой.

Я все еще подвешена за руки к ветке, так что еле достаю ногами до земли, головой грудью повернута к стволу дерева, спиной — на всеобщее обозрение. Мой сарафан опущен до талии, чувствую, что сзади он мокрый — пропитался кровью.

От боли перед глазами все плывет, и я еле различаю перед собой Сову с кружкой в руках. Сперва она брызгает водой мне в лицо, а когда видит, что я очнулась, подносит кружку к губам. Делаю глоток.

Нужно поблагодарить, но из горла вырывается то ли хрип, то ли бульканье.

— Молчи уж, — скрипит Сова.

Прикрываю глаза.

Позади слышны голоса. Значит, я потеряла сознание совсем ненадолго — люди только-только расходятся.

В прошлый раз меня снял с дерева Пингвин — опасался, что загнусь. И то вспомнил не сразу. Сейчас... Сова при желании не сможет. Когда я потеряла сознание и полностью повисла на руках, веревки глубоко впились в запястья. Даже если она принесет мне нож, вряд ли у меня получится освободиться самой.

Плывать. Сейчас мне хочется только забыться.

Кажется, даже отключаюсь. Или нет? Совершенно не чувствую времени.

Кто-то протискивается между мной и стволом дерева, подставляет колено между моих ног. Дергаюсь. Неужели кому-то пришло в голову... сейчас?!

— Тихо. Я иначе тебя не поймаю. Сама понимаешь, за спину тебя не приобнимешь.

Пересмешник. Почему-то сразу расслабляюсь. Просто доигрывает в «любовников». И сейчас мне глубоко наплевать, зачем ему это понадобилось.

Мужчина перерезает веревку на моих запястьях, и я действительно кулем лечу вниз. Он подхватывает.

— За шею меня обними, — командует.

Верно, спина, подозреваю, в клочья. Меня и на руки не возьмешь. Можно, конечно, на плечо закинуть, как мешок со свеклой, но Пересмешник так отчего-то не поступает.

Руки не слушаются, мне удастся выполнить его приказ только с третьей попытки. После чего он подхватывает меня под бедра, так, чтобы мои ноги оказались с обеих сторон от его тела.

— Расслабься, не уроню.

— Если я расслаблюсь, то отрублюсь, — хриплю куда-то ему в шею.

Отрублюсь и разожму руки.

— Ладно, тогда продержись еще пять минут, — соглашается.

— Угу, — мычу и крепче его обнимаю.

Волосы Пересмешника еще сохранили слабый отголосок запаха того шампуня.

Мне нравится этот шампунь.

* * *

И все же не сдерживаю обещание — теряю связь с реальностью где-то на крыльце.

Новый проблеск сознания — от боли, когда меня укладывают животом на постель.

— Все, иди, — слышу скрипучий голос Совы. — И кликни мне Майну или Олушу. Придутся. Придется шить.

— Я могу помочь?

Пересмешник? Он все еще здесь?

— Майну или Олушу позови, — повторяет Сова с нажимом.

Слышатся шаги — уходит.

— Слыхала? — Это уже мне. — Еще помочь рвется. Вот запала ты ему.

Не запала, а упала. На грудь. С ветки.

Но у меня нет сил, чтобы язвить вслух — только мысленно.

— Сейчас промою и зашью кое-что, потом перевяжу, — бормочет Сова себе под нос, кажется не ожидая моего ответа. — Как раз заживляющее привезли.

Верно, позавчера же была поставка медикаментов, а в первые дни на радостях Сова не столь экономна в их использовании.

Выдыхаю и расслабляюсь. Только крепче обнимаю подушку, когда отчего-то холодные в жару руки касаются поврежденной спины. А потом и вовсе кусаю наволочку.

Ерунда. Если Сова правда решила поделиться лекарствами, то все заживет за пару дней — современные медикаменты творят чудеса.

Думаю так, а еще через минуту опять проваливаюсь в спасительную темноту.

Глава 8

...Жилая комната. На диван небрежно наброшено пестрое покрывало с пушистой бахромой по краям. Чашка с недопитым чаем посреди невысокого столика.

Направляюсь к барной стойке, расположенной за диваном, который своей спинкой делит помещение на две зоны: гостиную и кухню, — когда меня сзади обнимают чьи-то руки.

— Эм, давай встречаться. Как пара. — Чужое дыхание щекочет ухо.

Смеюсь от этого ощущения, пытаюсь вывернуться, но меня не пускают. А при мысли, что сказанное не шутка, внутренности сводит холодом.

— Ник, ты с ума сошел? — уточняю беспечно и только надеюсь, что он не чувствует, как бешено колотится мое сердце.

Его руки под моей грудью, подбородок — на моем плече.

— Вроде бы нет, — отвечает с усмешкой. — Так что?

Дергаюсь, вновь пытаюсь вырваться, но Ник держит крепко.

— Пусти. Что за бред? Ты встречаешься с Марго.

— Если отпущу, ты быстро найдешь срочное дело и уйдешь от темы. — Закатываю глаза к потолку — Ник слишком хорошо меня знает. — Это не бред. И я помню, что ты встречаешься с Джошем. Но ты его не любишь. И я расстался с Марго.

Мое сердце падает куда-то к ногам. На мгновение зажимаюсь, чтобы взять себя в руки и голос прозвучал ровно.

— С чего ты взял, что я не люблю Джоша?

С Джошем мы расстались еще три месяца назад, но я благоразумно об этом не распространялась. Только Джилл в курсе. Она, правда, покрутила пальцем у виска, когда я попросила ее не говорить Нику, но обещала — и слово сдержала.

— Потому что я знаю тебя.

Непрошибаемая логика. И, что самое досадное, верная.

Злюсь на себя и кусаю губы от досады. Проще всего сейчас признаться, что нет никакого Джоша. Обернуться, поцеловать того, кого я действительно хочу поцеловать, и не останавливаться, отключить голову. Как тогда...

Но тогда это было ошибкой — я точно знаю.

— Прекрати, мы друзья. — Решительно выворачиваюсь из его рук, и на этот раз Ник меня не удерживает.

Почти бегу к барной стойке. Щеки пылают.

— Ладно, попробуем позже, — негромко произносит друг мне вслед.

Но я слышу. Не оборачиваюсь.

Открываю дверцу шкафа, начинаю в нем копаться, на ходу пытаюсь придумать, что там могло мне понадобиться. Переставляю банку с кофе с места на место.

— Ага, мне тоже кофе сварить!

Ник сам дает мне спасительную соломинку.

Ник всегда приходит мне на помощь.

Даже когда сам является причиной моих проблем...

Сквозь плотно сомкнутые веки проникает солнечный свет. Сознание возвращается сперва медленно, а затем меня, словно рыбу волной на сушу, выбрасывает в реальность.

Не хочу. До крика. Но только глубоко вдыхаю и выдыхаю влажный горячий воздух — кричать не поможет.

Пытаюсь подняться. Кожа на спине натягивается, и меня опаляет болью. Падаю обратно на подушку, кусая сухие губы. Тем не менее осознаю, что эта боль не сравнится с той, которая

была тогда, когда я приходила в сознание в прошлый раз. Значит, Сова таки потратила на меня свой бесценный запас медикаментов.

Кое-как поворачиваю голову и осматриваюсь: я одна, в своей комнате, из распахнутого настежь окна льется яркий солнечный свет. Кто знает, сколько я проспала, но жар в воздухе дает основания предполагать, что сейчас вторая половина дня.

Убедившись, что в комнате никого, снова прикрываю глаза. Хочется есть и пить, сходить в туалет, в конце концов, но я даю себе поблажку — еще несколько минут в тишине и одиночестве.

Эти воспоминания... Все смешалось воедино: то, как обнимал меня в кругу Пересмешник, и как Ник прижимал меня к себе в квартире с диваном и барной стойкой. Та же поза. Один в один: руки под грудью, подбородок на плече. Должно быть, именно это дало сигнал моей памяти.

Триггер — кажется, так это называется. Воспоминания так или иначе всегда связаны с происходящим наяву, будто выбираешь пункт в воображаемом меню, например «объятия» или «удар по лицу», и получаешь картинку.

Только я никак не возьму в толк, почему все, что я вижу из прошлого, рассказывает мне об одном человеке. Есть еще Джилл, моя маленькая рыжеволосая подруга, но и ей мое сознание отвело лишь крошечное место — все остальное связано с Ником. Человеком, лица которого я даже не вижу. Только чувства, чистые эмоции.

Кем бы ни был Ник, он был очень важной частью моей жизни.

Но я ведь как-то оказалась на Пандоре. За что-то!

Память молчит — она готова рассказывать мне только о Нике.

Кем мы были? Драки, тренировки, оружие, люди, прыгающие из окон... Военные? Шпионы? Преступная группировка? Группировка в любом случае — судя по количеству моих спасителей в одном из воспоминаний...

Скрипят дверные петли. Вздрагиваю.

— Ишь ты прыткая. — Сова сама скрипит не хуже петель. — Лежи. До завтра чтоб не дергалась.

— Мне в туалет надо, — бормочу, голос глухой, как из трубы. Перед глазами плывут полупрозрачные зигзаги, часто моргаю, пытаюсь от них избавиться. Не помогает.

— Ясное дело. Я уже послала Рисовку за судном.

Еще лучше.

Сцепляю зубы, упрямлюсь.

— Я встану, — огрызаюсь и пытаюсь приподняться на руках, но снова падаю.

Боль вышибает воздух из легких. Или это удар о постель? На этот раз со всей дури прилетаю лицом в твердую подушку.

— Дурная, — комментирует Сова, и, вынуждена признать, в данном случае она права. Каким бы чудодейственным ни было лекарственное средство, которое она использовала, оно не способно настолько ускорить регенерацию, чтобы раны затянулись за несколько часов. — Лежи, кому сказано. — Слышу приближающиеся шаркающие шаги, постукивание клюки. — А сейчас все-таки приподнимись и выпей.

Перед моим лицом появляется кружка, и пахнет из нее так, что у меня все внутренности связываются в узел. Желудок пуст, но все равно норовит вывернуться наизнанку.

— Пей, кому сказала! — прикрикивает Сова. — Хочешь завтра нормально шевелиться? Тогда пей.

Шевелиться я хочу. Как угодно, через боль, лишь бы никто не выносил из-под меня горшок. Справлюсь.

Опираясь на один локоть, беру кружку во вторую руку. Пробую. Это какой-то травяной отвар. Гадость редкостная, но на вкус все равно терпимее, чем на запах.

— До дна пей! Ну же! Живо! — безжалостно велит Сова, когда я начинаю давиться и прекращаю пить. Надеюсь, она не решила применить уринотерапию — на вкус похоже.

Допиваю и с облегчением падаю обратно на подушку. Голова начинает «плыть».

— Что это... было? — выдыхаю, понимая, что очертания предметов перед глазами становятся все менее четкими. Вот и у Совы нос потек куда-то набок, глаза удлинлись.

— Травка. Хорошая, — отрезает та с видом профессионала. Профессионала с носом набекрень и глазами до подбородка. В довершение весь ее облик начинает сначала мерцать, а затем подергивается дымкой.

Нет, точно не уринотерапия.

Видимо, по моему лицу становится заметно действие чудо-травки, потому что Сова шаркает к двери и кричит уже в коридор:

— Рисовка! Ты где?! Скорее неси судно, пока она опять не отключилась!

А меня уже качает, словно на волнах. И матрас кажется мягче, и воздух еще горячее.

Жарко.

Горю.

...Я вся горю. Сгораю, но пламя не снаружи — оно внутри меня.

Пуговицы рвутся и, словно горошины, падают и катятся по полу. Мне плевать, я смеюсь.

Горячо: горячие губы и руки. Мне кажется, они везде на моей не менее разгоряченной коже.

Прижимаюсь сильнее, обхватываю руками чью-то шею. Перехватываю губы, жадно целую. Мне отвечают. Пожар внутри меня усиливается.

Провожу ладонью по чужим волосам. Они мягкие, струятся между пальцев.

Я снова смеюсь. В моей крови алкоголь. Много алкоголя. Он дурманит и толкает делать то, на что я не решилась бы в трезвом уме. Не здесь, не с этим человеком. С ним — не решилась бы.

Моя ладонь спускается вниз. По рельефной груди, по твердым мышцам живота — вниз...

И тут в мозгу что-то щелкает. Рука замирает.

— Янтарная, — горячий шепот в самое ухо, — если ты сейчас остановишься, я за себя не отвечаю.

А я не хочу останавливаться, и чтобы он останавливался — не хочу. Сейчас все условности кажутся лишь бутафорией, а настоящее — вот оно, в данный момент, между нами.

— Ник, мы друзья, — шепчу не потому, что хочу прекратить, а потому, что мне нужно услышать возражение, чтобы не сомневаться.

— К черту такую дружбу.

Горячие губы накрывают мою грудь, и я больше не думаю, выгибаюсь навстречу...

Сердце набатом грохочет в груди. Я мокрая от пота с головы до ног, волосы — хоть выжимай.

— Гагара, Гагара... — Кто-то трясет меня за плечо. — Гагара, очнись. Ты кричала.

Мне хочется завывать от досады. Может быть, я и кричала, но точно не от ужаса.

Поворачиваю голову: Олуша. Стоит рядом с кроватью и смотрит на меня огромными глазами. В руках — кружка с еще одной порцией дурно пахнущей гадости, которая отправила меня в небытие на... на сколько?

— Сколько прошло? — хриплю.

— С момента наказания? — растерянно переспрашивает девушка. Пожимает плечиком. — Оно было вчера утром. Сейчас вечер следующего дня.

Значит, меня вырубил на целые сутки. Хороша травка.

Отворачиваюсь от гостыи и сосредотачиваюсь на своих ощущениях. Повожу плечами, проверяя спину, — немного больно, но встать, думаю, смогу.

— Ты что? — пугается Олуша, когда я сажусь на кровати. — Сова до завтра не велела.

Вчера Сова не велела до сегодня. Так что подчиняюсь первому приказу.

— В туалет проводишь? — спрашиваю, игнорируя возмущение.

— А-а? — Та приподнимает кружку, которую все еще держит в руках, и смотрит на нее с каким-то беспомощным выражением на лице.

Боже, как эта девчонка попала на Пандору? Я могу представить убийцей себя, Кайру, Сову и других, но Олушу — не получается, как ни старайся. Сколько ей? Даже сейчас лет двадцать пять, не больше. А она здесь дольше меня. Что же она успела натворить в свои двадцать? Что-то настолько ужасное, что заслужила Птицеферму...

— На стол поставь, — отмахиваюсь и спускаю ноги на пол. Ищу глазами одежду. — Сарафан подай, пожалуйста, — прошу. Вижу его на стуле, там же, где и грязное после падения с крыши платье.

Сарафан тоже грязный, еще и в крови на спине, но выбирать не приходится. Как только оклемаюсь, река, чтобы постирать вещи, станет первым пунктом моего маршрута.

А еще жутко хочется помыться, все тело чешется.

— Держи. — Олуша слушается, протягивает одежду, и я вижу огромный черно-синий синяк на ее предплечье. Мне даже кажется, что могу различить в его форме отпечатки крупных мужских пальцев.

— Это Момот?

Успеваю заметить, как девушка бледнеет, прежде чем успевает закрыться длинными волосами и отвернуться.

— Не важно, — тоненько пищит, снова напоминая мне испуганную мышь.

Опускаю взгляд. У меня у самой такое же украшение на плече. Можно сказать, идентичное. В прямом смысле: те же пальцы, отпечаток которых остался на моей коже после дороги из камеры во двор.

Олуша всхлипывает, обнимает себя руками.

Поджимаю губы.

Мне хочется прямо сейчас встать и свернуть шею этому ублюдку, получающему наслаждение от чужой боли. Но я его не одолею, только не Момота. Я видела в воспоминаниях, что дралась с мужчиной, однако тот человек был втрое меньше. Момот размахнет меня по стенке.

Должно быть, эти мысли красноречиво написаны на моем лице.

— Кулик сказал, что одолеет его на состязании. Вернет меня.

Еле подавляю в себе приступ истерического смеха — Олуша меня еще и успокаивает.

Кто одолеет Момота? Кулик, которому тот уже вывихнул руку? Он не победит Момота в поединке не то что с одной — с тремя руками. Это безнадежно.

— Он попытается, — шепчет девушка уже совсем тихо.

А я понимаю, что мне нечего ей сказать. Следовало бы кивнуть и согласиться, мол, верю в ее парня. Но не верю. Единственный способ избавиться от Момота — это подкараулить его, как кто-то Чижа, и напасть со спины, чтобы тот не успел среагировать.

А еще Олуша сама могла бы. Ночью, пока он спит. Но она этого не сделает...

— Проводи меня на улицу, пожалуйста, — повторяю свою просьбу. Встаю сама, но меня пошатывает, и еле успеваю схватиться за край стола, чтобы не упасть.

Олуша подхватывает меня под локоть. Только морщусь, когда ее тонкие холодные пальцы касаются синяка на плече.

— Гагара, ты должна знать, что я... — тихо тараторит девушка, пока мы идем к двери. — Я должна была сказать, что мы... что я...

— Не надо, — прошу.

Не хочу слышать извинений. Мне повезло, и нет смысла ворошить прошлое.
Почему вмешался Пересмешник — другой вопрос. Вот его оставлять без ответа не хочу.

* * *

По возвращении Олуша меняет перевязку на моей спине и так впикивает в руки кружку с уже окончательно остывшим отваром. Надо признать, холодный, он чуть менее отвратительный.

— Что... она... туда... кладет? — спрашиваю, закашлявшись.

Но Олуша только пожимает плечами — Сова не из тех, кто делится своими секретами. Благодаря чему и жива до сих пор.

Допиваю содержимое тары до дна и снова укладываюсь на живот, подмяв под себя подушку. Из чего бы Сова ни варила лекарство, в нем явно что-то психотропное — у меня мгновенно начинает плыть перед глазами. Хорошо, что не стала пить перед выходом из комнаты — не дошла бы.

На самом деле отвар и правда чудодейственный, потому что после него пропадает и жажда, и голод.

— Я пойду, — шепчет Олуша, кажется уже не рассчитывая на мою реакцию, и тихонько крадется к двери.

— погоди, — прошу, и она послушно возвращается. — Олуша, ты когда-нибудь думала, кем была раньше? — Не стоило бы спрашивать, но отвар развязывает мне язык, несмотря на то что глаза начинают слипаться. — За что попала сюда.

Девушка смотрит на меня как на умалишенную. Верно, тема воспоминаний на Пандоре не приветствуется.

— Слайтекс стирает все следы, — отвечает осторожно. Должно быть, так разговаривают с душевнобольными, которых не хотят расстраивать.

Слайтекс — препарат, которым нас лишают памяти. Говорят, все зависит от дозировки: можно стереть последние пару дней, а можно всю жизнь. Чудесное средство, не имеющее побочных эффектов. Им лечат жертв насилия, используют в психотерапии, избавляя людей от детских травм и фобий, появившихся вследствие несчастных случаев. Доживи создатель слайтекса до наших дней, он бы здорово удивился, какое применение его изобретению нашли Тюремщики Пандоры. Ирония судьбы: создавая лекарство, изобрел орудие пытки.

— А ты что, что-то помнишь? — пугается Олуша моего затянувшегося молчания.

О да, я помню Ника.

— Нет, — отвечаю, чувствуя, что сознание стремительно уплывает, — конечно нет. — Не хочу отключаться, пытаюсь удержаться. Ощущение — будто держусь на поверхности воды: чуть зазеваюсь — пойду ко дну. — Но я не о слайтексе.

— Думаю, я вряд ли была хорошим человеком.

— Почему?

— Я слишком многим желаю здесь смерти, — практически скороговоркой произносит Олуша и бежит к двери, будто боится, что я брошусь за ней.

— Подожди! — приподнимаюсь на руках, но перед глазами плывет еще сильнее, и я снова падаю в подушку лицом. Чертов отвар.

Уже на границе сна и реальности слышу быстрые возвращающиеся шаги. Что-то бормочу, но уже сама не различаю собственных слов.

А потом проваливаюсь в темноту.

Мне кажется, еще слышу чей-то скрипучий голос, бормочущий ругательства, но уже не могу понять, кому он принадлежит.

* * *

Покидаю комнату с первыми лучами рассвета. Все тело зудит, и я больше не могу находиться в постели.

Сгребаю в узел грязное белье с кровати, туда же засовываю перепачканное платье, а на себя напяливаю сарафан и бреду к реке — никто за меня не постирает.

Голова кружится, и немного поташнивает. Но желудок пуст, и это к лучшему.

Барак спит, и я беспрепятственно выхожу на улицу. Только здесь вдыхаю полной грудью. Прохладно, и кожа тут же покрывается мурашками, но все равно снаружи дышится гораздо легче.

Возвращаюсь не раньше чем через час. Развешиваю мокрое постельное белье и одежду во дворе на веревке. Сама остаюсь в мокром сарафане — высохнет на мне — других летних вещей у меня все равно нет.

С удовлетворением отмечаю, что движения даются почти безболезненно — даже руки могу поднять к веревкам. Надо будет поблагодарить Сову, не знаю, правда, станет ли та слушать мои благодарности — она это не любит.

В бараке тихо: все еще спят, только на кухне слышится шевеление. Пройти мимо?

Лучше бы я так и сделала, но отчего-то все равно заглядываю внутрь. В моей голове все перепуталось, и не могу вспомнить, чья сегодня смена готовить.

Оказывается, моя. Потому как на кухне обнаруживается Сова — обычно мы работаем с ней в паре.

— Явилась красавица, — зло бросает женщина через плечо, заметив, кто заглянул в помещение. Замираю как вкопанная, не понимая причины агрессии. — Чего встала?

Сова подхватывает клюку, до этого прислоненную к стулу, и делает ко мне два широких шага, замахивается тряпкой, которую все еще держит в руке. Думаю, ударит, но женщина швыряет старое полотенце на стол и только мечет глазами молнии.

— Идиотка, — припечатывает и отходит.

— Что я сделала? — не понимаю.

— Еще и не помнит, — произносит та с отвращением, как сплевывает. Но я правда не понимаю. Сова упирает руку в бок и впирается в меня тяжелым взглядом. — Кто тебе Олуша? — спрашивает требовательно, при этом поглядывая по сторонам, будто боится, что нас услышат. — Близкая подруга? Родственница?

Качаю головой:

— Нет.

Мы все здесь никто друг другу. Но Олушу мне действительно жаль больше других. Она совершенно не может за себя постоять. Чем-то девушка напоминает мне Джилл — такая же маленькая, кроткая. Должно быть, это подсознательное, ведь подругу я вспомнила совсем недавно, а к Олуше испытываю симпатию давно.

— А нет, так и молчи, — отчеканивает Сова. — О своей шкуре подумай.

— Да что я сделала? — все еще не понимаю. Спросила вчера о том, кем она была? Это Олуша ей рассказала? Да, на Птицеферме тема воспоминаний не поощряется, но за нее не казнят и даже не порют. Не понимаю.

Сова снова поглядывает по сторонам и мне за плечо, чтобы убедиться, что нас не подслушивают. Настороженная, напряженная.

А я вспоминаю скрипучий недовольный голос в моей комнате, как раз перед тем как я отключилась. Кажется, ругающийся на Олушу...

— Вспомнила? — ехидно интересуется женщина. — Вижу по глазам, что вспомнила. «Убийцу Чижа так и не нашли. Если вы с Куликом убьете Момота и спрячете его тело, все подумают, что это тот же неизвестный убийца. Я вас прикрою», — цитирует мои вчерашние слова и замолкает, в ожидании реакции глядя мне в лицо.

Бледнею. Я сказала это вслух? Seriously? Чертов отвар.

— То-то же. — Брезгливо кривится, будто ей и смотреть на меня противно. — А ты знаешь, что твоя невинная овечка уже собиралась бежать к Филину, чтобы рассказать ему о твоём плане?

У меня холодеет внутри.

— Это и не план вовсе, — бормочу.

— Это «блестящая» идея, — передразнивает женщина. — Только Олуша боится Филина до дрожи в своих тощих коленках. И она сдаст меня, тебя — любого, из-за кого Глава может на нее рассердиться.

Поджимаю губы и несколько минут просто стою, глядя в пол.

— Как ты ее остановила? — спрашиваю. Остановила же. Иначе сегодня я не купалась бы в реке, а уже висела бы на том же дереве, что и два дня назад. Только не за руки, а за шею — подстрекательство к убийству не шутки.

— Сказала, что сама сверну ее тощую шею. — И в этот момент у Совы такое лицо, что даже я ей верю, не то что трусливая Олуша. — Не суйся. — Морщинистый скрюченный палец упирается мне в грудь. — Смирись уже и не суйся, иначе здесь не выжить.

Выходит, Олуша умеет выживать, а я нет.

— Помогай давай, раз оклемалась. — Сова кивает на стол, где уже лежат помытые овощи. — Нарезай.

Не говоря ни слова, принимаюсь за работу.

В горле стоит ком. Да, в здравом уме я не сказала бы вслух ничего подобного, но Олуша... Она же знала, что я «под кайфом», и все равно хотела сдать Главе, так, на всякий случай.

— Почему ты вступилась за меня? — спрашиваю не раньше чем через четверть часа, когда ком в горле наконец исчезает и я уже не сомневаюсь, что не заплачу.

Сова стоит ко мне боком, помешивает варево в кастрюле. Поворачивается.

— Готовишь ты недурно, — бросает и снова отворачивается.

Глава 9

К завтраку мой сарафан не успевает высохнуть и чересчур обтягивает фигуру, липнет к коже.

Стою на раздаче. Получаю пристальный взгляд и кивок от Главы — отметил, что я встала с постели, одобряет, что не стала дольше бездельничать. Кайра, открыто милующаяся с Зябликом, тоже удостаивает меня персональным взглядом — полным ненависти.

А еще Пингвин... В его глазах читается сомнение, и смотрит он не в лицо, а ниже шеи — все ясно: мокрый сарафан, а нижнее белье на Пандоре не предусмотрено. Выходит, засомневался в принятом второпях решении, раздумывает, стоит ли биться за меня на предстоящих состязаниях.

Перехватывает мой взгляд и многообещающе кивает — решил, будет возвращать меня обратно. Впрочем, Кайра даже не смотрит в его сторону. Полагаю, причина в этом.

Отворачиваюсь.

Мои мысли занимает другой человек. И не как мужчина. Меня волнует, почему он вступился за меня и где сам пропадал во время праздника.

Пересмешник тоже поглядывает в мою сторону, но не так пристально, как Пингвин. Хотя я стою у стола, когда остальные сидят. Может, мне только кажется?

Не кажется, понимаю, когда тарелки наполнены — мне снова осталось место рядом с новичком. Случайно ли? Не верю. Здесь так не принято: никто не пытается застолбить за собой какое-то определенное место, все садятся как попало.

Значит, Пересмешник позаботился о том, чтобы рядом с ним никто не сел. Что ему от меня нужно?

Пытаюсь сохранять равнодушное выражение на лице и подхожу к оставленному мне месту. К счастью, сегодня Филин сидит за соседним столом.

Замечаю Олушу. Она за моим же столом, но с противоположной стороны — напротив. Обращает внимание, что я смотрю на нее, и торопливо отводит взгляд, будто ее обожгло. Кулик, с подвешенной к груди рукой, сидит за столом Филина, через два человека от Момота, поглядывает на того со злобой, но конфликт не затевает — терпит, ждет состязаний.

— Как ты? — Пересмешник поворачивается ко мне.

— Жить буду, — отвечаю коротко. Спина ноет и чешется, но болью то, что я сейчас ощущаю, точно не назовешь. В прошлый раз без медикаментов все заживало гораздо дольше. В любом случае обсуждать свои увечья не хочу. — Нам надо поговорить, — говорю шепотом, чтобы нас не услышали. После купания мои волосы еще влажные и потому распущены, опускаю голову, позволяя им упасть на лицо, — прячусь от любопытных взглядов.

— Мы уходим на рудник сразу после завтрака, — отвечает Пересмешник так же тихо. Удивления не выражает, вопросов не задает.

То, что утром у него не будет времени, знаю и так. Праздники и похороны закончились, и жители Птицефермы вернулись к своему обычному режиму дня: мужчины сразу после завтрака идут на рудник, а женщины занимаются огородом, стиркой и приготовлением пищи.

— Вечером?

— Это свидание?

Вскидываю на него глаза. Открыто смотрит в ответ. И да, он действительно это сказал.

— Вечером, — шепчу утвердительно, оставив странную шутку без ответа.

Мне не по себе. Не понимаю его мотивов.

— Как скажешь, — соглашается без единого возражения Пересмешник и больше не пытается со мной заговаривать, продолжает трапезу.

Тоже берусь за ложку. В моем желудке за последние три дня не было ничего, кроме того мерзкого дурманящего отвара, но аппетита нет.

Ковыряюсь ложкой в тарелке и тайком рассматриваю сидящего слева от меня. Сегодня он снова собрал свои светлые волосы в хвост. Странно, но ему идет.

А вот запах шампуня выветрился, и мне безумно жаль этого потерянного аромата. Он будто был весточкой из того забытого мира.

А теперь его нет.

* * *

— Я все равно знаю, что это ты, — бросает мне Кайра сквозь зубы, проходя к выходу из столовой и якобы случайно толкая в плечо своим плечом.

Как бы она ни обласкивала своим вниманием других мужчин и как бы быстро ни нашла утешение в объятиях Зяблика, Чиж был для нее особенным, а его смерть стала ударом. Тем не менее мне не до сочувствия. Сова права: надо подумать о своей шкуре. А я чуть было не лишилась головы именно из-за обвинений Кайры в мой адрес. С этим нужно кончать.

Не позволяю ей сделать выпад в мой адрес и прошествовать мимо, прихватывая за локоть, вынуждая остановиться.

— А раз так, то не тронь меня, если не хочешь стать следующей, — предупреждаю шепотом.

Глаза девушки изумленно распахиваются, но я уже выпускаю ее и иду своей дорогой.

У меня еще гора немытой посуды.

Люди вереницей тянутся из столовой, образуют пробку в дверях.

Обращаю внимание, что Олуша обзавелась синяком на второй руке. Не сомневаюсь, Филин тоже заметил, но его все устраивает.

* * *

На ужине с одной стороны от Пересмешника устраивается Кайра, с другой — Ворон. И я только еще раз убеждаюсь, что в прошлый раз место для меня он оставил специально.

Пока раздаю тарелки, отмечаю, что к вечеру Кайра повеселела, а заодно пуше прежнего разукрасила себе лицо: на губах свекольный сок, глаза подведены сажей. Волосы распущены, тщательно расчесаны и свободно лежат на плечах. Грудь — боже, ей не больно ее так задирать?

Не знаю, чем провинился Зяблик, но этим вечером Кайра однозначно выбрала себе нового ухажера. Ее грудь разве что не лежит на столе перед Пересмешником. Девушка, не скрываясь, ластится к очередному предмету своего сексуального интереса. Прогибается в спине, зазывно поводит плечами и норовит наклониться вперед, чтобы продемонстрировать свои прелести во всей красе.

Похоже, задать Пересмешнику вопрос по поводу его неожиданного желания помочь мне сегодня не удастся. Кайра считается самой красивой женщиной Птицефермы. Вряд ли тот откажется, если она предложит ему уединиться сразу после ужина.

Что ж, придется подождать.

Сажусь рядом с Чайкой. Если бы было другое место, выбрала бы его, но альтернатива — рядом с Главой. Поэтому потерплю болтливую компанию Чайки. А молчать эта женщина не умеет.

— Что, ревнуешь? — ожидаемо заговаривает та, едва я сажусь.

— К кому? — не сразу понимаю. — А-а-а, — прослеживаю ее взгляд. Кайра уже откровенно поглаживает Пересмешника по плечу. Они о чем-то разговаривают, но далеко, не слышно. Мужчина улыбается, Кайра млеет. — Нет, не ревную.

— А зря. Кайре он правда понравился.

— С чего вдруг? — Мне бы промолчать, но кто-то тянет меня за язык.

Скорее уж поверю, что Кайра решила таким образом отомстить мне — все ведь думают, что мы любовники.

— А с того, — Чайка понижает голос и даже заговорщически склоняется ко мне поближе, — что с Зябликом она раньше ни-ни. Он же был лучшим другом Чижа. А вчера... вот. И говорит, у него размер. — Для наглядности сводит большой и указательный пальцы, оставив между ними сантиметров пять. — Вот и посмотрела, кого еще можно взять себе в пару. Не Пингвина же, — гаденькая усмешка, — все знают, что он скорострел. А новенький ничего, симпатичный. Может, и в штанах все хорошо.

Язык без костей — так говорят о людях вроде Чайки.

— Зачем ты мне все это говоришь? Вы же с Кайрой вроде как подруги.

Чайка смотрит на меня как на умалишенную.

— Подруги, конечно, — выпрямляется на скамье, чтобы гордо посмотреть на меня сверху вниз. — Потому и говорю — предупреждаю: не стой на пути у моей подруги.

— Совет да любовь, — бормочу и отворачиваюсь.

Успеваю заметить, как Пересмешник аккуратно снимает ладонь Кайры со своего плеча.

Чайка же, поняв, что я не собираюсь спорить и отстаивать свои права на не принадлежащего мне мужчину, тут же теряет ко мне интерес.

— Видела у Олуши синячищи? — громким шепотом обращается к сидящей с другой стороны от нее Майне. — Видать, Момот поколачивает ее вовсю. Интересно, он такой здоровый, а она...

Майна что-то негромко ей отвечает. Не вслушиваюсь.

* * *

Гору посуды перемываю в одиночестве.

Сова ссылается на боль в ноге и ретируется с кухни почти сразу. Готовит она с удовольствием, а вот моет через силу и всегда норовит улизнуть. Сегодня оно и к лучшему — не хочу ни с кем разговаривать.

Вернее, я бы поговорила с одним-единственным человеком, действий которого по-прежнему не понимаю. Но Пересмешник ожидаемо исчез из столовой в компании Кайры, с радостной физиономией повиснувшей на его руке. В мою сторону даже не взглянул.

Может, теперь Кайра от меня отстанет? Решит, что победила, и уймется?

Хотя на Чижа я тоже никогда не претендовала, но та все равно находила повод для ссоры: не туда посмотрела, не так сказала. Ревность — второе имя Кайры, и для того, чтобы ее распылить, не нужно ничего делать, достаточно просто пройти мимо мужчины, которого девушка считает своим.

Руки работают с привычной скоростью, независимо от мыслей, которые гоняю в голове. Сперва о Сове, затем о Пересмешнике, после — о Кайре. Но в итоге все равно о Нике.

Кто же ты такой?

Только я уверилась, что мы были друзьями. А потом эта постельная сцена. Какая интересная у нас была дружба...

Мои мысли упрямо возвращаются к Нику, снова и снова. Но мне сейчас нужно не это. Кем бы мой друг-любовник ни был, он где-то там, а я здесь. Я хочу вспомнить себя, понять, за что оказалась на Пандоре. Мне нужны факты, а меня накрывает чувствами, совершенно ненужными сейчас и неуместными.

Прижимаю мокрую, в мыльной воде руку тыльной стороной ладони ко лбу. Голова разболелась. Никогда не страдала мигренью, а сейчас виски моментально сдавливают, стоит лишь попытаться вспомнить. Проклятый слайтекс.

Вздрагиваю от скрипа двери. Оборачиваюсь: Олуша. Стоит, опустив голову и снова завесившись своими длинными иссиня-черными волосами, как шторой. Смотрит в пол.

— Можно? — пищит скромной мышкой.

Внутри снова просыпается волна жалости, но нет, я не забыла, что еще вчера эта девчонка была готова отправить меня на виселицу только потому, что испугалась за себя.

Дергаю плечом.

— Заходи. Можешь помочь, если хочешь, — киваю на уже невысокую стопку немытой посуды.

Но Олуша пришла за чем угодно, только не помогать.

— Посижу тут, — вскарабкивается на высокий табурет, сидя на котором даже не достает ступнями до пола. Держится пальцами за края сиденья, болтает ногами в воздухе — точно подросток на заборе. Смотрит по-прежнему в пол.

— Сиди, — разрешаю.

Не скажу, что после вчерашнего общество девушки мне приятно, но не гнать же ее? Кухня — место общего пользования. Приди она в мою комнату — пожалуй, я выставила бы ее вон.

Тем не менее в помещении чувствуется напряжение. Стопка посуды убывает, а Олуша не собирается ни уходить, ни говорить, зачем пришла.

Ладно, ее дело.

Заканчиваю с посудой, вытираю руки жестким полотенцем. Спину ломит — сегодня я слишком много времени провела в вертикальном положении. Но я уже встала и показалась на глаза — больше поблажек мне не будет. А завтра ждет огород — пора вливаться в привычный ритм.

Так как Олуша по-прежнему молчит, развешиваю полотенце на веревке, протянутой над печью, самодельная труба которой уходит в вырезанный в крыше проем, отряхиваю ладонь о ладонь и поворачиваюсь, чтобы уйти. Хочется Олуше посидеть — пусть сидит. А мне, с моей спиной, пожалуй, лучше прилечь.

Но выйти не успеваю.

— Я тут от Момота прячусь, — догоняет меня тихий голос девушки.

Останавливаюсь.

— Думаешь, здесь он тебя не найдет?

— Он знает, что я на кухне. Я сказала ему, что Сова велела помочь тебе.

У нее обе руки синие. И скула, кажется, припухшая. Черт.

Не могу, не могу не замечать и делать вид, что все так, как и должно быть. Так — быть не должно.

Наверное, я меняюсь в лице, потому что Олуша вдруг спрыгивает с табурета и бросается мне в ноги, обнимает колени. Я ошарашенно отступаю, беру девушку за плечи и пытаюсь поднять, но та вцепляется крепче и отчаянно мотает головой.

— Гагара, Гагара, пожалуйста, — шепчет, задыхаясь, — ты такая смелая. Ты даже Филину перечишь. Спаси меня, убей Момота. Я боюсь, что Кулик сам решится. А если Глава узнает, то он его повесит. А ты... А тебя все равно... Тебе уже все равно. Филин тебя не любит, он найдет повод... А так ты мне поможешь. Очень поможешь... — Все это быстро, почти скороговоркой.

Каменею. Стою и не двигаюсь, позволяя ей омыwać слезами мои колени.

То, что я сказала вчера в бреду... Да, у меня зубы сводит от того, как устроена жизнь на Птицеферме и из-за невозможности ничего изменить. Если бы Олуша решилась, я бы прикрыла ее, сделала то, что отказалась сделать она для меня (хотя в ее случае это не было бы ложью). Я солгала бы и обеспечила ей алиби, рискнула бы. Но сделать все моими руками, чтобы потом...

— А потом ты пойдешь к Филину и сдашь меня, — произношу холодно. Это даже не вопрос, теперь я точно знаю, что так и будет: сдаст не задумываясь, чтобы обезопасить себя.

— Не сдам, не сдам, — плачет Олуша. — Только если он спросит, я не смогу соврать. Но только если спросит...

Мне тошно. Мне дурно.

Мне предлагают отличный способ самоубийства. Прямо как в дешевом бульварном романе: пожертвовать собой, но изменить чью-то жизнь к лучшему. Не можешь переделать весь мир, начни с малого — так, кажется, говорят?

Но пожертвовать собой и позволить себя использовать, а затем выбросить на помойку — не одно и то же. Впрочем, не уверена, что мне в принципе свойственна жертвенность. Во всяком случае, сейчас я испытываю что угодно, кроме жалости.

— Отпусти меня.

— Гагара, пожалуйста...

— Отпусти, — повторяю тверже.

Наконец Олуша понимает, что я не шучу, и разжимает цепкие пальцы. Отступаю, а девушка откатывается на пятки, задирает голову и смотрит на меня ненавидящим взглядом.

О да, покажи свое истинное лицо, бедная мышка.

— Если ты этого не сделаешь, я скажу правду! — вдруг выпаливает, ее лицо краснеет до багрового оттенка. — Скажу, что видела тебя той ночью после убийства Чиж.

— Он был тогда жив, — возражаю.

— Кого это волнует! — Ударяет миниатюрным кулачком по своему колену. — Филин тебя терпеть не может, он мне поверит!

Отступаю еще, пячусь. В груди клокочет и требует выхода истерический смех. Как сильно я ошибалась насчет Олуши, и как права была Сова...

Разворачиваюсь и почти бегом вылетаю из кухни. Благими намерениями выстлана дорога в ад, и я только что в этом убедилась.

* * *

На улице ветрено, а я все в том же тонком сарафане. Но не могу пойти к себе — все равно не усну. Эмоции требуют выхода.

Бегу в ночь привычной тропинкой, так быстро, как только могу. Спина завтра расплатится со мной сполна за дополнительную нагрузку, но это будет только завтра. Сейчас мне хочется бежать или плакать — плакать не стану.

Река шумит, разбрасывает холодные брызги, стоит приблизиться. Прыгаю в воду с разбега, не раздеваясь. Ледяная вода — то, что надо, повязку со спины я содрала еще утром.

Нырять и поднимаюсь на поверхность вновь. Снова и снова, раз за разом, пока мне наконец не удастся взять себя в руки.

«Я слишком многим желаю здесь смерти», — сказала вчера Олуша. И почему я не подумала, что в этом списке следую сразу за Момотом?

* * *

— Эмбер, можно с тобой поговорить?

Как раз отпиваю чай и чуть не захлебываюсь от неожиданности. Нет, не потому, что мать Ника обратилась ко мне, а оттого, каким серьезным тоном она это сделала.

— Конечно, — отвечаю, кое-как не расплескав чай и не уронив чашку.

У моего друга очень красивая мама — жгучая брюнетка с небесно-голубыми глазами. Сегодня она собрала волосы в высокую прическу, открыв длинную изящную шею, и надела платье под цвет глаз, подчеркивающее идеальную фигуру. Не знай я, кто она, ни за что бы не догадалась, сколько ей лет на самом деле.

Мы с ней сидим в креслах по обе стороны невысокого круглого столика из толстого стекла, на котором расставлены несколько плошек с джемом, вазочка с печеньем и три чашки

на блюдах. У Ника дома горячие напитки всегда подаются в чайной паре, что в первое время меня очень удивляло.

— Что у вас с моим сыном? — Взгляд женщины мечется от моего лица к выходу из комнаты и обратно. Верно, Ник сказал, что отлучится всего на минуту.

Мне становится неловко под этим взглядом.

Пожимаю плечом.

— Мы... друзья? — выходит с вопросительной интонацией.

Меня смущает сам вопрос, кажущийся совершенно нелепым. Мы с Ником дружим уже несколько лет, и его матери прекрасно известно о наших отношениях.

— Друзья? — Тонкие брови женщины чуть приподнимаются. Не удивленно — иронично. — И только?

Ясно. Расслабляюсь. Тоже решила, что у нас роман. Почему-то многие так считают: мужчина и женщина не могут быть не разлей вода, если между ними нет сексуальной связи. Бред.

— И только, — киваю на полном серьезе.

Мне становится даже весело. Не хочет ли она поинтересоваться, стоит ли у меня, как и положено в моем возрасте, противозачаточный имплантат?

Но мать Ника не интересуют методы контрацепции.

— Эмбер, пообещай мне, что так и останется.

Моргаю.

Мать Ника — женщина очень утонченная, воспитанная, при ней следовало бы вежливо сказать: «Простите, не совсем поняла, что вы имеете в виду». Однако теряюсь от неожиданности и брякаю первое, что приходит в голову:

— В смысле?

Собеседница едва заметно морщится.

— В прямом, — отрезает. Вроде бы мягко, но в то же время с нажимом. — Ник все больше увлекается тобой. Эмбер то, Эмбер то-то...

— Мы много времени проводим вместе. — Все еще не понимаю, хмурюсь.

— Вот именно! — с жаром выпаливает хозяйка дома, затем подается вперед, протягивает руки и берет мои ладони в свои. Мои ногти коротко острижены и не покрашены, как у мужчины, у нее — длинные, идеальной формы, с цветным покрытием. — Эмбер, девочка моя, я очень тебя люблю. Ты замечательная. Но я очень боюсь, что мой сын ошибется. Я хочу, чтобы он связал свою жизнь с девушкой из приличной семьи, чтобы...

Она не договаривает, потому что я вырываю свои руки и резко встаю. Ножки кресла со скрипом проезжают по паркету.

Приличная семья, вот оно что...

— А может, он сам решит, чего он хочет? — шиплю сквозь зубы.

Женщина тоже поднимается на ноги, не забыв одернуть задравшийся подол платья — утонченная леди в каждом жесте.

— Эмбер, не обижайся, пожалуйста. Это генетика, с этим ничего не поделаешь. Твои родители...

Она снова не договаривает, но на этот раз не моими усилиями. Видимо, доходит, что зашла слишком далеко.

Кусаю губы, на глазах выступают злые слезы, пытаюсь незаметно сморгнуть их, но не получается. Ни черта у меня не получается.

Лучший курсант потока... Этим ты гордилась, дура?

— Эмбер, ты же умная девочка, сама все понимаешь, — продолжает увещевать мать моего лучшего друга. — Пообещай мне, и я успокоюсь. Если между вами ничего нет, это обещание ничего тебе не будет стоить.

В глазах женщины мольба и бесконечная любовь к сыну.

— Пообещай, пожалуйста. — Снова пытается взять меня за руку.

Тошно.

— Обещаю. — Резким движением вырываю кисть и бросаюсь к выходу.

Будучи уже у самой двери, слышу быстрые шаги по лестнице со второго этажа.

— Эм, ты куда?

Не оборачиваюсь.

— Янтарная!

Распахиваю дверь.

— Мам, вы что, поссорились?..

Дальше не слушаю — дверь захлопывается за моей спиной...

Холодная, кажущаяся в темноте черной вода в очередной раз смыкается над моей головой, а затем выпускает обратно.

Триггер. Снова.

Ощущение невыплаканных слез в горле.

Горечь во рту.

Глава 10

Стоит выбраться на берег, как сразу же начинают стучать зубы. Ветер бьет по мокрой коже как плеть.

После жаркого дня — холодная ветреная ночь. Вчера же духота стояла круглые сутки. В этом вся Пандора: загадка — никто не знает, как поведет себя планета через несколько часов.

Река сегодня шумит особенно громко, с ревом несется по руслу, разбрасывая в разные стороны ледяные брызги, словно иглы, впивающиеся в кожу. Отхожу подальше, выжимаю волосы.

Спина почти не болит, холод — неплохая анестезия. Зато тело бьет крупная дрожь, и зуб на зуб не попадает.

— Если бы я знал, что тебе вздумается поплавать, прихватил бы с собой полотенце!

Едва не приседаю от неожиданности. Ветер и шум воды полностью заглушили другие звуки, и я не услышала ни шагов, ни треска потревоженных веток.

— Что ты здесь... делаешь? — задаю вопрос, кое-как справляясь со стуком зубов; холод парализует. Крепко обнимаю себя руками, но руки тоже ледяные, и теплее от такой защиты не становится.

— Ты же хотела поговорить. — Фигура Пересмешника отделяется от кустов, растущих на берегу плотной стеной. Пожалуй, если бы он сам сперва не подал голос, я не узнала бы его в темноте.

Поговорить... Хмыкаю себе под нос. Поговорить я хотела после ужина. В бараке, полном других людей, или хотя бы поблизости. В помещении, либо на освещенной территории, а не среди ночи и в темноте.

Не думаю, что кто-то из жителей Птицефермы бросился бы мне на помощь в случае беды, но, по крайней мере, заметили бы, если бы что-то произошло. А здесь и сейчас... У меня нет никакого оружия. Поблизости ни одной крупной палки или ветви, под ногами мелкие камушки — ни единого булыжника. Что я сделаю с ним голыми руками, если он решит напасть?

Я и сама почти что голая.

Все эти мысли вереницей проносятся в голове, пока я стою и смотрю прямо перед собой — на темную высокую фигуру человека, тоже остановившегося и пока не предпринимающего попыток приблизиться.

Пересмешник не выглядит опасным, ведет себя не вызывающе — напротив, дружелюбно, — но нельзя забывать о месте, где мы находимся. Больше нельзя. Олуша тоже казалась мне безобидной.

Неловко переступаю с ноги на ногу, поскальзываюсь и чуть не падаю, но меня ловят теплые руки. Я так замерзла, что они кажутся раскаленными.

Ну и быстрая же у него реакция. Но об этом думаю уже после. Потому как, едва восстановив равновесие, отшатываюсь. Одно дело — обниматься на глазах у всей Птицефермы, чтобы избежать казни, и совсем другое — здесь, наедине, в темноте.

Вопреки моим ожиданиям, Пересмешник не настаивает на дальнейшем физическом контакте, наоборот, поднимает руки, то ли сдаваясь, то ли пытаясь продемонстрировать, что не опасен.

— Ты вся дрожишь, — комментирует.

Знаю. А еще я на ощупь как ледышка.

— Я в курсе, — буркаю сквозь стучащие зубы. Скорей бы в тепло, но до лагеря еще идти и идти. — Зачем ты сказал, что был со мной в ночь убийства Чижа? — спрашиваю в лоб. Хочу поскорее разойтись, но и упустить возможность задать свой вопрос не могу.

Пауза. Молчание. Хотела бы я видеть в этот момент его лицо. Однако слишком темно: различаю лишь силуэт и блеск глаз.

— Тебя бы повесили, — отвечает наконец. — По-моему, все очевидно.

— Может, это было заслуженно, — огрызаюсь. То, что на сто процентов знать о моей невинности может только один человек — настоящий убийца, — не дает мне покоя.

Пересмешник усмехается. Не весело, а скорее издевательски.

— В прыжке била? — интересуется. Ясно, или сам приложил руку к убийству, или тоже заметил угол, под которым был нанесен жертве удар.

Дергаю плечом и только потом понимаю, что, возможно, собеседник не рассмотрит в темноте моего жеста.

— Это ты его? — Не рассчитываю на чистосердечное признание, но, может, мне удастся прочесть между строк? Не каждый день человека обвиняют в убийстве.

— Не я. — По тону и короткому ответу можно прочесть... ничего.

А Пересмешник зачем-то делает шаг назад и стаскивает через голову футболку.

Не шевелюсь, хотя и напряжена как натянутая струна. Если я поторопилась с выводами, раньше времени решив, что новичок не станет нападать, что ж, я готова сопротивляться.

Но тот не делает попыток приблизиться. Протягивает мне свою вещь на вытянутой руке.

— Переоденься, — говорит, — пока не подхватила воспаление легких.

С моего мокрого платья срываются ледяные капли, стекают по икрам к босым ступням; ветер продувает насквозь. Пересмешник прав: мне не помешала бы сухая одежда. Но не его же!

Новенький по-своему понимает заминку.

— Она чистая. — Так и стоит с вытянутой рукой. — Я надел ее перед выходом из барака.

Усмехаюсь про себя: вряд ли после Пингвина меня можно напугать грязной одеждой или нематым мужским телом.

Разумом понимаю, что снова принимать помощь от одного и того же человека, чьи мотивы мне по-прежнему непонятны, неправильно. С другой стороны — да пошло оно все.

— Верю, — бормочу и забираю футболку.

Сначала хочу сказать, чтобы отвернулся, но потом решаю, что больше того, что уже видел, Пересмешник не разглядит. Поэтому просто сбрасываю с плеч лямки сарафана и спускаю его вниз. Снимаю через ноги, а не через верх — не хочу выпускать из поля зрения стоящего неподалеку мужчину ни на секунду.

Футболка и правда чистая, до хруста хлопковой ткани. Видимо, она досталась ему из партии новых вещей от Тюремщиков, потому что не пахнет ни мылом, ни сыростью, как пахнет почти все на Пандоре. Вообще ничем не пахнет, только свежей тканью.

С удовольствием опускаю по телу сухую вещь. Пересмешник крупнее и выше меня, так что короткие рукава доходят мне почти до локтя, а длина выходит до середины бедра (Кайра и платья-то носит короче). Сразу становится теплее.

— Спасибо, — бормочу, чувствуя, как кровь приливает к лицу, и радуясь, что собеседник не может этого заметить.

— Я не убивал этого парня, — вновь заговаривает Пересмешник так неожиданно, что вздрагиваю. — Я и имя узнал только после его смерти.

— Но ты улизнул с праздника, иначе не смог бы стать моим алиби.

— Вышел прогуляться.

Ясно. Не скажет. А у меня нет ни единого рычага давления. Да и моральных прав что-то требовать тоже нет. Пусть разбирается Филин. Или Кайра. Впрочем, той нужно от Пересмешника теперь кое-что другое, а не ответы.

— Пошли. — Нырью ступнями в оставленные на берегу ботинки и поднимаю с земли свой сарафан. Выжимаю, не переставая боковым зрением следить за темной фигурой слева от себя. Не могу, не верю в бескорыстность. — Замерзнешь, — нахожу причину своей спешки

в лагерь, хотя ветер стихает так же резко, как и поднялся — тут так всегда, — и становится теплее. А может, мне просто тепло и уютно в чужой футболке?

— Звучит заботливо, — комментирует Пересмешник.

Звучит по-идиотски, но не скажу же я в лоб, что мне неловко находиться здесь с ним наедине. У меня уже все мышцы сводит от напряжения, потому как не знаю, чего от этого человека ждать — нападения или очередной помощи. Я и за оказанную ранее теперь по гроб жизни не расплачусь.

— Пойдем, — повторяю, игнорируя неудачную шутку. Если это была шутка.

Делаю шаг в сторону тропинки, Пересмешник — два широких (все еще слежу за каждым его движением).

— Подожди.

— Чего? — Тем не менее останавливаюсь. Ветра уже почти совсем нет, только река все шумит, гонит воду.

Мужчина подходит еще ближе, но остается на расстоянии. Хорошо.

— Эти испытания через четыре дня...

А вот мы и подошли к вопросу о стоимости его услуг.

— ...Мне объяснили правила.

Зачем заходить так издалека? Все ведь теперь очевидно. А я-то думала...

У меня вырывается грустная усмешка.

— Простые правила, — говорю. — На Птицеферме десять женщин, одна из них в преклонном возрасте. Мужчин теперь двадцать шесть. Поединки один на один. Победитель дерется со следующим. И так до конца, пока не остается один. Он выбирает себе женщину первым. Затем остальные — поочередно, по числу побед. В итоге девять победителей обзаводятся парами. Женщин не спрашивают. Все просто.

— Я так и понял.

Мне показалось или собеседник поморщился?

— Поэтому говорю заранее: я намерен победить и выбрать тебя.

Я была готова к этому заявлению с начала темы, но все равно надеялась, что ошиблась. Чем ему не угодил Кайра? Или, может, она уже провела проверку после ужина, как с Зябликом, и дала ему от ворот поворот? А это предложение мне — жест отчаяния?

— Ты не победишь, — возражаю уверенно. — Момот всегда побеждает.

В прошлый раз у него была сломана рука и он не участвовал, но обычно у Момота нет конкурентов. А бьет он так, что его соперники выбывают из борьбы насовсем. А еще Ворон, Ибис, Сапсан, Дрозд, Дергач, Канюк, Клест, Чекан и Осоед — отличные бойцы. Не решаясь бросить вызов Момоту и не претендуя на первенство, они будут биться между собой.

К моему удивлению, Пересмешник не спорит, не пытается убеждать, что уложит великана Момота одним мизинцем.

— Пусть побеждает, — отвечает спокойно. — Сама же сказала: девять призовых мест.

— Пингвин намерен меня вернуть.

— Это вряд ли. Он бьет как девчонка.

А я-то думала, пустой бравады не будет.

— Тебе-то откуда знать? — интересуюсь с издевкой.

Пересмешник прав, Пингвин — так себе боец. Он тяжелый и крупный, если повалит противника — победит, но сам неповоротлив, и удар у него плохо поставлен, нижняя часть тела как деревянная.

Мужчина усмехается, пожимает плечом.

— Нарывался сегодня...

Видю, как потирает челюсть. Он что, серьезно?

— ...Так себе удар.

А я недооценила новичка. Пока другие бьют себя кулаком в грудь и обещают своим женщинам, что выиграют право находиться с ними рядом и дальше, он прощупывает почву, изучает противников.

Что ж, вынуждена признать, если он сам неплохой боец, у него есть все шансы получить меня в качестве приза — никто, кроме Пингвина, на меня не позарится. Все знают, что я «проблемная», а благодаря Пингвину известно еще и то, что в постели навязанный мне мужчина может получить от меня разве что покорность.

— Я «бревно», помнишь? — предупреждаю. Не злюсь, не угрожаю, просто констатирую факт.

Но мужчина только отмахивается:

— Разберемся.

Настолько уверен в своей неотразимости?

Он и правда привлекателен, даже для меня, обычно не обращающей на окружающих мужчин внимания. Однако отсутствие выбора убивает... все.

На самом деле, раньше я даже подозревала себя во врожденной фригидности. Но то видение о ночи с Ником... Меня даже сейчас бросает в жар от одного воспоминания.

— Делай как знаешь, — огрызаюсь и разворачиваюсь, чтобы уйти.

Пустой разговор. Победит — значит, получит. Испытания в круге — только для мужчин, и там у них есть хотя бы шанс одержать победу. Испытания для женщин начнутся позже, когда их раздадут, как наградные кубки, победителям, и им придется молча с этим жить. Выбора нет. Выхода, если хочешь жить, тоже нет.

Меня переполняет злость и отчаяние, как и всегда, когда начинаю думать о своей беспомощности и невозможности что-то изменить. Не хочу. Ненавижу это чувство. Поэтому силой воли пытаюсь вернуться к мыслям о Нике. Кем бы он ни был для меня в той прошлой жизни, сейчас — он ниточка, способная удержать меня от безумия.

Делаю два стремительных шага к тропинке. Третий — и я на ней... Но не успеваю.

Меня обхватывают длинными крепкими руками сзади, прижимают к себе. Спина на мгновение вспыхивает болью, но та быстро отступает. А вот в моем сознании полный диссонанс: прошлое и настоящее снова накладывается друг на друга, и на какой-то миг мне кажется, что это Ник — соответствие полное: примерно тот же рост, то же телосложение, та же дурацкая манера подходить сзади...

А когда я осознаю, кто я, где и с кем, меня, приподняв, тащат к стене кустов, туда, где непроглядная тьма. Ни за что!

Уже заносу руку, чтобы ударить острым локтем напавшего в живот, как слышу на выдохе в самое ухо:

— Тихо, слышат.

Кто?

Первая реакция: таки ударить и не поддаваться на отвлекающий маневр. Вторая, более верная: переждать — если никто не появится в ближайшие пару секунд, можно бить.

Не расслабляюсь ни на мгновение, но и не сопротивляюсь. Мы уже у кустов, сливаемся с ними во тьме и действительно становимся невидимыми для тех, кто решит пройти мимо. Однако уже глубокая ночь, кому взбредет в голову идти к реке в это время?

Хруст ветки. Громкий, настолько близко, что его не заглушает шум реки. Потом еще.

Напрягаюсь сильнее. Хотя, казалось бы, куда больше? Во все еще держащих меня руках Пересмешника тоже чувствуется напряжение, я крепко прижата спиной к его голой груди.

А потом тьму разрезает свет фонаря. Фонаря! Настоящего, а не местного на солнечной батарее. Дыхание перехватывает.

Двое мужчин в темной одежде. Тюремщики? Нет, свет от фонарика идущего вторым позволяет разглядеть первого — другая униформа, тоже черная, но не имеющая ничего общего с форменной одеждой Тюремщиков.

Луч света выхватывает мой сарафан — выронила его от неожиданности. Мокрый, скотанный, он лежит прямо по ходу движения незнакомцев, выделяется бледно-желтым пятном на темной земле.

Сейчас они заметят его и начнут светить вокруг, высматривая хозяина вещи. Сейчас...

Кровь стучит в ушах. У них оружие в кобуре на поясе (что-то короткоствольное), а у нас — даже футболка одна на двоих.

Грубый ботинок на толстой подошве наступает прямо на желтую ткань. Второй — следом идущего. Тряпка, вынесенная рекой на берег, — так они воспринимают брошенный сарафан и не обращают на него внимания. Оба.

Выдыхаю с облегчением. Чувствую, как рука Пересмешника на моем плече тоже расслабляется.

Несколько минут стоим не шевелясь и дыша через раз. Вокруг темно, свет фонарей давно исчез.

— Ушли, — тем не менее шепотом объявляет Пересмешник и разжимает «оковы». Резко отстраняюсь от него, отступаю и поворачиваюсь лицом. — Я поздно их услышал и не успел бы тебя предупредить по-другому... — озвучивает тот нечто вроде извинения.

Но сейчас мне наплевать на то, как он поступил.

— Кто это? — перебиваю.

— Не знаю.

Нет, так не пойдет. Не верю, ни капельки не верю.

— Ты не удивился, — припечатываю.

Здесь, у кустов, совсем темно, я даже местонахождение собеседника могу угадать только по звуку его голоса. Часто моргаю, вглядываясь во тьму, но толку от этого мало.

— Скажи мне, — шиплю.

Сердце все еще с грохотом бьется о грудную клетку. Люди. Здесь, на Пандоре. Не заключенные. На поверхности планеты, на которой якобы не бывает никого, кроме осужденных. И, черт их всех раздери, это не Тюремщики.

Пересмешник молчит.

Темнота.

Протягиваю вперед руку, чтобы убедиться, что он никуда не ушел. Черт, Пересмешник оказывается слишком близко — моя ладонь касается его обнаженной груди. Торопливо отдергиваю руку, словно обжегшись.

— Не скажешь. — Это больше не вопрос.

Кусаю губы, снова чувствуя себя беспомощной. Ему что-то известно, но я никак не смогу добиться от него правды.

— Я в самом деле не знаю, кто они, — отвечает Пересмешник. — Но подозреваю, это те, кто убил Чижа.

Резко вскидываю голову. Хочу увидеть его лицо, убедиться, что не врет. Но перед глазами — темнота.

— Ты их видел? — выдыхаю.

— Только издали. А Чиж, вероятно, столкнулся нос к носу.

И они убили свидетеля. Молотком. Чтобы никто не догадался о присутствии третьей силы на Пандоре. Все сходится.

Отступаю, запускаю руку во все еще мокрые волосы и пытаюсь осмыслить произошедшее.

Все ложь, вокруг — ложь. Планета все еще используется. Бог знает кем и зачем, но мы здесь не одни — это главное.

— Мы должны выяснить, кто эти люди!.. — с жаром выпаливаю в ту сторону, где стоит собеседник, и осекаюсь, понимая, как нелепо звучит это «мы».

Но Пересмешник не спорит.

— Выясним, — отвечает серьезно. — Пойдем в лагерь. Мне утром, между прочим, на рудник, — заканчивает почти весело.

Еле сдерживаю поднимающуюся во мне волну истерического смеха.

— А мне — в огород, — отвечаю ему в тон и, чтобы не рассмеяться, зажимаю себе рот ладонью.

— Платье не забудь.

Верно. Только по моему сарафану потоптались на славу.

— Сейчас сполосну, — отзываюсь через плечо, уже направляясь туда, где на земле выделяется нечто скомканное и светлое.

— Стирай, я подожду, — раздается в ответ.

Не оборачиваюсь.

Глава 11

Проснувшись утром совершенно разбитой и не выспавшейся, пару минут раздумываю, не приснились ли мне незнакомцы с фонарями. Ведь это слишком неправдоподобно, чтобы быть на самом деле.

А потом опускаю взгляд и обнаруживаю на себе чужую футболку. Темно-серая, хлопчатобумажная и бесконечно уютная.

Провожу рукой по мягкой, приятной на ощупь ткани. Зачем Пересмешник отдал ее мне? И почему мне так не хочется возвращать ее обратно?

Глупо. На Птицеферме ни у кого нет излишка вещей, тем более у новичка — нужно вернуть.

Со стоном сажусь на кровати. Тру лицо ладонями, затем повожу плечами — не болит.

Должно быть, сегодня Сова снимет швы, она вчера обещала. Вроде бы ей пришлось наложить всего два: один на лопатке, другой — у талии. Провожу подушечками пальцев по изогнутому шву — новому шраму, — ничего, короткий, лишь слегка выпуклый. О месте нахождения второго могу лишь догадываться — не дотянуться.

А мои мысли вновь возвращают меня назад во времени — в прошлую ночь у реки.

Если были Пересмешник, его футболка на мне и наш с ним разговор, значит, наяву были и те люди. Кто они, как попали сюда и чем здесь занимаются? И главное: как покидают планету? Ведь покидают же? Должны...

Что, если отсюда можно выбраться?

Эта мысль опалает своим безумием, и я спешу поскорее задвинуть ее поглубже, в самые тайные уголки своего сознания. Надеяться на чудо глупо, но, пока не выясню, кто эти люди в черном и что им здесь нужно, не успокоюсь.

Думал ли Пересмешник о том же, когда увидел их? И почему ничего никому не сказал? Предпочел изобразить связь со мной, нежели предоставить настоящих подозреваемых в убийстве Чижа? Рассудил, что ему никто не поверит, или знает больше, чем говорит?

Одни вопросы, и ни единого ответа.

Вчера Пересмешник и правда дождался, пока я постираю сарафан. Стоял в отдалении и молчал, просто ждал, когда закончу. А потом мы вместе вернулись в лагерь. И снова молча.

Я была слишком шокирована произошедшим. А он... Нет, не могу отделаться от мысли, что ему известно больше, чем пытается показать. Но откуда?

Опять вопросы и предположения. С этим нужно кончать и возвращаться в реальность.

Наскоро переодеваюсь в платье, бережно сворачиваю футболку и оставляю на стуле.

Как только появится время, нужно будет постирать ее, высушить и вернуть. Надеюсь, у Пересмешника еще осталась сменная одежда.

* * *

Сегодня не моя очередь готовить, поэтому прихожу в столовую вместе со всеми.

На раздаче — Олуша и Рисовка. Две наши тихони, как я раньше думала. Но Олуша не тихоня — она хорошая актриса. Вон сейчас смотрит под ноги с видом невинной овечки.

Присматриваюсь: новых синяков вроде нет.

— Привет.

Вздрагиваю от неожиданности.

Точно видела, что Пересмешник заходил в столовую в тот момент, когда я только вырлила из-за угла коридора. Выходит, дожидался меня в дверях.

Насчет сменной одежды я угадала: на нем новая черная футболка. Значит, Филин был щедр к новичку и выделил ему несколько комплектов.

Это хорошо, было бы неловко, если бы из-за меня Пересмешник явился на завтрак голым.
— Привет, — отвечаю тихо.

Тем не менее замечаю, что на нас направлены взгляды нескольких пар глаз тех, кто уже успел рассесться за столами. Одна из наблюдателей — Чайка, кто бы сомневался.

А Пересмешник, никого не стесняясь или, наоборот, играя на публику, вдруг притягивает меня к себе. Касается рукой моих волос, убирая их от лица.

На этот раз не дергаюсь. Уже поняла, что все, связанное с этим человеком, не то, чем кажется.

Уверена, со стороны выглядит так, будто он целует меня. На самом же деле шепчет на ухо:
— Никому ни слова о вчерашнем, — лукаво подмигивает и отпускает.

Выдавливаю из себя улыбку. Кто знает, насколько фальшивую, но я стараюсь.

Лицо Кайры, только что устроившейся рядом со своей подругой Чайкой, краснеет и идет белыми пятнами. Кажется, я поспешила с выводами, решив, что она дала Пересмешнику от ворот поворот. Очевидно, что девушка все еще в нем заинтересована.

— Из-за тебя мне светит новая драка, — шиплю, когда Пересмешник увлекает меня за собой к столам.

Он удивленно приподнимает брови, буквально к волосам. Те у него сегодня не собраны в хвост, и пара прядей падает на лоб. Как ни странно, ему снова идет.

Молча кошусь в сторону Чайки и Кайры, прильнувших друг к другу и активно перешептывающихся, зыкая в нашу сторону. Поджимаю губы. Только ревнивой Кайры мне не хватало.

— А-а-а. — Пересмешник прослеживает направление моего взгляда и усмехается. — Тебе же не нравилось, что испытания только для мужчин, — подначивает.

— Да, — шепчу в ответ, — только мужчин за них награждают, а мне снова висеть на ветке.

Кажется, понял. Взгляд становится серьезным, но губы все еще улыбаются. Запуталась: что правда, а что напоказ?

— Она к тебе не полезет, — обещает, как по мне, то, на что совершенно не имеет влияния. — О! Вон за тем столом два места свободны. — Нагло хватается меня за запястье и тянет за собой.

— Мы теперь всегда будем сидеть вместе? — интересуюсь вполголоса.

Нам уже поверили, меня оправдали по обвинению в убийстве, так что можно остановиться и перестать мозолить всем глаза.

— Еще как будем, — обещает Пересмешник с какой-то долей мстительности в голосе. — Мне на прошлом ужине не понравилось вынимать чужую грудь из своей тарелки. В столовой я предпочитаю есть.

От такого заявления даже сбиваюсь с шага. Бедная Кайра, а так старалась.

— Это было грубо, — бурчу.

— Угу, — с готовностью подтверждает. — Подстраиваюсь под местность.

Зачем я вообще с ним говорю? Золотое правило: меньше говоришь — дольше живешь.

Упрямо поджимаю губы, давая понять, что общение закончено. Тем не менее руку не вырываю и позволяю довести себя до стола.

Змечаю пристальный взгляд Пингвина. Злой, многообещающий и при этом немного обиженный.

* * *

Сегодня снова жарко и душно. Ботва моркови склонилась до самой земли, жалостливо раскидав листочки в разные стороны, и будто бы шепчет: «Воды, воды-ы-ы...»

Вчерашний ветер так и не пригнал дождевые тучи. В последний раз дождь был в ночь смерти Чижа. Сколько? Пять дней назад. Но этого хватило, чтобы почва вновь пересохла.

На небе ни облачка. Хорошо хоть дождь успел наполнить бочки, специально для этих целей установленные во дворе под водостоками с крыш, иначе пришлось бы возить воду на тачке с реки.

Иду между грядок с ведром в одной руке и с ковшом — в другой. Где-то пропалываю сорняки, где-то поливаю овощи. Жара давит на голову. Стараюсь работать монотонно и думать поменьше.

Но, видимо, не думать я в принципе не умею, потому что снова и снова прокручиваю в голове все то, что узнала за последние дни: о себе, о Нике и о том, что на Пандоре есть люди, занимающиеся бог весть чем.

А еще думаю о Пересмешнике. Зачем я ему сдалась? Почему прикрывается мной от внимания Кайры? Ведь любой другой мужчина Птицефермы прыгает от восторга, когда рыжеволосая красавица со свекольными губами обращает на него внимание.

Рисовка, Олуша, Майна и Фифи трудятся на соседних грядках, Сова с сосредоточенным видом прохаживается от одной работницы к другой, контролируя. Сама она уже обработала ту часть огорода, которую выделила для себя на сегодня, и теперь поторапливает остальных.

А вот и мой черед.

— Спина-то гнется? — спрашивает, подходя. Кряхтит, перебираясь через канаву.

Инстинкты подсказывают подать руку пожилой женщине. Но опыт заставляет стоять и не шевелиться: для Совы рука помощи — оскорбление.

— Нормально, — отмахиваюсь. Спина и правда не болит, чешется — это да. — Швы снимешь?

Сова кладет клюку между грядок на манер мостика и с кряхтением садится на нее, смотрит на меня с прищуром.

— Там делов-то. Пусть любовник твой снимет.

Я бы и сама сняла. С талии, может, и получится, а до лопатки не дотянусь.

— Ты-то прекрасно знаешь, что он мне не любовник, — огрызаюсь.

— Погромче крикни, — отвечает Сова мне в тон, — глядишь, Филин передумает и таки вздернет тебя на ближайшем суку.

Что верно, то верно. Филин не упустит шанса убрать меня с глаз долой. Я и так уже набила ему оскомину.

Выливаю на чахлую морковь последний ковш и выпрямляюсь, смахиваю со лба пот.

— Это ты надоумила Пересмешника выгородить меня? — спрашиваю прямо.

Не приди Сова тогда ко мне сама и не заведи она разговор о фальшивом алиби, я бы смолчала.

— Вот еще. — Женщина нервно дергает плечом. — С темными лошадками я не связываюсь. — Тоже верно, на тот момент Пересмешник пробыл на Птицеферме всего один день. — Сам услышал, как я намекала Пингвину, что было бы неплохо, если бы нашелся кто-то, кто признался бы, что видел или был с тобой той ночью. А Пингвин мычал в ответ о том, как жаль, что он проспал большую часть праздника под столом.

— И Пересмешник пришел к тебе?

— И Пересмешник пришел ко мне, — подтверждает и замолкает.

Мне что, клещами из нее тащить каждое слово?

— И что сказал? — принимаю правила игры.

— Спросил.

Снова пауза.

— Что спросил?

Сова пожимает плечами, устремляет взгляд куда-то вдаль, будто ей и смотреть на меня скучно, а начатый мной разговор безумно утомляет.

— Спасет ли тебя, если он скажет, что вы были вместе.

— И что ты сказала?

— Что спасет. Главное, чтобы вел себя поправдоподобнее.

— И Филин ему сразу поверил? — не отстаю.

Ставлю ведро на землю и опускаюсь на корточки рядом с Совой, чтобы наши лица были на одном уровне.

Женщина на мгновение отрывает глаза от линии горизонта, одаривает меня снисходительным взглядом и вновь устремляет их вдаль.

— Пытал, расспрашивал часа два. Потом поверил. Упорный малый этот Пересмешник.

Упорный, это и странно. Рисковать своей шеей и лгать Главе поселения ради незнакомки — более чем странно.

— Ясно, — буркаю и поднимаюсь в полный рост.

Ничего нового я не узнала, но что-то разложилось по полочкам. Нужно подумать.

— Смирись, — скрипит Сова, вынуждая вновь повернуться к ней. — Смирись. Хватит желать большего.

При словах о большем я тут же вспоминаю полет прекрасного катера. И почему-то Ника. Дергаю плечом, давая понять, что это мое дело, чего и сколько желать. Отворачиваюсь.

— Бери мужика, пока он в тебе заинтересован, и держи его. Чего тебе еще надо? Не садист, не урод, печется о тебе.

Действительно, не урод. И вроде бы не садист. Чего еще желать, не так ли?

— В смысле — печется? — резко поворачиваюсь к пожилой женщине. Щурюсь и подставляю ладонь козырьком ко лбу, так как солнце за спиной Совы слепит глаза.

Та усмехается.

— Так пять раз приходил, пока ты валялась без сознания. Что ты, как ты... Залип он на тебя. Хватай и держи, пока Кайра не перехватила. Будешь как за каменной стеной.

Удивленно приподнимаю брови, услышав такое сравнение. В моем понимании, со стеной можно сравнить разве что Момота, мощного и непробиваемого.

— Слушай, что советуют, коль не совсем дура, — отрезает Сова, поглаживает больное колено и больше не смотрит в мою сторону.

— Майна, а ну, не халтурь! — кричит, заметив, что та присела отдохнуть, не закончив работу с выделенным ей участком.

Воспринимаю это как сигнал, что разговор окончен. Подхватываю ведро.

* * *

— Что говорила тебе эта старая дура? — Кайра налетает на меня в коридоре барака, практически впечатывая в стену своей вздыбленной грудью.

— Отвали, — отталкиваю в плечо.

Сова советует смириться. С чем смириться? С таким отношением к себе? Когда меня прижимают к стенке, мириться с этим я не стану, и все тут.

А вот то, что кто-то донес рыжей, что мы о чем-то шептались на огороде с Совой, уже интересно. Насколько мне известно, никто из тех, кто там был, не входит в близкий круг общения Кайры. Может, Олуша? Или я просто теперь приписываю той все возможные грехи?

Как ни странно, Кайра отскакивает от меня, как легкий мячик — быстро и пружинисто.

— Помяни мое слово, он будет моим, — грозит указательным пальцем.

— Забирай, — огрызаюсь.

Но Кайре плевать на мой ответ, она пришла высказаться.

— И даже не приближайся к нему. — Гордо вскидывает подбородок. — Поняла?

Глаза девушки горят, грудь тяжело вздымается. Ей правда не все равно — она намерена получить желаемое, чего бы ей это ни стоило.

Все бы ничего, но со дня смерти ее предыдущего «любимого», над телом которого она убивалась, не прошло и недели.

— Поняла, — заверяю.

Жаль, что сама Кайра до сих пор не поняла, что мне наплевать на ее угрозы.

* * *

— Швы у меня со спины снимешь? — огорошиваю Пересмешника, когда он снова подкарауливает меня у входа в столовую.

Молчание, приподнятые брови — кажется, я его шокировала. Но выбор у меня невелик: Сова ясно дала понять, что не станет со мной возиться, а просить кого-то другого — опять быть кому-то должной. Пересмешнику я уже должна так, что не расплатиться, поэтому уже без разницы.

Прямо смотрю в ответ, давая понять, что не шучу.

Пожимает плечом.

— Без проблем.

— Тогда после ужина?

— Давай через час после ужина. — А сам смотрит в сторону Кайры.

Ни черта не понимаю: то бежит от нее, то сам ищет взглядом. Брачные игры у них такие, что ли? А мне зачем сказал, что собирается получить меня в пару? Может, надеялся, что я болтуня, вроде Чайки, растреплю всем в округе и заставлю Кайру ревновать? Но бог ты мой, чтобы вызвать ревность Кайры, достаточно просто дышать — повод девушка найдет сама.

— Свидание? — уточняю издевательски, намеренно используя то же слово, что и Пересмешник в прошлый раз, — совершенно неуместное здесь.

Тот усмехается.

— Скорее, приватная беседа. — Подмигивает. — В час уложусь.

Пингвин укладывается в две минуты...

Видимо, эти мысли слишком красноречиво отражаются на моем лице. Пересмешник толкает меня в плечо своим плечом, смеется.

— Это не то, о чем ты подумала.

Закатываю глаза:

— Уволь меня от подробностей.

Отворачиваюсь и спешу к столу.

Нет, в отличие от Кайры я не ревную. Просто не люблю чего-то не понимать.

А сейчас я не понимаю.

* * *

«В час уложусь», — сказал Пересмешник.

Но не появляется ни через час, ни через два.

Пытаюсь снять нижний шов сама, но мне так и не удастся ухватить пальцами узелок. Всплывает мысль пойти к Сове и попросить ее помочь повторно. Но Сова — крепкий орешек: если она отказала раз, то не согласится и в другой.

Лучше лечь спать, попрошу завтра Рисовку или Майну. У меня с ними не было конфликтов, так что не должны отказать — это несложно.

Футболку Пересмешника я так и не постирала. После ужина было время, можно было вновь сходить к реке или позаимствовать немного дождевой воды из бочек, но я отчего-то не сделала ни того ни другого.

Вместо этого снова бессовестно напяливаю чужую вещь и ложусь спать в ней.

Завтра обязательно постираю и верну...

Глава 12

Мне снится Чиж с пробитой моим молотком головой.

Он шатается, словно зомби из третьесортного кино, вытягивает вперед руки, а по его обнаженному, отчего-то светящемуся в темноте торсу стекают багровые струйки крови. Зомби Чиж шагает ко мне, скаля короткие, широкие, по форме напоминающие полотно грунтовой лопаты зубы; рычит и пытается схватить.

Отступаю спиной вперед. Распущенные волосы треплет ветер, бьет меня ими по лицу. Подол платья путается между ног.

Головой понимаю, что восставшего монстра нужно умертвить повторно — или добить, — но меня парализует от ужаса. Все, на что я в данный момент способна, это двигаться задом наперед и смотреть в широко распахнутые чернильные глаза без белков в глазных яблоках и без век.

— Ээээмбееееер, — шипит, как змея, мертвый Чиж.

Оступаю на мокрой глине, падаю. А зомби наваливается сверху, клацает зубами. Тянется к шее...

Резко распахиваю глаза: рассвет. Сердце еще бешено колотится, но надо мной привычный потолок из серого пластика; плохо заделанная трещина в углу.

Сон, всего лишь сон.

Едва ли не впервые за время пребывания на Птицеферме я рада вернуться в реальность.

Выдыхаю с облегчением и остаюсь лежать, пока сердцебиение не выравнивается. Часов у нас нет, но, судя по сероватой дымке за окном и пробивающимся сквозь нее лучам солнца, еще слишком рано. Готовить завтрак сегодня мне не нужно, так что вполне можно потянуть время и подождать, пока проснутся остальные.

Можно было бы сбегать к реке и выстирать наконец чужую футболку, чтобы вернуть ее владельцу. Но отдавать эту вещь мне не хочется еще сильнее, чем вставать. Она такая удобная...

Вздрагиваю от стука в дверь. Сердце опять ускоряет бег. Еще слишком рано. Кому я могла понадобиться?

Стук негромкий, можно даже сказать, вежливый. Будто привлекают внимание, чтобы впустила, если не сплю, и в то же время не хотят разбудить, на случай если еще не проснулась.

Несмотря на то что Олуша недавно продемонстрировала мне свое истинное лицо, скромность у меня упорно ассоциируется именно с ней. Что ей могло снова от меня понадобиться, да еще и в такую рань?

Решаю, что не знаю и знать не хочу, — постучит и уйдет. Поворачиваюсь набок, подкладывая сложенные друг на друга ладони под щеку и бездумно смотрю на рассвет за окном. Ночной кошмар вымыл из моей головы все мысли, и мне даже нравится это утреннее ощущение пустоты — знаю ведь, это ненадолго. Поэтому просто наслаждаюсь.

Сова права, я всегда хочу большего...

Стук повторяется еще дважды, с перерывами секунд в тридцать. А затем наступает тишина. Ушла?

Вскакиваю с кровати и на цыпочках, чтобы не топтать, бегу к двери. Я почти уверена, что это была Олуша — а кто еще? — но тем не менее хочется убедиться, и желательно так, чтобы незваная гостья меня не заметила.

Тихонько приоткрываю дверь, чтобы та не заскрипела, выдав меня. Выглядываю.

...Или гость.

— Пересмешник! — окликаю громким шепотом.

Он уже в конце коридора. Останавливается, оборачивается.

Распахиваю дверь шире. Придерживаю ее рукой, стоя в дверном проеме. Жду, когда мужчина подойдет.

Запоздало спохватываюсь, что на мне его футболка, которую следовало вернуть еще вчера. Поджимаю губы — вот засада.

Пересмешник возвращается. Руки в карманах брюк, улыбается. Волосы он снова собрал в хвост, а сам выглядит настолько бодрым с утра, что мне это кажется противоестественным. Еще два часа до завтрака, после которого всем мужчинам идти до вечера на рудник — махать киркой, таскать тяжелые камни. А Пересмешник... улыбается и выглядит так, будто встал несколько часов назад.

— Тебе идет, — весело комментирует мужчина мой наряд, пробежав взглядом по моим голым ногам.

Мне хочется натянуть футболку до самых ступней.

— Я сегодня постираю ее и высушу, — бормочу. — Вечером верну.

— Если тебе нужна, то оставь, — отмахивается. Больше не пялится ни на ноги, ни на грудь, соски которой из-за утренней прохлады предательски торчат под тонкой тканью. Смотрит в глаза. — У меня есть еще парочка. Глава был щедр.

Заманчивое предложение... Но нет. Услуги, вещи — это лишнее, не нужно.

— Верну вечером, — отвечаю упрямо.

Пересмешник равнодушно пожимает плечом.

— Как хочешь. Ты вчера просила помочь тебе со швами, — продолжает. Зачем-то кладет ладонь на противоположный от петель край двери, буквально в нескольких сантиметрах от моих пальцев.

Бросаю взгляд на новое местоположение руки гостя, но и свою руку тоже не убираю. Только гадаю, а даст ли он мне теперь закрыть дверь, если я решу захлопнуть ее перед его носом.

— Просила, — не отрицаю.

Но это было вчера. Когда Пересмешник так и не появился, я поняла, что это была глупая просьба — адресованная уж точно не тому человеку.

Пересмешник прищуривается, глядя на меня и по-прежнему улыбаясь; чуть склоняет голову набок.

— Если вчера тебе никто так и не помог, я готов.

И за этим он встал ни свет ни заря? Чтобы выполнить свое обещание мне?

А потом я вдруг замечаю то, что не заметила сразу: несмотря бодрую на первый взгляд физиономию, чистые волосы и улыбку до ушей, у Пересмешника подозрительно блестят глаза. Такой блеск появляется, если человек выпьет спиртного или...

— Слушай, ты вообще сегодня спал? — выпаливаю.

— Не-а, — отмахивается. — Не успел. Ну так что, — усмехается, — нужна моя помощь? Отступаю и шире распахиваю дверь.

— Заходи.

* * *

— Нож есть?

— Там, на столе, — отвечаю, не оборачиваясь.

Сажусь на край кровати, лицом к окну, спиной к гостю, перекидываю несобранные с утра волосы через плечо вперед, чтобы не мешали.

— Ага. Нашел.

В моей комнате мужчина, от которого знать не знаю чего ожидать, а я сижу к нему спиной, да еще и вручаю в руки нож.

На Пандоре такая беспечность может стоить жизни, но отчего-то я не чувствую возможной опасности, исходящей от своего гостя. Потому что он уже несколько раз мне помог? Что это? Синдром брошенного щенка, который привязывается к первому, кто был к нему добр?

Привычно пытаюсь анализировать свои ощущения и поступки, но желания обернуться, чтобы проконтролировать действия почти что незнакомца, не возникает. Может, просто устала бояться собственной тени?

— Его бы продезинфицировать...

Было бы неплохо. И нож, и руки, и место наложения шва. А еще хорошо было бы использовать стерильные перчатки.

— Я его мыла, — отвечаю. — На стуле таз с водой и мыло рядом. Можешь помыть руки.

— Хм... Ладно.

Слышу шаги, затем бултыхание в воде.

— Не ляжешь? — спрашивает за моей спиной Пересмешник. Близо, значит, подошел к кровати.

Молча качаю головой.

В ответ на мой жест кровать прогибается и издает жалобный скрип — Пересмешник забирается на нее с другой стороны.

— Футболку задери.

Медлю, все еще думая о своей реакции и об отсутствии чувства опасности рядом с этим человеком.

— Ну же, — тот расценивает промедление по-своему, — я уже видел тебя без одежды.

Верно, с дерева-то снял и принес меня он. Впрочем, мне давно наплевать, кто меня видел и в каком виде.

Не снимаю футболку полностью: только вынимаю руки из рукавов, а затем перевешиваю вещь вперед, оголив спину и прикрыв грудь.

Пересмешник присвистывает.

— Сова точно была врачом? — комментирует увиденное.

Могу себе представить, что там.

Но мне почему-то смешно. Должно быть, потому, что это высказывание полностью соответствует моим собственным мыслям.

— Она так думает.

— И не швеей, это точно, — усмехается в ответ.

Мне становится интересно, что же женщина нашла на моей многострадальной спине. Я видела швы, которые Сова накладывала другим — кривые, неровные, — но в то же время признавала, что опыт у нее определенно есть. В современном мире никто давно не шьет раны иглами — для этого есть специальные приборы, максимально облегчающие процесс. И не думаю, что если бы я взялась за то же дело с такими же ресурсами, какие имеются в распоряжении Совы, то у меня вышло бы лучше.

— Делай уже, — нетерпеливо повожу плечами.

Мы слишком долго болтаем. И то, что мне это в какой-то мере даже нравится, заставляет вернуться к мыслям о щенке. Нет, не нужно всего этого.

Вздрагиваю, ощутив чужое дыхание за моей спиной. Очень близко.

— Расслабься.

Легко сказать. Я только что смеялась, а сейчас мне кажется, что чувствую напряжение в каждой клеточке своего тела.

— Расслабься, говорю.

Не получается. Снова вздрагиваю, когда моей спины в районе ключицы касаются теплые пальцы — очень осторожно. И нет, мне не неприятно.

— А ты, кстати, не должна была носить повязку все эти дни?

— Должна была, — пожимаю плечами.

— Не дергайся, — тут же шикает. — Хочешь, чтобы я наделал тебе новых дырок?

Мне почему-то опять становится смешно.

— Делай, — отвечаю сквозь еле сдерживаемый смех. — Сова зашьет.

— Ага, — откликается мне в тон. — Я уж лучше сам поизвращаюсь. Расслабься ты уже!

Глубоко вздыхаю и пытаюсь выполнить требование. Кажется, немного получается. Шутки шутками, но получить новый порез мне совершенно не хочется.

Процесс затягивается. Не больно, но неприятно. Нет никаких приспособлений, даже допотопного пинцета. Поэтому Пересмешник сперва подрезает стежки ножом, а затем осторожно вытягивает нити пальцами.

— Слушай, может, ты сам был врачом в прошлой жизни? — не сдерживаюсь. Уж слишком аккуратно и при этом уверенно он действует.

Смеется, но руки при этом не трясутся. Что только подкрепляет мое предположение.

— Это вряд ли.

— Почему?

— Ну, при виде твоей изуродованной спины у меня не возникло желания броситься ее лечить. Только свернуть Момоту шею.

Типичная мужская бравада.

Неужели он все еще рассчитывает выиграть меня на состязаниях и заранее пытается расположить к себе?

Вся штука в том, что я уже к нему расположена. Голой спиной.

— Что же не свернул? — подначиваю.

О да, я слишком много болтаю в последние дни.

— Не горбись. — Ладонь плашмя ложится на мой позвоночник, вынуждая выпрямиться. — Я не самоубийца, чтобы мешать приведению в исполнение приговора Главы в присутствии трех десятков людей, считающих, что Глава и его палач правы.

Палач — как точно сказано.

— Я пошутила, — решаю внести ясность. Не хватало еще, чтобы он подумал, будто я считаю, что он мне что-то должен. — Ты не смог бы меня защитить. И не должен был. Это мои проблемы.

— Разберемся, где чьи проблемы, — вполголоса.

— Что? — Пытаюсь обернуться, но снова получаю пятерней между лопаток.

— Не дергайся.

Возмущенно поджимаю губы, но не спорю.

Пока Пересмешник не переходит ко второму шву, молчим. Начинаю клевать носом — касание его теплых рук успокаивает и даже убаюкивает. Кажется, наконец расслабляюсь.

— В разведку со мной пойдешь?

Резко распахиваю глаза и вскидываю голову.

— Что? — переспрашиваю. Может, мне почудилось со сна?

— Ты слышала, — получаю в ответ язвительное. — Я вчера опять видел здесь чужака, но далеко тащиться за ним не рискнул — не знаю местность. А этих типов надо выследить.

И он говорит об этом вот так? Мне? Я все еще не понимаю, почему именно мне. Не верю в симпатию и доверие с первого взгляда, и все тут. Может, где-то это и возможно, но не на Птицеферме.

— Почему не скажешь Главе? — спрашиваю прямо.

— Чтобы больше тридцати человек бегали ночью по лесу в поисках врагов?

— Здесь нет лесов, — напоминаю.

— Ну, по пустыне с парой деревьев и тройкой кустов, — забавно огрызается, при этом ни на минуту не прекращая работу с моей спиной. — Выследим, а там посмотрим.

Сижу, кусаю губы. Не понимаю.

— А что, если я прямо сейчас встану, пойду к Главе и перескажу наш разговор? — выпа-
ливаю.

Естественно, не пойду, хотя бы потому, что Пересмешнику я обязана жизнью, а Филину — шрамами. Но хочу увидеть — вернее, в том положении, в котором сейчас нахожусь, услы-
шать — реакцию на мои слова.

Однако, как и всякий раз, когда я задаю каверзный вопрос, пытаюсь прочесть между
строк, Пересмешник дает короткий исчерпывающий ответ:

— Не пойдешь.

— Не пойду, — признаю.

Уже почти все. Я же достаю до нижнего шва, изучала его на ощупь — знаю, где он закан-
чивается. Поэтому понимаю, что осталось недолго.

Прикрываю глаза и пытаюсь ни о чем не думать. Нежные пальцы на моей коже, звук
чужого дыхания за спиной в утренней тишине...

Ловлю себя на мысли, что мне хочется откинуться назад. Чтобы эти уверенные теплые
руки обняли меня крепко-крепко. Чтобы, как сказала Сова, почувствовать себя как за камен-
ной стеной.

Мне этого не хватает. До крика, до зубовного скрежета — просто объятий, которые не
будут означать прелюдию к сексу.

Распахиваю глаза и, должно быть, краснею до корней волос. Как хорошо, что Пересмеш-
ник не видит сейчас моего лица и не умеет читать мыслей.

Ну точно, корю себя, реакция щенка, которого добрые люди напоили молоком, в дей-
ствии. А еще Пересмешник чем-то неуловимо напоминает мне Ника, и мое подсознание играет
со мной в жестокие игры.

— Так пойдешь? — Пересмешник возвращается к теме нашего разговора. — Все, готово.

Торопливо встаю, просовываю руки в рукава и опускаю футболку до бедер. Только после
этого оборачиваюсь.

— Пойду, — отвечаю твердо.

— Отлично. — Мужчина усмехается и показывает мне поднятый вверх большой палец.
— Из нас выйдет команда что надо. Держи. — И вручает, вкладывает мне в ладонь ошметки
извлеченных нитей. — Не стоит благодарности. Я пошел. Увидимся на завтраке, — выдает
скороговоркой и направляется к двери.

— Увидимся, — бормочу, смотря ему вслед. До завтрака остался от силы час, может,
полтора — выспаться Пересмешник уже и при желании не успеет... И тут до меня доходит. —
Погоди! — вскидываюсь.

Его пальцы уже коснулись ручки двери, он оборачивается, щурится — солнце успело под-
няться, а окно в моей комнате расположено прямо напротив выхода.

— Так ты всю ночь пытался выследить чужаков? Поэтому не пришел ко мне вчера вече-
ром?

Пересмешник смотрит на меня снисходительно, как на малыша, который считает своим
открытием общепризнанные выводы.

— Ну да, — криво улыбается и вопросительно приподнимает брови, намекая, что было
бы неплохо услышать пояснения.

Но пояснений не будет. То, что я думала, будто Пересмешник провел ночь с Кайрой,
вслух все равно не скажу.

— Ничего, — качаю головой и приподнимаю руку, прощаясь. — До встречи. И спасибо.
Тот смеется.

— Не буду говорить, что не за что — благодарность всегда приятна, — подмигивает и
исчезает за дверью.

Черт, он мне нравится.

Но доверять ему нельзя точно так же, как и другим обитателям Птицефермы.

Глава 13

Весь день занимаюсь стиркой.

Женщины, находящиеся в парах, стирают для своих мужчин, для «холостяков» стирают все, для этого существуют дежурства, как и на кухне. И сегодня эта «честь» выпала мне.

Не худший вариант, учитывая то, что мне все равно пришлось бы идти к реке, чтобы выстирать футболку Пересмешника. Правда, так мне приходится сходить туда с полной тележкой белья трижды, но это смена деятельности — лучше так, чем каждый день в огороде.

Возвращаюсь в лагерь с мокрыми вещами в третий раз, развешиваю одежду на веревках, натянутых во дворе между вбитых в землю столбов. Сегодня солнечно, но ветрено — самое то для сушки белья. Если повезет, первые две партии к вечеру успеют высохнуть.

Уже почти заканчиваю, когда на горизонте появляются Чайка и Кайра. Рановато для окончания работы на огороде. Наверняка сбежали. Сову они не любят и не боятся, к тому же знают, что она не пожалуется на них Главе.

Продолжаю заниматься своим делом, стою к беглянкам вполоборота и не собираюсь поворачиваться. Может, если сделать вид, что я их не заметила, то они пройдут мимо и не привяжутся?

Не тут-то было.

Все еще не оборачиваюсь, однако отчетливо слышу стремительно приближающиеся шаги. Нетрудно догадаться, что это не Чайка решила броситься ко мне с последними новостями.

Простыня на веревке, прищепка, еще одна... Резко приседаю, и Кайра, несущаяся ко мне, то ли чтобы ударить, то ли чтобы вцепиться в волосы, по инерции проносится мимо. Путается в простыне, верещит, размахивая руками.

Со стороны — зрелище презабавное. Если бы еще на светлой, только что выстиранной ткани не оставались пятна свекольного сока. Похоже, наша модница изготавливала бальзам для губ прямо на огороде — ела свеклу с грядки.

Чайка бросается на помощь подруге. Отступаю с пути, не собираясь мешать освобождению. Но и помогать — палец о палец не ударю.

Подхватываю с земли опустевший таз и направляюсь к дому.

Кайра по-прежнему верещит и барахтается в простыне, будто ее спеленали охотничьей сетью. Если бы успокоилась, то тут же высвободилась бы, но девушка психует все сильнее и лишь усугубляет свое положение.

— Да тихо ты! — Даже Чайка приходит к тем же выводам, что и я.

Кайра что-то зло ей отвечает. Не вслушиваясь, ясно же, что яд из свекольных губ брызжет по мою душу. Черт с ней.

Успеваю подняться на крыльцо, когда Кайра наконец высвобождается и рысью мчится за мной.

— Ты! — тычет в меня в воздухе пальцем. — Ты! — Высоко поднятая подвязанная грудь в глубоком декольте тяжело вздымается.

Перехватываю таз поудобнее — беру под мышку.

— Что — я? — уточняю спокойно.

Мне начинает казаться, что если Кайра ни с кем не делит мужчину, то ее жизнь утрачивает всякий смысл. Однако быстро же она определилась с новым объектом дележки.

— Совсем страх потеряла! — выпаливает девушка, медленно, но неотвратимо поднимаясь по ступенькам ко мне; с грохотом впечатывает пятки в пластик — как только не больно? — Видела, как Пересмешник утром выходил из твоей комнаты! — Палец, символ праведного

гнева своей хозяйки, все еще указывает на меня. — А я предупреждала, чтобы не смела к нему больше подходить! В столовой с ним, ночью — с ним!

Так вот в чем дело: Кайра не просто сбежала от работы, прихватив с собой Чайку, — она специально вернулась пораньше, чтобы провести со мной воспитательную беседу.

Чайка за спиной подружки машет мне руками, потом похлопывает ладонью одной руки по кулаку другой. Ясно, рекомендует бежать, пока цела.

Совет устарел — после воздействия слайтекса я чувствую себя какой угодно, только не целой.

— Отвали, — отвечаю. Берусь за ручку двери. Нет, бежать и тем более бегать по всему бараку от разъяренной фурии не собираюсь. Но и выслушивать совершенно неуместные претензии в свой адрес я не намерена.

Только унять фурию Кайру не так-то просто.

— Забирай себе назад своего импотента Пингвина, а блондинчика оставь мне! — выкрикивает девушка, преодолевая еще одну ступень. — Самая красивая женщина лагеря должна быть с самым красивым мужчиной!

Интересная теория. Надо бы спросить Пересмешника, он тоже считает себя красавцем, как и его поклонница?

— Отвали, — повторяю твердо и на этот раз так распахиваю дверь.

Поторопилась. Нужно было дать Кайре выкричаться. Может, и успокоилась бы. Но я поспешила уйти, поберечь уши, чтобы не слушать всю эту чушь. А вместо этого получила то, что получила...

Моя попытка ретироваться действует на разъяренную девушку как тряпка на быка: она рычит от ярости и кидается на обидчицу.

Я в общем-то не удивлена и готова к нападению, и уклониться от летящего в мое лицо кулака удастся играючи. А вот дальнейшие действия Кайры я не предугадала: та не пытается ударить повторно — выбрасывает руку не вверх, а резко вниз и хватает меня за подол платья, с силой дергает на себя. Таз под мышкой мешает мне сохранить равновесие. Он с грохотом падает на ступени, а мы с Кайрой кубарем катимся с крыльца.

Чайка испуганно взвизгивает. Похоже, сопровождая Кайру на «разборки», она предполагала, что мы обойдемся только словесной перепалкой.

Признаюсь, я и сама так думала. В прошлый раз, когда моя вечная «соперница» увидела шрамы на моей спине, мне показалось, что девушка осознала, к чему может привести ее ревность и что сама щедро получит от Главы такие же украшения, если продолжит в том же духе. Но именно показалось — не поняла.

Кайра рычит, разбрасывая во все стороны острые локти и колени, норовит вцепиться в волосы или выцарапать глаза. Но мне еще дороги как те, так и другие — поэтому драка выходит недолгой.

Меньше минуты — и зачинщица лежит, прижимаясь лицом к рассохшейся глине двора, а я восседаю на ее спине, больно заломив одну ее руку назад, а вторую придавив коленом.

— Не лезь ко мне, — склоняюсь и шиплю Кайре на ухо. В подтверждение серьезности своих слов сильнее наваливаю на и без того неестественно вывернутую конечность и для убедительности встряхиваю противницу, обеспечив ее физиономии новую встречу с землей. — Никогда не лезь.

Кайра крупнее меня, тяжелее. Но ее оружие — язык. Своим преимуществом в весе девушка не умеет пользоваться категорически. А я... меня больше не удивляет то, что я умею драться. Кем бы я ни была раньше, судя по обрывкам воспоминаний, мой образ жизни был далек от мирного.

Кайра верещит, дергается, пытаясь меня с себя сбросить, но добивается только нового удара об глину.

— Что здесь происходит?!

Сова.

Она не успела бы так быстро прибежать на шум, с ее-то клюкой. Значит, сразу заподозрила неладное и последовала за беглянками с огорода.

— Гагара!

Разжимаю хват и прыгиваю со своей жертвы. Тут же отступаю на безопасное расстояние. Однако моя предосторожность излишня — Кайра поднимается медленно, со стоном, сначала на четвереньки и только потом в полный рост.

— Ты видела? Сова, ты видела?! — вскрикивает и резко прерывается, чтобы подхватить бегущую из носа тонкую струйку крови.

Прищуриваюсь, оценивая вид Кайры: кровь смоем и будет как новенькая.

— Видела, — скрипит Сова. Приближается к нам, часто переступая ногами и тяжело наваливаясь на клюку.

Тем временем отмершая от шока Чайка бросается к подруге.

— Ты как? — заглядывает той в лицо. Пытается взять под руку, но Кайра зло выдергивает локоть.

— Я — лучше всех, — огрызается, ее глаза мечут молнии. — Я это так не оставлю. — Наконец ей хватает смелости посмотреть непосредственно на меня. — Я сейчас же пойду к Главе, — сдабривает каждое слово щедрой порцией яда. И как только он не капает с ее свекольных губ? — Ты сдохнешь на этой чертовой ветке!

Нет, не страшно.

— Только в паре с тобой, — напоминаю с усмешкой.

Филин вполне ясно высказался после прошлого раза: если подеремся еще, наказание получим обе.

Во взгляде Кайры — жгучая ненависть, но и страх в нем тоже присутствует.

— Заткнись и умойся, — советует ей наконец подошедшая к нам Сова. — И лучше не лезь к Филину с жалобами.

Чайка демонстративно изучает свои ботинки. Пожалуй, впервые вижу ее молчащей так долго.

— Тоже мне защитница убогих! — вспыхивает Кайра. После чего вытирает вновь выступившую кровь из носа тыльной стороной ладони и галопом несется в барак.

Чайка растерянно оборачивается подруге вслед. Кажется, не ожидала, что та так легко сдастся.

— Гагара сама виновата, — заявляет, когда дверь за Кайрой захлопывается и Чайка понимает, что та действительно ушла.

Сова морщится, заправляет под косынку выбившиеся волосы.

— Не тывкай, — бросает Чайке.

Та оскорбленно закатывает глаза:

— У-у-у, старая ведьма.

В отличие от подруги Чайка не убегает, а гордо вскидывает подбородок, расправляет плечи и шествует в барак с видом победительницы.

— Крысы, — комментирует Сова, как сплевывает.

— Согласна, — бормочу.

— А ты — дура! — припечатывает и отворачивается, будто ей и смотреть на меня противно.

* * *

До ужина еще полчаса.

Мужчины уже вернулись с рудника: кто-то ушел к реке, кто-то ополоснулся прямо тут, во дворе. Снимаю просохшее белье с веревок.

Состязания уже послезавтра. Неделя моего проживания в одиночестве почти истекла.

Пересмешник рассчитывает «выиграть» меня... Хочу ли я этого? Определенно нет. Но будет ли с ним так же отвратительно, как с Пингвином? Сумеет ли мы ужиться?

Пустые мысли. Еще неизвестно, кто займет призовые места после Момота. Кто знает, кому еще из «холостяков» я могу приглянуться? Популярностью у мужчин не пользуюсь, но выбор у них невелик, так что загадывать бессмысленно.

Снимаю вещи, сворачиваю и складываю в таз. Одну за другой, следующую. Боковым зрением замечаю, как открывается дверь барака.

Чайка.

Та опасливо поглядывает по сторонам, а потом решительно выпрямляет спину и быстрым шагом направляется ко мне. Решила повторить подвиг подруги? Не боюсь, но минус в том, что сейчас драка не останется незамеченной.

Поворачиваюсь к женщине лицом, отодвигаю от себя таз ногой — не хочу, чтобы он помешал мне снова. Однако не вижу в Чайке признаков агрессии: взгляд хитрый, бегающий, но не враждебный. Тем не менее не спешу расслабляться.

— Дело есть, — сообщает негромко, не забыв обернуться на дверь барака. Боится, что Кайра увидит, с кем та ведет переговоры?

Пожимаю плечом.

— Говори.

— Хочешь информацию — плати. — Губы собеседницы трогает неприятная улыбка.

Можно подумать, у меня есть чем ей заплатить. Не вздумалось же Чайке сочинять, будто всплыли какие-то важные сведения, а взамен обманом получить от меня обещание не приближаться к Пересмешнику ради Кайры?

— Я не торгуюсь, — огрызаюсь.

Не собираюсь никому ничего обещать. После ужина, как только стемнеет, у нас с Пересмешником запланирована вылазка по окрестностям, поэтому это проблемы Кайры — нравится ей наше с ним общение или нет.

— Тебе будет интересно, — не сдается Чайка. Опять оглядывается на дверь и заговорщически понижает голос еще сильнее: — Заколка.

— Что?

— Заколку свою давай — скажу. — А сама уже протягивает руку ладонью вверх.

Станный выбор, учитывая то, что у Чайки короткая стрижка.

Вначале думаю послать женщину подальше с ее сомнительным бартером, а потом протягиваю руку к затылку и расстегиваю заколку. Волосы рассыпаются по плечам.

— Забирай. — Без сожаления отдаю доставшуюся мне в одну из поставок Тюремщиков вещь. Типовая, такие заколки здесь в свое время были почти у каждой. Просто со временем потерялись или сломались, а моя — нет. Плевать, завяжу волосы шнурком.

В глазах Чайки появляется алчный блеск, будто ей отдали что-то по-настоящему ценное. Женщина торопливо убирает добычу в карман, не забывая снова обернуться на барак, подманивает меня к себе пальцем.

Осторожно делаю один шаг к ней.

— Ворон сказал, что Момот не хочет жить с Олушей.

Приподнимаю брови: неожиданно. Судя по тому, как он ее колотит, ему удастся реализовать с ней свои садистские наклонности.

— Мне что с того? — не понимаю.

Но Чайка мой вопрос игнорирует — ей нужно высказаться, иначе случится передозировка сплетнями.

— Момот говорит, Олуша все время ревет и стонет, а ему это не нравится.

Молчу, не перебиваю: быстрее выскажет, что накопилось, — быстрее отстанет, и я смогу продолжить работу. К тому же поднимается ветер, простыня, которую я не успела снять, хлопает под его порывами, будто птица гигантскими крыльями.

— ...Момот говорит, ему понравилось тебя пороть. Возбуждающе, мол, очень.

Сглатываю, к горлу подкатывает.

— Короче, хочет тебя прибрать к рукам и делать с тобой все, что ему захочется. — Окончание истории звучит по-настоящему радостно. Чайка собой безумно довольна, прямо-таки светится. Усмехается, поигрывает бровями, после чего дарит мне воздушный поцелуй. — Я знала, что тебе понравится новость, — победно завершает свою речь и разворачивается, чтобы уйти. — А за заколочку — спасибо, — бросает уже через плечо и торопливо, как и пришла, уходит в барак.

Во время этого монолога не произношу ни слова. Так и стою, не моргая глядя Чайке вслед, ногти впиваются в ладони.

Моя разделанная в мясо спина подействовала на Момота возбуждающе...

Спазмом скручивает желудок, и я еле успеваю добраться до туалета.

Кажется, сегодня ужин мне в горло не полезет.

* * *

— Ты чего такая зеленая? — Встречающий меня в дверях столовой Пересмешник тут же замечает неладное.

Говорит и выглядит так, будто правда беспокоится. Ах да, он же позвал меня с собой в разведку как человека, знающего местность.

— Укачало, — буркаю и быстрее ухожу к столу.

Есть мне теперь не хочется, однако не появиться на ужине — привлечь внимание Филина. А его мне за последние дни по горло хватит.

Пересмешник перехватывает меня за запястье, не останавливает, но замедляет, пристраивается рядом.

— Вечером все в силе, — подтверждает шепотом нашу утреннюю договоренность. Верно, за столом все сидят слишком близко — не поговоришь. — Зайду за тобой.

— Не надо. — Тут же вспоминаю, что Кайра каким-то образом умудрилась проследить, что этим утром он выходил из моей комнаты. Не хватало еще, чтобы она увязалась за нами на улицу. — Я вылезу в окно. Встретимся за баракom.

Пересмешник приподнимает брови, но не возражает. То ли потому, что план его устраивает, то ли причина в том, что мы уже подошли к столу и нас могут услышать.

Сажусь. Чувствую на себе пристальный взгляд.

Вскидываю голову: Момот. Сидит за соседним столом, но смотрит на меня. Определился с тем, чего (вернее, кого) хочет, и теперь пялится, осматривает, как товар перед приобретением. Осталось только стукнуть молоточком и объявить: «Беру!»

Поджимаю губы и отворачиваюсь. К горлу снова подступает.

— С тобой точно все нормально? — Пересмешник едва ощутимо касается моего плеча своим.

Качаю головой и тут же сама себе противоречу:

— Нормально.

Но нам уже подают еду, и Пересмешник оставляет меня в покое.

Ник, мои воспоминания, странные люди в лесу... Жаль, мне очень хотелось получить ответы на вопросы, связанные со всем этим.

Но так, значит, так.

Пусть меня потом вешают...

Глава 14

Вечером наступило безветрие.

За окнами — тишина. Вот только что слышались голоса, доносилась брань Совы, смех Кайры, громкая быстрая речь Чайки, и через миг — ничего.

После ужина некоторые вышли во двор, кто-то отправился к реке или просто выбрался поспать по улице. Но стоило стемнеть, жители Птицефермы разошлись по комнатам: кто к себе, а кто в гости к соседу. Стало тихо.

Сажусь на полу под окном своей комнаты и верчу в пальцах нож. Тот самый, которым Пересмешник надрезал швы на моей спине. Лезвие небольшое, но острое — сама пару недель назад выпросила у Сапсана оселок и наточила нож. Думала, для хозяйственных нужд, а вот как оказалось: сначала швы, потом...

Беру нож за рукоять, подбрасываю, ловлю двумя пальцами за лезвие, снова вверх, за рукоять — и снова в полет. У меня хорошая координация движений, давно заметила. Руки у меня работают что надо. Должно быть, привычка работать с оружием.

Кем же я была?

Уже не важно. Любопытство, не более.

Момот победит в поединках и объявит меня своей жертвой. Официально — парой. Филин благословит и тихо порадует. Кайра позлорадствует. У Чайки рот до ушей уже от одной новости об очередной «игрушке» Момота. Остальным — без разницы. Разве что Сова, может, посочувствует, но непременно посоветует смириться. Сова всегда рекомендует мне терпеть.

А Олуша наконец освободится, не запачкав руки...

Я запачкать руки не боюсь. Лучше так: на дерево с веревкой на шее, или сразу головой обо что-то тяжелое, или под ребра собственным ножом, если не справлюсь, — чем молча сдаться и позволить садисту делать со мной все, что ему заблагорассудится.

Мне не у кого просить помощи. Только Филин мог бы помешать. Но даже знаю, что он скажет: спросит, а чем я лучше Олуши. И в этот раз будет прав — ничем. Как бы она ни была мне неприятна после ее выпада и попытки спасти свою шкуру за счет моей шеи, Олуша не заслуживает того, что делает с ней Момот. Никто не заслуживает.

А значит, я сделаю все, чтобы положить этому конец.

Пусть порадует, пусть даже воспользуется своим «призом», но потом он все равно уснет. Рано или поздно уснет. И тогда я перережу ему глотку.

Где-то внутри меня бунтует и негодует внутренний голос, напоминающий о том, что убивать спящего — трусость. Загоняю его поглубже и велю заткнуться. Может, в цивилизованном мире это и трусость, и подлость, и преступление. Но это Птицеферма. Преступники здесь все. А в честном бою с Момотом мне не выстоять. Как бы меня ни тренировали раньше, он сломает меня с одного удара. В прямом смысле.

Поэтому буду бороться, как могу, — нечестно и трусливо. Но если не торопиться и правильно выбрать момент, то, надеюсь, эффективно. Пусть Глава потом ищет себе нового палача.

Так и сижу, пока за окнами не становится совсем темно.

Поднимаюсь, убираю нож под матрас, завязываю волосы шнурком и шире распахиваю окно. Прислушиваюсь: ни звука.

Сажусь на подоконник, перекидываю ноги и прыгаю вниз.

Здесь невысоко, приземляюсь на ноги. Осматриваюсь: из окон льется свет, дающий достаточно обзора. Поблизости никого. Жаль, я так и не обзавелась фонарем, но до следующей поставки Тюремщиков новый мне никто не выдаст. Да и не доживу я до нее, до поставки, чего уж теперь?

Крадучись, перемещаюсь к углу барака, в полуприседе, чтобы не привлечь ничье внимание за окнами.

Без часов сложно договориться о точном времени встречи. Только надеюсь, что Пересмешник тоже ждал, пока смолкнут голоса на улице.

За зданием никого нет. Вот они, те кусты, возле которых я приземлилась, когда слетела с крыши. Вон там лежал мертвый Чиж.

Темно и тихо. Стоит отдалиться от барака, темнота едва ли не осязаемая — ни лучика света. Если у Пересмешника нет фонаря, придется туго. В ту ночь, когда он встретил меня у реки, на открытом пространстве было значительно светлее.

Направляюсь к кустам. Оттуда, из непроглядной тьмы, мне будет хорошо видно любого, кто появится от барака.

Вспышка. Перед глазами серебристая муть, виски сдавливают болью, дыхание учащается.

...Все на мази, нужные люди получили обговоренные суммы...

Снова фрагмент переписки — белые буквы на черном фоне.

...Ты получишь дозу препарата втрое меньше обычного...

Они словно всплывают в темноте перед моим носом.

...Вспомнишь все через несколько дней...

Кажется, протяни руку — и дотронешься. Что я и делаю, но мои пальцы проходят сквозь призрачные слова, а буквы гаснут.

Пошатываюсь. Мне трудно дышать. Обхватываю горло ладонью и чувствую, как бешено пульсирует под кожей.

Это то, о чем я думаю?

Ник? Это писал мне Ник? Он меня сюда отправил?!

Часто моргаю, пытаюсь осознать то, что только что увидела-вспомнила, как из темноты, прямо из-за кустов выныривает темная фигура. Толком не вижу, скорее чувствую колебание воздуха и отпрыгиваю. Только потом могу разглядеть смутные очертания силуэта — не знала бы, куда смотреть, не увидела бы.

— Я здесь. — Мужской голос звучит мягко и негромко. Его обладатель не хотел меня напугать, но я все равно подпрыгиваю и вскрикиваю от неожиданности.

— Ник! Напугал... — И только потом осознаю, что только что сказала. Думала о Нике — и сорвалось...

Глаза тут же ослепляет внезапно вспыхнувшим светом. Местные фонари все светят тускло, но после темноты ночи даже этот свет больно бьет по глазам.

— Как ты меня назвала?

И светит мне в лицо, чтоб его.

Прикрываю глаза одной ладонью, а второй машу в знак того, чтобы наконец отвел луч фонаря от моего лица.

— Пересмешник, Ник, — сочиняю на ходу. — Сократила. Больше не буду, если не нравится.

Естественно, не буду. Ни за что на свете не стану называть жителя Птицефермы именем своего близкого человека из прошлой жизни. Но сейчас мне нужно выкрутиться. Потому что никто, ни одна живая душа не должна знать, что после слайтекса можно что-то вспомнить.

И теперь я, кажется, понимаю, почему до меня другие не вспоминали своего прошлого.

— Ладно, без разницы. — Вижу, как Пересмешник пожимает плечом. Несколько нервно — тоже растерялся. — Идем? — Гасит фонарь. Шуршит одежда — видимо, убирает его за пояс или в карман.

— На ощупь? — уточняю. Имя Ника все еще вертится у меня на языке, и приходится тщательно себя контролировать, чтобы не сболтнуть лишнего.

...Разве такое может быть? Разве можно отправиться сюда добровольно?

— Да. Так безопаснее.

— Хорошо. — Зачем-то киваю, ведь понимаю же, что сообщник не увидит моего жеста. — Иди, я за тобой.

В тишине слышу его шаги по иссохшей глине, иду на звук.

И тут меня пронизывает насквозь, словно молнией: я не осужденная!

Эта мысль такая ясная, объемная, живая.

Я здесь зачем-то. По своей воле.

Едва не всхлипываю, торопливо зажимаю рот ладонью. Но Пересмешник все равно что-то слышит. Звук его шагов затихает.

— Не идешь? Передумала?

— Иду. — Пытаюсь взять себя в руки, догоняю. — Куда?

— К реке. Вчера я снова видел наших гостей в том районе. Надо все там исследовать.

Что ж, почему бы и нет? До испытания и притязаний на меня Момота в любом случае больше суток.

— Пошли, — соглашаюсь.

* * *

За два года здесь я достаточно изучила местность, чтобы добраться к реке без фонаря.

Жаль, что расположение кустов мне удалось запомнить не так хорошо. Царапаю руку. Хорошо еще, что успеваю вскинуть ее к лицу и острая ветка не втыкается мне в глаз. Моему спутнику тоже достается, но он только тихо чертыхается сквозь зубы. Без особых эмоций — значит, повреждения несерьезные.

В тишине шум воды кажется громогласным.

— Куда она впадает? — Пересмешнику приходится подойти совсем близко, чтобы я его услышала. Вздрагиваю.

— Понятия не имею, — откликаюсь.

— Должна же она куда-то впадать...

Я тоже думала об этом, и не раз. Но все придерживаются мнения, что на Пандоре нет ни морей, ни озер. Правда, в таком случае не должно быть и реки. А она есть.

— Если у этой реки и есть устье, то оно где-то далеко, — говорю, стараясь незаметно отступить и увеличить расстояние между нами. — Так что мы ищем?

— Понятия не имею, — повторяет мои недавние слова Пересмешник. — Вчера я потерял их из виду где-то здесь... Пошли!

Запястье обхватывают теплые пальцы. Напрасно я отступала.

Понимаю, что без света и по отдельности мы просто разбредемся в разные стороны. Поэтому не вырываюсь, но и отделаться от ощущения, что место чужого прикосновения горит огнем, не могу.

Мы движемся вдоль русла реки, кажется, проходим облюбованное мною место для купания, и без того расположенное дальше от тропинки, чем то, где предпочитают плавать остальные. Здесь поверхность планеты неровная, небольшой косогор, в темноте приходится ступать с особой осторожностью.

Идем еще дальше, и мне начинает казаться, что моя помощь спутнику не нужна вовсе — он прекрасно ориентируется на местности даже в темноте.

— Я считал шаги от тропинки, — решает объяснить Пересмешник прежде, чем я успеваю задать вопрос. Останавливается и выпускает мое запястье. Торопливо, хотя он и не может видеть моего движения, убираю руку себе за спину. — Они топтались тут. Я отстал, чтобы не заметили, а потом... Ого! — Теперь голос идет снизу.

— Что? — не понимаю.

— Присядь.

Послушно опускаюсь на корточки.

— Руку протяни.

Тут заросли кустов, соваться в которые мне никогда не пришло бы в голову. Пересмешник направляет мою ладонь ниже, к корням и к самой земле.

Холод. Металл.

Веду ладонью по гладкой прохладной поверхности. Нащупываю какой-то выступ, а рядом с ним углубления, в них прекрасно входят пальцы — будто для них и сделаны.

— Люк, — выдыхаю.

— Он самый, — подтверждает Пересмешник с восторгом в голосе. Даже в темноте вижу, как блестят его глаза. — Так... Вроде никого нет. — Мой спутник достает фонарь и включает на самую малую мощность. Свет ужасно тусклый, но, подозреваю, издалека даже с таким светильником мы как маяк для тех, кому взбретет в голову прогуляться по окрестностям.

А перед нами действительно люк, и нижние ветки кустов возле него обломаны. Никакой ржавчины, слоя земли на крышке.

— Им пользуются, — подтверждает мои собственные умозаключения Пересмешник.

Вскидываю на него глаза.

— Что там может быть?

Сама же понимаю, что там может оказаться что угодно: от тайной штаб-квартиры террористов до секретной лаборатории правительства. Но почему здесь?

Подумать только, я почти два года на Птицеферме, но не видела дальше своего носа. А Пересмешник пробыл на Пандоре только неделю, а уже нашел то, что не замечали другие. Годами!

Но уже в следующую минуту чувствую себя непроходимой дурой. Кто сказал, что если ничего не замечала я, то этого не видели остальные? Что, если Филин не просто так велел не ходить вниз по течению реки? Он говорил об острых камнях и сильном течении, прикрывался нашей безопасностью. Но что, если Глава на самом деле пекся вовсе не о нашем благе?

— Думаю, вход в одну из шахт, — в свою очередь, предполагает Пересмешник. — Наш рудник в другой стороне. Так что... — Пауза. — Понятия не имею. — Эта фраза звучит уже третий раз за четверть часа.

Верно: рудник, где работают жители Птицефермы, совсем в другой стороне от барака и довольно далеко отсюда. Доходят ли подземные шахты до этого места? И опять же, как там внутри все должно быть укреплено, чтобы не размыла река? «Наш» рудник недоделан и укреплен не лучшим образом. Время от времени случаются обвалы, постоянные течи, сырость и слякоть. Но это далеко от реки, а тут...

— Я порасспрашивал, — продолжает Пересмешник, погасив фонарь. Все вокруг вновь погружается во тьму. — Самый далеко уходящий от забоя штрек заканчивается глухой стеной. Дальше хода нет — шахту недоделали, когда финансирование накрылось.

Все еще сижу на корточках, обхватив плечи руками. Кусаю губы, смотрю в темноту. Шумит река, ветер качает ветки кустов. Вроде бы, кроме нас с Пересмешником, на берегу никого нет, но теперь мне отовсюду мерещатся чужие взгляды. Паранойя, но как есть.

Пытаюсь собраться. Страх сейчас — худший помощник.

— Если бы этим люком пользовались постоянно, кто-нибудь обязательно бы заметил, — рассуждаю вслух. — Один-два человека могут сохранить секрет, но не десять. К тому же, если бы узнала Чайка, она тут же растрепала бы всем.

— Угу, — соглашается спутник. — Да и размер люка не так чтобы походит на главный вход.

— Скорее уж, черный ход, — поддакиваю.

— Запасной.

Тайком улыбаюсь: из нас и правда выходит неплохая команда — можно сказать, фразы друг за другом договариваем. Крепче обнимаю себя руками — от этого мне еще больше не по себе.

— Но почему сейчас эти люди стали часто им пользоваться? — озвучиваю то, что мне непонятно больше всего. Ведь получается, что после убийства Чижа незнакомцы в черном ошиваются поблизости Птицефермы каждый день и используют этот люк.

— Ищут кого-то, — подозрительно уверенно отвечает Пересмешник и плюхается прямо на землю рядом со мной.

— Мы будем сидеть здесь, чтобы поздороваться? — язвлю, хотя и сама не делаю попыток подняться.

Прекрасная идея — посидеть на выходе, чтобы наверняка не пропустить хозяев люка. А заодно словить пулю в голову.

— Еще рано. Они появляются позже.

Фыркаю.

— С чего такая уверенность?

— Я тут неделю шарахаюсь каждую ночь.

Значит, пробираясь в темноте по кустам, мы не столько не хотели светом фонаря привлечь к себе внимание чужаков, сколько опасались своих. Логично: только-только стемнело — кто угодно может захотеть отправиться к реке искупаться.

— Так с чего ты решил, что они кого-то ищут? — спрашиваю. Медлю, но потом поправляю юбку и тоже сажусь на землю, посильнее натягиваю подол на колени.

— Слышал. Обрывки. «Он», «его», «куда подевался»...

Напрягаюсь. Выходит, где-то совсем рядом с нашим лагерем прячется еще один чужак. Тоже с оружием, надо полагать. И кто же тогда убил Чижа? Охотники или добыча?

Повинуясь внезапному порыву, хватаю Пересмешника за плечо.

— Нам надо туда попасть! Выяснить, что это за место!

А тот, вместо того чтобы заразиться моим энтузиазмом, смеется.

— Не тряси меня, последние мозги выбьешь.

Отдергиваю руку и возмущенно соплю.

— Балбес, — огрызаюсь.

...Балбес...

...Я же говорил, что ты меня любишь...

Снова этот голос, эхо в моей голове.

Я твердо решила для себя, что больше не допущу такой оплошности и не произнесу имя Ника вслух. А вместо этого обозвала Пересмешника балбесом — так, как шутя называла своего друга. Блестяще.

Замечаю, что и мой спутник напряженно молчит. Только что смеялся — и тишина, как рубильник опустили.

— Мы не полезем туда сегодня? — спрашиваю осторожно.

Может, обиделся? Ник не обижался...

— Там заперто, ты же видишь.

— Тогда, когда они выйдут оттуда и пойдут на поиски того, кого ищут.

Замолкаю. Это похоже на то, будто я его уговариваю.

Молчу. Чувствую себя ребенком, которому не позволяют раньше времени вскрыть новогодний подарок, таинственный и манящий своей яркой праздничной упаковкой. И в то же время понимаю, что мой «подарок», вероятнее, окажется банкой с пираньями, чем приятным сюрпризом.

— Без оружия там делать нечего, — высказывается Пересмешник. — Но даже если нам удастся разоружить наших ходоков, не факт, что пара пушек нам поможет.

— Там может быть целый подземный город, — соглашаюсь со вздохом.

— ...Слышишь? — Пересмешник мгновенно оказывается на ногах. — Сегодня они раньше.

Слышу: звук — будто упало что-то металлическое или грохнули чем-то тяжелым. Вскликаю.

— Туда, — шиплю, сама первая хватая спутника за запястье, чтобы не потеряться в темноте.

Снова кусты царапают кожу. Зато спрятаться за ними — неплохой план, учитывая то, что незнакомцы бродят по местности с фонарями и, скорее, обойдут заросли, нежели полезут напролом. Если не заметят или не услышат ничего подозрительного, разумеется.

Хорошо, что я надела темное платье, а Пересмешник вообще в черном. Может, пронесет?

Нырём за кусты как раз вовремя — в люке отчетливо что-то грохает, и уже не возникает сомнений, что его крышку вот-вот поднимут.

— Ложись, — шепчу спутнику, сама распластавшись на земле.

Все равно увидят, если решат посветить в эту сторону. Так что наша задача — лежать и не шевелиться, чтобы ненароком не задеть ни одну веточку.

Пересмешник почти мгновенно укладывается на живот рядом со мной. Теперь я вижу его почти отчетливо — пространство у люка ярко освещено сразу тремя фонарями.

Спутник поворачивается ко мне и показывает три пальца, качает головой. Он прав: к трем вооруженным типам без оружия соваться глупо. В свете предстоящих событий я почти смирилась со своей скорой смертью, но умирать по дуру не хочу.

Киваю в ответ: поняла, не высовываемся, следом не идем, ждем.

Троица с фонарями, должно быть, уже изучила местность вблизи люка до зубовного скрежета. Поэтому незнакомцы даже не пытаются исследовать кустарники, а направляются в сторону лагеря. Тихо выдыхаю.

— ...Да где он там может прятаться? — долетает до нас обрывок разговора. — Все проверили.

— Бараки — да, а шахта большая. Не ленись...

Голоса удаляются, свет фонарей исчезает. Становится совсем темно.

Некоторое время молчим, чтобы убедиться, что из люка больше никто не появится. Чувствую, как в бедро впивается край острого камня, но все равно не шевелюсь.

Пересмешник встает первым.

— Пойдем. — Зажигает фонарь и направляется к люку. — Посмотрим, что ли.

Выбираюсь из кустов за ним, оглядываюсь в ту сторону, куда ушли незнакомцы. Делаю шаг и оглядываюсь снова. Но вижу лишь темноту.

Пересмешник уже приплясывает у люка, обходит его так и эдак, примеривается.

— Если тут не только современное оружие, но и современные технологии, то, если ты сейчас откроешь люк, может завопить сирена, — высказываюсь, пытаюсь мыслить рационально. Тем не менее мне самой до ужаса хочется заглянуть внутрь, наплевав на безопасность.

Пересмешник оборачивается ко мне и подносит фонарь к своему подбородку — так детей пугают жуткими рожами; подмигивает.

— Или не завопит. — После чего вкладывает пальцы в специальные углубления и тянет крышку на себя.

Никаких сирен. Только ветер и шум реки.

— С ума сошел? — упрекаю.

Корчит гримасу.

— Не делай вид, что ты сама не мечтала туда заглянуть.

В ответ одариваю мужчину убийственным взглядом. Конечно, мне хотелось посмотреть, что под крышкой, и он это прекрасно понимает.

Пересмешник заглядывает внутрь, подсвечивает фонарем. Делаю шаг поближе, потом еще. Мне и правда до ужаса любопытно.

Внутри уходящая вниз широкая труба выстлана металлом, металлические скобы выполняют функцию лестницы. Металл. Не пластик. Что-то основательное, крепкое. И, куда бы ни вел этот ход, он уходит настолько глубоко, что свет фонаря не достигает дна и просто теряется в темноте.

— Может, спустимся? — вдруг предлагаю, отбросив осторожность.

В конце концов, это моя дурная привычка — все анализировать. Если мне осталось жить два дня, так, может, пора рисковать, не думая о последствиях?

Но Пересмешник мигом остужает мой пыл.

— Умирать я пока не планирую и тебе не советую. — Возвращает крышку на место, отряхивает ладонь о ладонь. — Нам нужно больше информации.

Вздыхаю, но соглашаюсь.

Если я для себя уже все решила, то Пересмешнику и правда не стоит умирать из-за моего желания утолить любопытство напоследок.

— Завтра, перед состязаниями, я планирую наконец отоспаться. А после них можно и продолжить исследования.

— Хорошая идея, — поддерживаю уже без энтузиазма.

После испытаний он продолжит исследования без меня...

— Не спи. — Мужчина подхватывает меня под руку. — Времени мало.

Согласна. Если те люди ушли исследовать шахты, то нам следует поторопиться, чтобы не столкнуться с ними и не разделить участь Чижа.

* * *

— Подсадить? — веселым шепотом предлагает Пересмешник, стоя под моим окном.

Мы молча пробирались до самого барака, боясь наткнуться на людей с оружием, и это первое, что он произносит с того момента, как мы отошли от реки.

Мне же не хочется разговаривать — нужно подумать о слишком многом.

— Сама справлюсь, — отказываюсь и немедля хватаюсь за выступ, подтягиваюсь. — Не торчи на свету, — шиплю уже сверху, свешиваясь через край подоконника.

— Как прикажешь, Джульетта, — усмехается Пересмешник и отступает от стены барака, пятясь.

И правда, свесилась, как с балкона, дура.

Корчу угрожающую гримасу и скрываюсь в комнате.

Глава 15

...Я в раздевалке. Металлические шкафчики с серийными номерами и панелями замков, открывающихся по отпечатку ладони. Круглые плоские лампы на потолке светят тусклым оранжеватым светом.

Сажусь на длинной невысокой скамье. Снимаю с себя грубые ботинки и темно-серые брюки. Надеваю взамен них черные обтягивающие штаны, мягкие кроссовки на тонкой подошве. Одна кроссовка, вторая...

— Эй, Николс, — раздается надо мной голос, — чего это ты сегодня так рано?

Чувствую укол раздражения. Вскидываю глаза.

— Мейс, тебе-то что за дело?

«Лейтенант Мейси Плун» — гласит нашивка на форменной рубашке жгучей брюнетки, подпершей плечом соседний с моим шкафчик. На лице девушки скушающе-презрительное выражение, а руки важно сложены на груди.

Не могу вспомнить, ни кто эта особа, ни что меня с ней связывало, но не сомневаюсь, что подругами мы не были.

А сознание цепляется за серую форму с шевроном на плече — белой буквой «П» в зеленом круге на синем фоне. Я только что сняла точно такую же.

— Да так. — Коллега кривит губы, точь-в-точь как Кайра, когда пытается меня чем-нибудь зацепить. — Слышала, как твой дружок устроил шум в приемной у Старика.

Старик? Это имя? Кличка, прозвище?

Судя по контексту, начальство.

Я из прошлого подскакиваю, так и не застегнув вторую кроссовку.

— Что значит «устроил шум»?

— А я почему знаю? — Ярко-алые губы снова кривятся. — Вроде Старик не хотел его принимать, а он настаивал. — Усмешка. — Что будешь делать, если Валентайн допрыгается и его выкинут отсюда, а? Таскаешься за ним, таскаешься. Как собачонка.

Приходит новое воспоминание: Мейси бегала за Ником, добиваясь его внимания, пока он ее прямо не отшил. Прямо и не слишком-то вежливо.

— От суки слышу, — огрызаюсь я из прошлой жизни. Наконец застегиваю кроссовку, перекидываю одну лямку рюкзака через плечо и быстрым шагом направляюсь к выходу.

— О да, беги на помощь, мамочка, — смеется вслед Мейси.

Замираю в дверях и оборачиваюсь. Ничего не говорю, просто смотрю — и улыбка сходит с алых губ, будто ее стирают тряпкой.

— Отвали от меня, — говорю предупреждающе. — И от Ника — тем более.

Покидаю раздевалку, не дожидаясь ответа.

Говорят же, отвергнутая женщина — та еще напасть. Так к Нику бы и цеплялась. Ему палец в рот не клади — быстро ответит так, что расхочется надоедать, а заодно и повеселит тех, кто окажется поблизости. Но Мейси выбрала своей мишенью меня.

Только она не знает, что девочки из трущоб долго терпят, а потом бьют — без разговоров.

* * *

Почти бегом преодолеваю один коридор, другой... Серые стены, полы и потолки с продолговатыми плоскими лампами. Кое-где на стенах красуются все те же эмблемы — белая буква «П» в зеленом круге на синем фоне.

Один поворот, второй...

Память милостиво раскрывается: прежняя я спешит по серым коридорам, а я настоящая уже знает, что Старик на самом деле — мой шеф, полковник Маккален, и злить его точно не рекомендуется. Что Ник творит?

В дверях приемной начальника сталкиваюсь с его секретарем, Ким. Женщина бледная, из обычно идеально лежащей волосок к волоску прически выбилось несколько прядей.

— О бог мой. — Ким закатывает глаза к потолку и широко расставляет руки, преграждая мне путь. — Только тебя тут не хватало.

— Что здесь происходит? — требую на выдохе.

Звукоизоляция здесь гораздо лучше, чем хотелось бы: слышны громкие голоса, но слов не разобрать. Но то, что разговор проходит не на мирной ноте, очевидно.

— Валентайн, как обычно, плевать хотел на субординацию. Вот что происходит, — выпаливает Ким и с силой захлопывает за собой дверь, отрезая от нас звуки, доносящиеся из кабинета Старика. — А меня уволят к чертовой матери за то, что пропустила его к шефу в таком настроении. — И запускает тонкие пальцы в волосы. Теперь понятно, почему у нее такой взъерошенный вид.

— Не уволят, — отмахиваюсь. — Старик суров, но справедлив, а вот Нику может достаться...

— Эмбер, не лезь в это. — Ким шагает от двери вперед — прямо на меня, тем самым вынуждая отступить.

Но я не могу не лезть. У меня вылет на задание на днях, мы долго готовились всей командой. Все думали, что отправится Ник, а Старик выбрал меня. Нутром чую, что дело в этом. А значит, не лезть не могу.

Качаю головой, давая Ким понять, что я ее услышала, но к совету не прислушаюсь, и протягиваю руку к ручке двери.

И тут же отпрыгиваю, потому как дверь рывком распахивается сама.

— Ник, какого?.. — начинаю, но он уже уносится по коридору прочь.

Я сегодняшняя снова не вижу его — на нем толстовка с капюшоном, надвинутым на лицо.

— Потом позвоню, — бросает через плечо и исчезает за поворотом.

— Нас всех уволят, — стонет Ким, прижавшись спиной к стене, будто теряет опору.

— Да прекрати ты, — прошу раздраженно.

Развела панику, будто случился пожар.

Заглядываю в приемную и вижу, что дверь в кабинет шефа приоткрыта. Медлю. Войти или сделать вид, что меня здесь не было?

Сейчас полковник явно зол, поэтому логичнее было бы притвориться невидимкой и исчезнуть.

— Эмбер, зайти! — доносится из-за приоткрытой двери, отрезая мне пути к отступлению.

Чертыхаюсь про себя. Вряд ли шеф читает мысли, да еще и через стены. Значит, поставил камеры в коридоре. Старый параноик.

— А я говорила, — шепчет Ким, делая огромные глаза, и проводит пальцем поперек своей шеи.

Приходит мой черед возвести глаза к потолку.

— Не драматизируй, — прошу и вхожу внутрь.

* * *

Старик сидит за столом, опустив голову и сцепив пальцы рук в замок на своем затылке.

Стоит мне закрыть за собой дверь, как он проводит ладонями по стриженным под «ежик» седым волосам и поднимает голову. У него усталое лицо, на котором будто пролегли новые морщины.

Довел себя. И стоило так психовать?

— Садись, — бросает шеф коротко, испепеляя меня взглядом.

Выполняю приказ, занимаю кресло для посетителей. Сажусь, кладу руки на подлокотники, спина прямая. Сейчас и мне влетит.

Не успеваю и рта раскрыть.

— Молчи и слушай. — Тон полковника не располагает к спорам; киваю. — Ты и Валентайн — моя лучшая команда. «Ник-Ник» — знаю, как вас называют. Так вот, я сыт по горло. Ваша результативность больше не покрывает того безобразия, которое происходит по вашей воле в подразделении.

Напрягаюсь. Мне не нравится, к чему шеф ведет.

Повисает пауза.

— И что это значит, сэр? — интересуюсь осторожно.

В том, что Маккален не уволит ни меня, ни Ника, даже не сомневаюсь. Мы на самом деле даем отличные результаты, лучшие в подразделении — без ложной скромности. Значит, очередное дисциплинарное взыскание? Лишение премии? Отпуска? Но никто из нас уже не помнит, когда отдыхал больше двух дней в последний раз.

— Это задание — последнее, — ошарашивает меня полковник. — Сейчас поздно что-то менять, но будь я проклят, если поставлю вас вместе еще хоть на одно дело.

Смотрю на начальника широко раскрытыми глазами. Я могла ожидать чего угодно, но только не этого. Пальцы крепче сжимают подлокотники.

Слова Старика для меня как удар под дых. С Ником мы напарники с самого выпуска из Академии, уже восемь лет. Коллеги действительно зовут нас «Ник-Ник» — Николс и Николас, — потому что мы не разлей вода. И остаться без Ника — все равно что потерять руку. Правую.

— Валентайн считает, что ты не справишься с делом о Пандоре, — продолжает Маккален, немного сбавив обороты — увидел, что я впечатлена, и успокоился.

Неожиданно.

И немного обидно.

Ник так сказал? Ну, я ему устрою...

— Справлюсь, — отрезаю.

Здесь не нужны долгие расшаркивания.

— И я так считаю. — Тон ровный, но потом вновь наливается злостью и звенит металлом. — Но это уже не первый раз, когда Валентайн срывается с цепи, стоит тебе оказаться в опасности.

— Мы просто дорожим друг другом, — отвечаю. Пожалуй, сейчас не лучший момент упоминать, что Ника никто не сажал на цепь, чтобы он мог с нее срываться. Да он и не собака.

— Вы просто два идиота! — Полковник с грохотом опускает ладонь на стол, так что лежащие на нем пишущие принадлежности взлетают в воздух. — Упертые бараны. — Снова ассоциации из животного ряда. — Говори сейчас, пока не поздно. Опасения Валентайна обоснованны? Мне заменить тебя им?

Позволить стереть себе память, отправиться неизвестно куда без прикрытия и поддержки, понадеявшись на то, что подкупленные люди сдержат слово и вколют мне в кровь меньшую дозу слайтекса, чем должны бы были... Да, страшно. Но страх не повод сдавать назад.

Не думаю, что шеф сомневается в моем ответе. Просто ему нужно услышать это от меня еще раз.

— Я справлюсь, — отвечаю твердо.

Старик переплетает пальцы на столешнице, опирается на нее локтями и подается вперед.

— Тогда не подведи меня, Николс.

— Не подведу, сэр, — киваю.

И думаю о том, что если и вправду справлюсь, то, возможно, шеф сменит гнев на милость и не станет разрушать наш сработавшийся тандем...

Сон-видение рассыпается миллионом серебристых осколков.

Сквозь закрытые веки пробивается яркий солнечный свет. Кажется, я проспала, но все равно не спешу вскакивать с постели.

Николас Валентайн и Эмбер Николс — теперь я знаю имена.

Ким, Мейси, полковник Маккален — Старик...

А еще эмблема — стилизованная буква «П». И пусть я пока не помню большую часть своего прошлого, мне прекрасно известно, чей это знак — Полиция. Серая форма вместо стандартной фиолетовой — какое-то спецподразделение? Голова гудит, но больше не дает ответов.

Значит, мне не показалось вчера — я оказалась на Птицеферме добровольно.

Зачем? Не для того ли, чтобы остановить подпольную деятельность тех, кто появляется по ночам из люка у реки? Вдруг все это связано?

Но два года, бог ты мой, два года!

«Ты все вспомнишь через пару дней...» Как бы не так. Пара дней растянулась на пару лет. Списали ли меня уже со счетов? Знают ли, что я еще жива?

Как я должна была связаться со своими? Какой дать знак? Как? Или у нас было обговорено место встречи?

Сажусь на кровати и стучу ладонью себе по лбу, сильно. Ничего — ответов нет.

Думай, думай. Думай, как тебя учили, когда готовили действовать и принимать решения в критических ситуациях. Думай как Эмбер Николс, а не как Гагара, думай.

Оперативник отправляется работать под прикрытием. Не важно зачем — отправляется, и все. А потом не подает условный знак или не появляется в назначенное время в назначенном месте. Неужели в этом случае нет плана «Б»?

Меня не могли просто взять и бросить. Верю, что попасть сюда не так просто, и, возможно, это заняло бы время, но не бросили бы. Ведь правда?

Или я просто очень хочу в это верить?

Однако если меня сочли погибшей, полиция не стала бы тратить ресурсы на то, чтобы вернуть мое тело...

А что, если?..

Мое сердце вдруг начинает стучать с бешеной скоростью.

Пересмешник так похож на Ника. Сразу обратил на меня внимание по прибытии. С первого дня стал что-то вынюхивать. Потом спас меня, выгородил перед Филином, возился со мной после порки. Позвал в разведку.

«Как ты меня назвала?» — спросил он, резко включив фонарь, чтобы увидеть мое лицо, когда я назвала его Ником.

А что, если это не просто сходство? Вдруг это правда? Спустя два года мой друг и напарник пришел за мной?

Одна часть моего сознания безумно верит в это и хватается за эту идею мертвой хваткой. Другая моя часть хочет дать подзатыльник первой. Потому что так не бывает, чудес не случается.

Но, бог ты мой, как хочется верить...

* * *

В столовой появляюсь в числе последних. Еще чуть-чуть — и опоздала бы. А Филин не любит опозданий.

Цепляюсь взглядом за Главу, сидящего рядом со своим цепным псом Момотом. Последний уже вооружился ложкой. Не могу отделаться от мысли о том, что Филину известно, что происходит у нас под носом: о людях в черном и о люке у реки.

Приходится спешно отвернуться, потому что мой взгляд перехватывает Момот. Уголок его узких губ едва заметно приподнимается, но не сомневаюсь: мне не показалось.

Ищу глазами свободное место за столом. В последнее время Пересмешник всегда поджидал меня в дверях, и место тоже обеспечивал он. Сегодня, естественно, не дождался... Или нет — вот он, машет мне рукой.

Направляюсь к нему, еле сдерживая улыбку.

На самом деле внутри меня все поет. Я два года тонула в болоте безнадежности, искренне считая, что все это заслужила. А оказалось, что на Пандору меня отправили на задание. И наверняка собирались отсюда забрать. Значит, из этой тюрьмы есть выход, есть!

Прохожу к нужному столу, переступаю через скамью и сажусь на оставленное мне место. Пересмешник улыбается мне, тоже чуть кривовато, но его улыбка не идет ни в какое сравнение с улыбкой Момота. От нее не возникает желания помыться — на нее хочется ответить.

— Привет опоздавшим, — тихо, только для меня.

— Врешь, — огрызаюсь почти что весело. — Я успела.

Пересмешник тут же замечает перемену в моем вечно хмуром настроении, приподнимает бровь, без слов спрашивая, что произошло. Но я только пожимаю плечом — не сейчас, не здесь. А если он не тот, на кого я думаю, то никогда.

Мне передают тарелку с похлебкой. Она неаппетитна ни на вид, ни на запах, но мои мысли слишком далеко, чтобы я обращала на это внимание. И я немедленно зачерпываю полную ложку. Впрочем, и вкуса толком не чувствую.

Пытаюсь вспомнить все свои видения. Вызываю перед мысленным взором все «кадры», «сцены» с Ником, Николасом Валентайном — как же здорово знать имена. Пересмешник похож на него: тот же рост, то же телосложение. А самое главное — при его прикосновениях у меня возникают схожие ощущения.

Или я просто вижу то, что хочу видеть?

И тут вспоминаю...

Откладываю ложку.

— Дай мне руку, — прошу шепотом.

Неловкое движение головой — и прядь светлых волос падает на лицо, мужчина быстро и привычно заправляет ее за ухо. В глазах Пересмешника — непонимание. Тем не менее вопросов не задает, молча протягивает мне правую руку ладонью вверх. Впиваюсь в нее взглядом.

Шрамов нет.

Я хорошо помню ожог на руке из первых видений. У Ника должен был остаться шрам на мизинце и безымянном пальце. У Пересмешника — ничего.

Может, я перепутала руки? Вывод уже очевиден, но я все еще хватаюсь за призрачную надежду.

— А вторую? — выдавливаю из себя подобие улыбки, хотя скулы сводит от напряжения.

Взгляд Пересмешника из удивленного становится заинтересованным — предмету моих исследований любопытно.

— Ты хиромантией увлекаешься? — усмехается.

— Вроде того, — бормочу. От волнения в голову не приходит ни одного более или менее правдоподобного объяснения.

Левая ладонь.

Шрамов нет.

Прикрываю глаза. Разочарование настолько сильное и болезненное, что мне хочется кричать. Просто похож...

— Ты чего? — Пересмешник наклоняется ко мне, заглядывая в лицо. — Не видать мне сундука золота и прекрасной русалки? — шутит. Улыбается, но глаза серьезные.

— Русалки уж точно, — отвечаю ему в тон, ясно давая понять, что объяснений не последует.

Не он, не он, не он...

Похлебка окончательно теряет вкус.

— Вечером увидимся?

Вскидываю голову.

— За ужином. Конечно, — отвечаю, не совсем понимая вопрос. Ведь Пересмешник сам сказал, что планирует отоспаться перед испытаниями.

Качает головой.

— После ужина. Прогуляемся поблизости?

«Поблизости» — это намек, что приглашает не к реке в поисках шпионов?

— Вечером и решим, — отвечаю нейтрально.

Не хочу давать никаких обещаний, мне нужно подумать.

К счастью, Пересмешник и не настаивает.

Продолжаю есть безвкусную жижу с кусочками плавающих в ней криво нарезанных овощей. В моей голове одна мысль сбивает другую. Они беспорядочно переплетаются между собой и в итоге вообще образуют спутанный клубок; яркая в нем только одна нить — умирать, как была готова еще вчера, я теперь категорически не согласна.

* * *

За ужином дальше приветствия мы с Пересмешником не заходим.

Он устал после дня на руднике, я — после огорода. А бесконечное выстраивание в голове логических цепочек вымотало меня окончательно.

Для себя я решила лишь одно: мне нужно выжить и выяснить все до конца. Только как это сделать, если Момот не откажется от своих планов и выберет после завтрашней победы меня, еще не определилась. Думай, Николс, думай...

После ужина ухожу к себе. Как-никак, это последняя ночь, которую я по позволению Главы могу провести в одиночестве.

Мне нужно еще подумать, нужно разобраться, попробовать вспомнить. Но завтра в эту же комнату завалится Момот и предъявит на меня свои права. И если раньше я, может, смогла бы смириться и стерпеть, то теперь, после всего того, что вспомнила, точно не сумею.

Сбежать?

Куда? Попытаться добраться до лагеря Цветов? Говорят, они к нам ближе всех, хотя и идти до них много дней. Если верить слухам, никто не доходил. Или слухи опять же распустил Филин, чтобы удержать покорных овец на своем пастбище?

С другой стороны, у нас Цветы тоже не появлялись. Значит, мы действительно далеко друг от друга.

Можно было бы попробовать рискнуть, выбрав такую смерть вместо измывательств Момота или взамен повешению на суку. Но как быть с тем, что таинственный люк поблизости от Птицефермы? Нет, уходить мне нельзя...

— Эй, Джульетта! Выйди на балкон! — Хаотичное кружение мыслей прерывает уже хорошо знакомый голос снаружи.

Автоматически улыбаюсь — кем бы Пересмешник ни был, мне на самом деле приятно общение с ним.

Встаю и свешиваюсь через подоконник.

— Не так я представляла своего Ромео, — язвлю.

— Берите, дамочка, что дают. — Незваный гость под моим окном корчит гримасу. — Посторонись.

Слушаюсь, скорее, от удивления, чем осознанно. Отступаю, а он хватается за край подоконника, подтягивается и уже через две секунды восседает на нем с видом победителя драконов.

— Вообще-то есть дверь, — напоминаю.

— Ты могла бы мне не открыть.

Неправда. Ему бы открыла. Пересмешник мне не враг, и даже если бы я решила выпроводить его восвояси, то все равно открыла бы и в лицо сообщила ему о своем нежелании разговаривать.

Тем не менее только пожимаю плечом, не оспаривая последнее утверждение. Пусть считает как хочет.

— Я, собственно, ненадолго. — Однако в противовес собственным словам, произнося их, Пересмешник поудобнее устраивается на моем подоконнике.

— Располагайся, чего уж там, — бормочу.

Плюхаюсь на край кровати. Что ж, поговорим. Может, он что-то узнал о незнакомцах из люка?

— Ты в курсе про планы Момота? — С лица гостя исчезает улыбка, и он становится предельно серьезен.

Тоже дошли слухи, значит? Впрочем, за целые сутки Чайка могла бы оповестить всю Пандору, не то что жителей одного не слишком большого лагеря.

— В курсе, — подтверждаю.

И совершенно не знаю, как выкрутиться. Вчера, пока я не вспомнила о своей работе и о задании, из-за которого оказалась здесь, спланированное убийство Момота казалось мне отвратительной, неприятной, но тем не менее приемлемой мерой. Теперь же я точно знаю, что готова убить его при самообороне, но ни за что во сне или исподтишка.

— Я его сделаю. — Чужой уверенный голос врывается в мои мысли, напоминая, что я в помещении не одна.

Вскидываю на Пересмешника глаза.

— Что? — Может, мне послышалось? До сих пор Пересмешник производил какое угодно впечатление, но точно не дурака.

— Уложу его в поединке.

Нет, не послышалось.

Качаю головой, медлю, подбирая слова — насмехаться и обижать его после того, сколько Пересмешник для меня сделал, не хочется.

— Вы элементарно в разных весовых категориях.

Но тот и не думает впечатляться.

— Еще аргументы? — язвит.

— Соперники определяются жеребьевкой. Ты можешь проиграть еще с другим противником, так и не встав в спарринг с Момотом. Или же провести десять боев и просто упасть под ноги Момоту от усталости.

Пересмешник усмехается, зачесывает пятерней несобранные этим вечером волосы назад. Часть из них снова падает на лицо, придавая их обладателю взъерошенный и немного забавный вид.

Нет, я совершенно не хочу, чтобы Момот завтра покалечил этого упрянца.

— А еще может упасть метеорит, — передразнивает меня арендатор моего подоконника. — Разберемся. Пообещай, что будешь за меня болеть.

Буду.

— Болеть буду не я, а твои поломанные кости, — говорю на полном серьезе.

— Кости срастаются, — отвечает Пересмешник со знанием дела. — От темы не уходи. Пообещай за меня болеть, и эти соревнования — мои.

Он говорит все это с усмешкой, так что такие слова не выглядят высокомерно или заносчиво.

Вспоминаю свою недавнюю ассоциацию.

— Ты мне еще голову дракона пообещай принести.

Смеется.

— Ага, и еще десять девственниц в придачу. Так будешь?

Вот же упрямый.

— А если скажу, что нет, не станешь зря рисковать своей шеей? — интересуюсь. — Нам с тобой еще в разведку идти.

Прищуривается, а физиономия совершенно довольная.

— Значит, все-таки волнуешься за меня?

— Опасаюсь, — не сдаюсь.

— А значит... — подталкивает.

Вроде и смеется, но создается впечатление, что ему на самом деле важно от меня это услышать.

Возвожу глаза к потолку.

— Значит, я буду за тебя болеть, — произношу, будто у меня выпытали такой ответ. Хотя, по сути, так оно и было.

— Вот так бы сразу. Все головы девственниц будут твои, — подмигивает мне Пересмешник и ловко спрыгивает с подоконника наружу.

Черт, а у меня так получится? В одно движение.

Вскакиваю и бегу к окну.

— Дракона головы! — возмущаюсь, толком не отдавая себе отчет в том, что кричу это довольно громко и меня могут услышать как с улицы, так и из соседних комнат. — Что мне делать с головами девственниц?!

— Разберемся! — весело доносится в ответ.

Глава 16

Сегодня солнечно и ветрено. Все жители Птицефермы собрались во дворе.

Мужчины не пошли на рудник, женщины не отправились в огород, на веревках не сушится белье — все дела оставлены, сегодня день «икс»: состязания.

Пока одни еще подтягиваются во двор, а другие уже выбирают себе место в «зрительном зале», Сапсан и Зяблик вбивают в землю колья и натягивают между ними веревки, обозначая «ринг». Чайка остервенело размахивает метлой, убирая с будущего места боя мелкие камешки и мусор, принесенные ветром.

Люди галдят, обмениваются предположениями о том, кто войдет в число победителей. Кайра с мечтательным выражением на лице уселась на верхней ступени крыльца и вслух рассуждает, сколько мужчин будут проливать кровь ради того, чтобы разделить с ней комнату. Сидящая рядом с ней Рисовка подперла кулаком щеку и слушает раскрыв рот.

Сама Рисовка уверена, что останется с Сапсаном. Сапсан — хороший боец, и они живут мирно и даже счастливо, насколько это возможно на Птицеферме. Тем не менее в глазах Рисовки видна некая зависть и даже восхищение желанной всеми Кайрой — за первую красоту лагеря и впрямь многие сегодня будут биться не на жизнь, а на смерть. Вряд ли, конечно, Филин допустит смертельный исход, но в состоянии работать завтра с постели встанут немногие.

Я не участвую ни в процессе подготовки, ни в обсуждении, торопиться занять место в кругу около «ринга» тоже не спешу — в любом случае поместятся все. Поэтому отхожу в сторону и молча наблюдаю за всеобщей суетой и оживленностью, подперев плечом стену барака.

Мне не хочется суетиться — будь моя воля, вообще не присутствовала бы. Но Глава не позволит и, если уйду, велит притащить меня назад, пусть даже за волосы, едва поймет, что кого-то не хватает. Я же одна из обещанных победителям наград, мне нельзя уходить.

От этой мысли сводит зубы. Вчерашнего приподнятого настроения, вызванного возвращением части воспоминаний, как не бывало.

А еще к уже привычному ощущению безысходности прибавляется новое чувство — волнение. Я волнуюсь за Пересмешника. Мне не понять восторга Кайры по поводу того, как много людей может пострадать в попытке заполучить ее в сожительницы. В данном случае я бы предпочла, чтобы Пересмешник выкинул из головы мысли о победе над Момотом — мне не нужна его победа, я хочу, чтобы он остался цел.

И то, что думаю об этом, тоже сводит меня с ума. Вчера я с облегчением списала свою симпатию к этому человеку на то, что, возможно, мое подсознание подсказывает мне то, о чем не может рассказать память. Если бы Пересмешник оказался Ником Валентайном, примчавшимся мне на выручку, все стало бы просто и понятно. Но Пересмешник не Ник, и я не мечтаю о его победе, не жажду стать его «парой». Однако едва ли не панически боюсь того, что Момот оставит от него мокрое место.

— Чего такая бледная? — раздается рядом скрипучий голос.

Не поворачиваю головы. Я слышала приближающееся постукивание клюки.

Обнимаю себя руками.

— Не хочу смотреть на предстоящий цирк, — признаюсь тихо, глядя, как Сапсан вбивает последний кол, а Зяблик тянет к нему веревку, чтобы завершить квадрат.

Почти все готово, и до начала остались считанные минуты. Тошно.

— Из-за Момота? — интересуется всеведущая Сова. Впрочем, со словоохотливостью Чайки неудивительно.

Со всей серьезностью обдумываю заданный вопрос и понимаю, что за это утро ни разу не подумала о том, что со мной будет, если — хотя вернее будет сказать когда — Момот объявит

меня своим призом. Я ведь еще вчера поняла, что ничего не сделаю. Мне нужно потянуть время, чтобы выяснить, что это за люди протоптали тропинку в лагерь из люка у реки. А значит, придется вытерпеть и Момота, и его садистские замашки. В конце концов, это всего лишь тело.

Пожимаю плечом.

— К черту его, — отвечаю искренне.

Сова крякает.

— Значит, волнуешься за Пересмешника? Никто не сомневается, что он будет биться за тебя.

Наконец поворачиваю голову к собеседнице.

— Думаешь, у него есть шанс против Момота? — уточняю скептически.

Сова шумно вздыхает, приподнимая угловатые плечи.

— Шанс есть всегда, — замечает философски.

Хмыкаю и отворачиваюсь, не спору. Я все еще очень надеюсь, что Пересмешник проигрывает в самом начале и успокоится. Во всяком случае, я точно успокоюсь.

Суэта возрастает. Появляется Филин, и все продолжают заниматься тем, чем занимались до этого, но с большим усердием. Чайка настолько ускоряет темп, что теперь ее метла больше поднимает пыль в воздух, чем сметает сор.

Глава, оказавшийся в эпицентре созданной Чайкой пылевой бури, ожидаемо закашливается, после чего прикидывается на зачинщика. Та послушно прекращает махать метлой, но уходит с «ринга» с видом оскорбленного и явно недооцененного таланта.

— Кайра, закончи! — велит Филин.

Та тут же вспархивает с крыльца и принимает от Чайки метлу. Понятно, почему Глава в данном случае выбрал Кайру: ее подметание двора — целое эротическое представление, которым Филин не прочь полюбоваться. Подозреваю, не нуждаясь в постоянной паре, Глава нередко приглашает рыжеволосую красотку к себе в комнату.

А Кайра старается на славу: то приподнимает край и так короткой юбки, оголив бедро едва ли не до пояса, то выпрямляется, устало распрямляя спину и вытирая несуществующий пот со лба, словно ненароком проводя рукой по груди. Кто ее знает, старается ли для Главы или просто увеличивает количество желающих бороться за нее в состязаниях.

Из дверей барака появляется Пересмешник, о чем-то весело переговаривается с Фазаном. Выглядит бодро, видимо, все же отоспался, как и собирался прошлым вечером. За завтраком мне некогда было его рассматривать — я была на раздаче еды, а затем умчалась мыть посуду, так что мы перекинулись лишь словами приветствия. Теперь же я неприкрыто пялюсь на него, он чувствует мой пристальный взгляд и поворачивает голову в мою сторону. Дарит широкую улыбку и посылает нечто вроде воинского салюта.

— Да вы, ребятки, времени зря не теряли, — комментирует под боком Сова. — Из вас бы вышла неплохая пара.

Морщусь. В слово «пара» на Птицеферме вложен особый смысл, и меня от него воротит.

— Прекрати, — прошу.

Отрываюсь от стены и направляюсь к остальным. Сова кряхтит и бредет следом, слышу, как стучит ее клюка.

Все рассаживаются вокруг импровизированного ринга на землю, как принято на собраниях. Не выбирая, опускаюсь на свободное место прямо по ходу своего движения. Справа садится Сова. Ей особенно тяжело опускаться так низко, но взять из барака табурет Глава не позволит — все же равны, никому нельзя давать поблажек.

Когда все рассаживаются, Филин выходит вперед, а Майна подносит ему чашку, в которую набросаны кусочки древесной коры — на них написаны имена участников состязаний.

— Кайра, будь добра, подойди. — Глава манит пальцем первую красавицу Птицефермы к себе, а Майна занимает место в кругу.

Жеребьевка.

Кайра тянет обломки коры, а Филин зачитывает. Не запоминаю — пока участников слишком много. Сознание четко вычленяет лишь то, что первым соперником Пересмешника становится Клест, а противником Момота — Кулик. Когда называют последнюю пару, Олуша бледнеет и в ужасе подносит ладонь к губам.

— А я что говорила? — радостно и довольно громко, чтобы все, кто сидит недалеко от нее, слышали, комментирует Чайка. — Ему она в любом случае не достанется.

Повезло же мне — не глядя выбрать место и оказаться поблизости от этой болтуни.

После слов Чайки Олуша становится белее снега.

— Заткнись, — прошу сквозь зубы.

— Чего-о-о? — Чайка упирает руки в боки и поворачивается ко мне всем корпусом. — Ты эту убогую защищаешь? Знала бы ты, как она тебя...

— Знаю, — прерываю поток гнили, готовый вылиться изо рта соседки.

Чайка оскорбленно фыркает, но замолкает.

Филин объявляет начало.

* * *

На Птицеферме двадцать шесть мужчин. Итого тринадцать пар соревнуются в первом этапе. Проигравшие сразу отсеются, остальные той же жеребьевкой получают новых противников и пойдут во второй этап.

Состязания открывают Пингвин и Фазан. Долго кружат друг против друга до тех пор, пока Филин не выдерживает и не кричит: «Бе-е-ей!» Фазан бьет, Пингвин лупит в ответ...

Пересмешник был прав, удар у Пингвина слабый, но вес, как ни крути, внушительный. Он и сам это знает, а потому через несколько минут валит Фазана на землю, придавив того своей массой.

Пингвину засчитывают победу.

Кто-то свистит, кто-то аплодирует. Фазан потирает ушибленную челюсть да отбитый при падении копчик. Но в общем-то ранения у него незначительные.

Пингвин гордо задирает нос и дарит мне многообещающий взгляд. Наивный — в этом году мною заинтересовался кое-кто покрупнее его. Неужели сплетни Чайки обошли Пингвина стороной и он все еще надеется снова прибрать меня к рукам?

Проходят еще несколько довольно скучных спаррингов, результат которых очевиден с первого взгляда, едва противники выходят на «ринг». Ведь благодаря жеребьевке между собой борются люди совершенно разных весовых категорий, не то что навыков. Филин называет такой порядок проведения состязаний справедливостью и равноправием.

Подбираюсь, когда в «ринг» приглашаются Пересмешник и Клест.

Пока что я только слышала от Пересмешника браваду, но в деле не видела. А Клест — противник не из слабых, и по росту и весу они примерно одинаковые. Так что в этой паре исход поединка непредсказуем.

Как и прошлые соревнующиеся, мужчины снимают футболки и выходят на «поле боя» босиком, в одних брюках. По сравнению с Клестом у Пересмешника очень белая кожа, которую еще не успел тронуть загар Пандоры. Несмотря на бледность, тело у него красивое — поджарое, тренированное.

Глядя на противника, вышедший вперед Клест заметно нервничает, переступает с ноги на ногу — не знает, чего от новенького ждать. Пересмешник же на ходу перетягивает волосы шнурком, выглядит совершенно расслабленным. Или правда абсолютно уверен в себе, или это такой психологический прием, но его спокойствие явно нервирует Клеста еще больше.

— Начали! — кричит Глава.

И...

И я разве что успеваю моргнуть, как Клест оказывается лежащим лицом в землю. По рядам зрителей проносится вздох удивления.

— Засчитано? — спрашивает не менее других пораженного скорым исходом боя Филина Пересмешник, все еще держа руку Клеста в крепком захвате у того за спиной. У самого даже дыхание не сбилось.

— Засчитано, — благосклонно кивает Глава, справившись с удивлением.

После чего Пересмешник легко спрыгивает с противника и выходит с «ринга». Клест поднимается кряхтя, но уходит тоже бодро — никаких повреждений, он просто не успел их заполучить.

Сижу, кусая губы, — мне не нужно, чтобы Пересмешник побеждал и дальше. Больше всего я хочу, чтобы он проиграл — кому угодно, лишь бы до столкновения с Момотом.

Проходя мимо, победитель ловит мой взгляд и чуть приподнимает подбородок: мол, я же говорил. Корчу в ответ гримасу — ничего не могу с собой поделать. Он усмехается, весело подмигивает мне и возвращается на свое место в «круге». Балбес.

На бой вызываются Дрозд и Сарыч...

* * *

Голый по пояс Момот выглядит еще более утрашающе, чем Момот в одежде. Огромный, с выпирающими крупными мышцами, обтянутыми исчерченной шрамами блестящей кожей.

Кулик не слишком уступает Момоту в росте, но он высокий и худой. Никто и никогда ни в одних честных испытаниях не поставил бы противниками этих двоих. К тому же у Кулика недавно была травмирована рука, и то, что он избавился от перевязи, еще не означает, что она полностью восстановилась.

Мне хочется отвернуться — сейчас будет все равно что избиевание младенца. Зачем Кулик принимает бой? Правилами разрешено отказаться от схватки, еще до ее начала признав себя проигравшим. Какого черта он делает?

Олуша, белая как мел, грызет ногти. А когда ловит мой взгляд, направленный на нее, отвечает своим, полным ненависти. «Это ты, это все ты!» — так и кричат ее глаза. Хочется поежиться, а еще лучше помыться. Отворачиваюсь.

— Начали! — дает отмашку Филин.

Момот замахивается, Кулик уклоняется, бьет в ответ, но противник играючи ловит его кулак своей огромной ладонью. Сжимает, в повисшей тишине отчетливо слышен хруст ломаемых костей. А затем тишина взрывается одновременным криком травмированного Кулика и шокированной Олуши.

Их крики сливаются воедино и пропитаны такой болью и отчаянием, что хочется закрыть уши руками, спрятаться. Сдайся сейчас, сдайся...

Момот с усмешкой отпускает свою жертву. Стоит, ждет, играет, как кот с мышью. У Кулика бешеные глаза, но он по-прежнему не сдается. Глупый, чем он поможет Олуше, будучи травмированным еще больше?

Кулик снова бросается в атаку, пытается ударить левой. У меня одно желание — зажмуриться.

На этот раз Момот подсекает противника на бегу, ловко ударив его в колено резко выброшенной вперед ногой. Кулик падает. А огромная нога Момота опускается сверху. На голову. С силой.

Вопль Олуши заполняет двор.

— Прекратить бой! — кричит Филин. Спокойно так кричит, без эмоций, просто громко, чтобы все услышали.

Что он собрался останавливать, когда все уже кончено?

Кулик лежит на боку, один глаз вышел из глазницы, под головой растекается багровая лужа крови.

Всё.

Не помню, как оказываюсь на ногах.

— Это же убийство! — кричу, наплевав на всякую осторожность. Меня колотит от возмущения и ощущения совершенной бессмысленности чужой смерти.

— Убийство по неосторожности, — все так же спокойно отвечает Глава, даже не соизволив взглянуть в мою сторону.

— Сядь, дурная, — тянет меня снизу за юбку Сова, но я не собираюсь слушаться.

— Останови испытания! — Выдергиваю свой подол из цепких пальцев женщины.

Олуша продолжает выть, пытается бежать к мертвому телу. Ее перехватывает Чайка, тащит к барaku. После некоторой заминки к ней на помощь приходит Майна, подхватывает Олушу под другую руку. И уже вместе они волокут обезумевшую от горя девушку к крыльцу.

Все приходит в движение. Гомон голосов, споры — и улыбающаяся морда Момота, полностью уверенного в своей правоте и безнаказанности. Я думала, мы увидим избиение, но только что на наших глазах произошло убийство!

Филин твердит, что мы здесь как семья. Так поступают в семьях?!

Меня трясет, в горле клокочет ярость.

А Филин уже отворачивается от мертвого тела, отходит в сторону. Ибис и Ворон направляются к «рингу», чтобы прибрать. Никто не возмущен, никто, кроме меня, не возразил и полусловом. Как так?!

Плохо отдавая себе отчет в том, что делаю, шагаю вперед. Так нельзя, так просто нельзя. Где хоть что-то человеческое в этом месте?

Не знаю, кому в горло я собираюсь вцепиться первому, Момоту или Филину, но меня лишают возможности сделать как то, так и другое.

— Пусти, — резко дергаюсь, чтобы вырваться из кольца обхвативших меня рук.

— Голову вруби, — получаю в ответ довольно грубо.

Я бы могла вырваться, точно знаю, что могла бы. Даже примерно представляю порядок действий: Пересмешник все еще босиком, а я в грубых ботинках, можно садануть его по ноге, а когда ослабит хватку, локтем под дых, а потом...

Обмякаю в его руках, даже толком не сделав попытки сопротивления.

Шмыгаю носом. Мне хочется реветь, особенно сейчас, когда меня обнимают сзади, даря иллюзию защищенности.

Закрываю лицо ладонями, делаю несколько глубоких вдохов, пытаюсь взять себя в руки.

— Отпускаю? — спрашивает Пересмешник.

Хочется отрицательно замотать головой и вцепиться в него.

— Угу, — киваю в ответ.

Сдерживающие меня руки разжимаются. Тут же поворачиваюсь.

У Пересмешника очень серьезное выражение лица, губы сжаты в прямую линию. Смотрит на меня тревожно, опасается, что я все же выкину какую-нибудь глупость. Но я уже немного пришла в себя, и этого достаточно, чтобы четко осознавать: кинусь на Филина — и меня тут же оттащат от него, а затем вздернут на первом же суку как предательницу. Все гораздо хуже — по взгляду Пересмешника понимаю, что глупости намерен делать он.

Мы знакомы-то неделю. Я, вообще, одиночка. За эти два года я не сблизилась здесь ни с кем. Люди вокруг меня умирали, но я больше думала о глобальной несправедливости, чем о конкретных личностях. А сейчас мне до ужаса страшно за одного-единственного человека. Того, кого я знаю-то неделю...

Должно быть, я все еще в шоке, потому что, не раздумывая и позабыв о множестве свидетелей вокруг, обхватываю лицо стоящего рядом со мной мужчины ладонями. Его брови удивленно поднимаются, но он не пытается убрать мои руки или отстраниться.

Мне хочется попросить его сдаться, когда их с Момотом поставят друг против друга. Теперь я отчетливо осознаю, что действительно не «если», а «когда». Я видела, как дерутся остальные. Пересмешник легко дойдет до финала, и все будет в порядке, если он сдастся.

По всем правилам ему нет смысла бросать вызов Момоту, он изначально и не собирался, сам же говорил, что одно из девяти «призовых» мест его устроит. Но Пересмешник решил драться с ним из-за меня, а теперь и из-за того, что только что произошло на его глазах.

Хочется просить, умолять, упрашивать, потому что мне страшно за него. Но Пересмешник ясно высказался о своей позиции еще вчера: ему не нужна жалость и сочувствие — Пересмешнику требуется поддержка, нужен болельщик, а не плакальщик.

— Я буду за тебя болеть, — шепчу, задыхаясь, но так твердо, как только могу.

Он все же снимает с себя мои руки. Медленно опускает вниз, но из своих ладоней не выпускает; улыбается.

— Тогда мы его сделаем.

«Мы»... Будто бы у меня будет хоть какой-то шанс помочь.

Так и стоим, держась за руки, посреди двора. Кажется, окончательно прихожу в себя, потому что мне становится неловко, кровь приливает к щекам.

— Гагара! Иди-ка сюда, подсоби! — доносится до меня скрипучий голос Совы.

Как же вовремя.

— Только попробуй умереть, — бросаю Пересмешнику сквозь зубы, чтобы не разреветься, и резко высвобождаю руки, отворачиваюсь, ищу взглядом Сову.

— Не собираюсь, — отвечает Пересмешник мне в спину.

Не оборачиваюсь.

А то точно разноюсь, как дура.

Глава 17

Перерыв между первым и вторым туром

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.